

Министерство культуры Российской Федерации
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

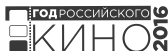
ТРУДЫ
Санкт-Петербургского
государственного института культуры

2016 • Том 214

**КУЛЬТУРА
И ДЕЛОВОЙ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК**

Материалы III международной
научно-практической конференции

12–13 марта 2015 г., Санкт-Петербург

ТРУДЫ
Санкт-Петербургского государственного института культуры
2016 • Том 214

Культура и деловой иностранный язык
Материалы III международной научно-практической конференции
12–13 марта 2015 г., Санкт-Петербург

Научный журнал. Издаётся с 1956 г.

Публикуется по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Редакционная коллегия 214-го сборника научных трудов:
А. Ю. Русаков (отв. ред.), Т. В. Захарчук (зам. отв. ред.), И. И. Басс,
Л. А. Девель, Г. В. Копелева, С. А. Владимирова (отв. секретарь)

Редактор: М. Е. Лисовская
Дизайн макета: С. А. Владимирова
Верстка: М. Е. Лисовская
Выпускающий редактор: С. А. Владимирова

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2. СПбГИК. каб. 2556, тел. 318 97 16.
www.spbgik.ru • e-mail: sv-spbizdat@mail.ru • Лиц. ИД № 05313 от 09.07.2001
Подписано в печать 14.12.2016. Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 10. Тир. 70. Зак.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Красногорский полиграфический комбинат».
107140, Москва, пер. 1-й Красносельский, д. 3, оф. 17. Тел. 8(495)374 98 90

ISSN 2308-0051

Сайт: <http://spbgik.ru/works/>

РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=37883

Киберленинка: [http://cyberleninka.ru/journal/n/
trudy-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kulturny-i-iskusstv](http://cyberleninka.ru/journal/n/trudy-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kulturny-i-iskusstv)

СОДЕРЖАНИЕ • CONTENTS

Л. А. Девель. Предисловие (Liudmila A. Devel. Introduction)	7
--	---

Раздел 1. Лингводидактика Section 1. Language education

Т. А. Балашова. Дисциплина «Деловой иностранный язык» в магистратуре библиотечно-информационного факультета (Tatiana A. Balashova. Business English course for master's degree students at Department of library and information science)	9
Е. В. Бурмистрова. Проведение дней культуры Германии как мотивирующий фактор в изучении немецкого языка: на примере дней Германии в Санкт-Петербургском государственном институте культуры (Elizaveta V. Burmistrova. Organizing days of German culture as motivating factor in study of German: evidence from «Days of Germany» at Saint Petersburg State University of Culture)	20
Д. А. Громова. Интегрированный навык как эффективное средство активизации коммуникации в деловом английском языке (Diana A. Gromova. Integrated skills as effective means of activating communication in teaching Business English)	26
Е. А. Кольцова. Обучение деловому английскому с использованием аутентичных реалии-шоу (Elena A. Koltsova. Teaching Business English and reality TV shows).	32

Н. В. Попова, А. И. Дашкина. Пособие по деловому английскому языку как средство формирования профессиональной и социальной компетенций обучающихся
(Nina V. Popova, Alexandra I. Dashkina. Business English manual as means of building professional and social learner competences). 39

М. М. Степанова. Обучение навыкам спонтанной речи в курсе делового иностранного языка в магистратуре технических направлений
(Maria M. Stepanova. Forming spontaneous speech skills when teaching business foreign language for technical master students). 48

С. Ю. Тюрина. Формирование профессиональной мотивации студентов магистратуры в техническом вузе средствами делового иностранного языка
(Svetlana Y. Tyurina. Development of professional motivation of master degree students in technical university in context of Foreign Business Language course) 53

Раздел 2. Лингвокультурология
Section 2. Language cultural studies

М. А. Благодирова. Лингвокультурные различия между британцами и американцами и их роль в деловом общении
(Marina A. Blagodarova. Linguocultural differences between britons and americans and their role in business communication) 57

Л. К. Гейхман, И. В. Ставцева. Межкультурная коммуникация: реальное и виртуальное
(Lyubov K. Geykhman, Irina V. Stavtseva. Cross-cultural communication: real and virtual aspects). 64

Н. Н. Клеменцова. Возможности текста в формировании культурной осведомленности
(Nadezhda N. Klementsova. Developing cultural awareness through reading texts) 68

Раздел 3. Лексикография

Section 3. Lexicography

М. Гарзанити. Опыт лексикографической поддержки описания итальянского и флорентийского культурного наследия на русском языке (Marcello Garzaniti. Lexicographical tools in communication of Italian and Florentine cultural heritage in Russian language) 71

Е. С. Петрова. Культурологическая лексикография и кодификация «европейского английского» (Elena S. Petrova. Cultural lexicography and codification of «European English») 75

Д. Тампоне. Тематический словарь архитектурной консервации (Gennaro Tampone. Thematic dictionary of architectural conservation) 83

С. А. Хватов. Лингвокультурологические проблемы межкультурной коммуникации и двуязычный словарь (Sergey A. Khvatov. Linguistic and cultural problems in intercultural communication and bilingual dictionary) 91

Раздел 4. Переводоведение

Section 4. Translation studies

А.-Р. Вуорикоски. Как важно быть точным (Anna-Riita Vuorikoski. Importance of being accurate) 101

Г. В. Копелева. Предпереводческий анализ учебного текста социокультурной тематики (Galina V. Kopeleva. Analysis of sociocultural educational text before translating) 110

Раздел 5. Лексикология, анализ дискурса
Section 5. Lexicology, discourse analysis

Э. Джендрих. Метафора в деловой коммуникации
(Elzbieta Jendrich. Metaphors in business communication) 117

Э. Джендрих. Терминология в учебниках по языкам
для специальных целей: квантитативный метод оценивания
(Elzbieta Jendrych. Terminology input in ESP course-books:
quantitative evaluation method) 134

Е. Ю. Хрисонопуло. Особенности употребления служебных слов
в официально-деловом дискурсе Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО:
на материале Конвенции об охране всемирного культурного
и природного наследия 15 мая 2015 г. . . . .
(Ekaterina Y. Khrisonopulo. Properties of function words
in business discourse of UNESCO World Heritage Committee:
with focus on Convention Concerning Protection
of World Cultural and Natural Heritage May 15, 2015) 143

Сведения об авторах (Information about the authours). 155

Л. А. Девель • Liudmila A. Devel

Предисловие • Introduction

В девятнадцати статьях сборника трудов III международной научной конференции Санкт-Петербургского государственного института культуры «Культура и деловой иностранный язык» рассматривается проблематика лингводидактики, лингвокультурологии, лексикографии, лексикологии, переводоведения, анализ дискурса. Отечественные авторы представляют не только Москву и Санкт-Петербург, а также Иваново, Пермь, Калининград. Среди авторов сборника уже не в первый раз почетные работники высшего профессионального образования Российской Федерации профессора, доктора педагогических наук Л. К. Гейхман, Н. В. Попова, а также кандидаты наук, доценты и ст. преподаватели вузов.

Из представителей дальнего зарубежья в сборнике участвует Э. Джендрих – бизнес-школа Козминского университета в Варшаве (Польша), экзаменатор Лондонской Торгово-Промышленной Палаты, автор и соавтор учебников и многочисленных статей по корпусной лингвистике, преподаванию делового английского и английского для специальных целей, эксперт языковых программ для Евросоюза и британского издательства Пирсон-Лонгман. А.-Р. Вуорикоски (Тампере, Финляндия) – переводчик Евросоюза, С. А. Хватов – институт русистики Варшавского университета (Польша), профессор Флорентийского университета М. Гардзанити (Италия), председатель научного комитета по дереву ИКОМОС, консультант ИККРОМ Д. Тампоне (Италия).

Актуальность выбранной для сборника тематики не вызывает сомнения и подтверждается многочисленными международными документами по линии ЮНЕСКО, ИКОМОС, ИККРОМ, ИКОМ. Рассматривая вопросы культурной направленности, историко-культурной проблематики, специалисты отмечают, что на сегодняшний день существует ряд проблем, препятствующих активному и эффективному налаживанию межкультурного диалога, образования и обучения управлению наследием для территориального развития. Основными проблемами, по мнению большинства специалистов, являются проблема преодоления языкового барьера, отработка унифицированной терминологии в различных областях теоретической и прикладной деятельности, отсутствие профильных периодических русскоязычных изданий, информирующих об актуальных проблемах, требующих совместного международного решения.

Хотелось бы напомнить, что сборник имеет свою предысторию. Основа настоящей III конференции была заложена работой и шестью выпусками трудов секции делового иностранного языка Международной филологической конференции

Санкт-Петербургского государственного университета, начиная с 2007. В 2011 г. заседание секции прошло в СПбГИК. С 2012 г. в СПбГИК проводятся конференции «Культура и деловой иностранный язык», одной из основных целей которых является содействие эффективности построения международного делового сотрудничества в сфере культуры [1–8].

Третий, последний выпуск трудов конференции, предназначен не только для специалистов-исследователей, магистрантов, аспирантов, преподавателей вузов, но и для широкого круга читателей. Настоящий сборник посвящен светлой памяти А. С. Герда (1936–2016), безвременно ушедшего в мае 2016 г. учителя, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета, научного руководителя Межкафедрального словарного кабинета им. Б. А. Ларина, который на протяжении длительного времени читал лекции по курсу «Язык деловой и научно-технической литературы». Его имя пользуется большим авторитетом в нашей стране и за рубежом. В 2009 г. А. С. Герд был удостоен премии Европейского союза за лучший терминологический словарь в Европе.

Литература

1. Материалы ХLI международной филологической конференции. Секция делового иностранного языка / отв. ред. Л. А. Девель, Н. Ю. Зайцева, Н. В. Попова. СПб.: Культинформпресс, 2012. Вып. 6. 87 с.
2. Труды СПбГУКИ. 2013. Т. 196: Культура и деловой иностранный язык. 139 с.
3. Труды СПбГУКИ. 2014. Т. 202: Культура и деловой иностранный язык. 220 с.
4. Деловой иностранный язык: сб. науч. тр. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2007. Вып. 1: Материалы XXXVI междунар. филол. конф., 15–16 марта 2007 г. / отв. ред. Л. А. Девель. 90 с.
5. Деловой иностранный язык: сб. науч. тр. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2008. Вып. 2: Материалы XXXVII междунар. филол. конф., 13–14 марта 2008 г. / отв. ред. Л. А. Девель. 64 с.
6. Деловой иностранный язык: сб. науч. тр. СПб.: Культинформпресс, 2009. Вып. 3: Материалы XXXVIII междунар. филол. конф., 19–20 марта 2009 г. / отв. ред. Л. А. Девель. 66 с.
7. Деловой иностранный язык: сб. науч. тр. СПб.: Культинформпресс, 2010. Вып. 4: Материалы XXXIX междунар. филол. конф., 18 марта 2010 г. / отв. ред. Л. А. Девель. 58 с.
8. Деловой иностранный язык: сб. науч. тр. СПб.: Культинформпресс, 2011. Вып. 5: Материалы XL междунар. филол. конф., 17–18 марта 2011 г. / отв. ред. Л. А. Девель, Н. Ю. Зайцева, Н. В. Попова. 112 с.

РАЗДЕЛ 1. ЛИНГВОДИДАКТИКА

SECTION 1. LANGUAGE EDUCATION

УДК 811.111'24:378.147

Т. А. Балашова

Дисциплина «Деловой иностранный язык» в магистратуре библиотечно-информационного факультета

Современные подходы к модернизации высшего образования заставляют переосмыслить содержание дисциплины «Деловой иностранный язык» в рамках магистерской программы, а также выступают основанием для пересмотра других компонентов системы обучения с целью усиления практико-ориентированной направленности и развития личностных качеств, которые позволят выпускнику магистратуры преуспеть в будущей профессиональной деятельности. Особое внимание в статье уделяется активным методам обучения, которые способствуют переходу к компетентностно-ориентированной модели преподавания дисциплины. Материалы статьи могут быть использованы для составления методических рекомендаций по изучению иностранного языка в магистратуре.

Ключевые слова: магистерская программа, деловой английский язык, библиотечно-информационная деятельность, компетентностный подход, технология активного обучения

Tatiana A. Balashova

Business English course for master's degree students at Department of library and information science

Modern trends of renovation in higher education make it important to review the constituents of educational process as well as the subject matter of the Business English course within a master's degree programme from the stand point of pragmatics and personal development to help graduates gain competitive edge in the job market. In the article special attention is paid to educational methods designed to facilitate the transition process to competence-based, learner-centered instruction. The findings can be used as guidelines to planning the Business English course within a master's degree programme.

Keywords: master's degree programme, Business English, library and information science, competence-based approach, active learning

Магистерская программа по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» является сравнительно новым направлением учебной работы вуза, поэтому кафедры, реализующие данную программу, активно ищут пути решения стоящих перед ними новых задач.

Особенность магистерской программы на библиотечно-информационном факультете, в первую очередь, заключается в том, что она ориентирована на решение проблем и поиск путей совершенствования деятельности библиотек и информационных центров. При разработке содержания курса «Деловой иностранный язык» необходимо учитывать эту особенность, связанную с профессиональной (научно-исследовательской, производственно-технологической, организационно-управленческой, проектной и психолого-педагогической) ориентацией магистерской программы. Поэтому рассмотрение актуальной проблематики с позиций наиболее эффективного использования потенциала современных библиотек в целях их успешного развития становится важной составляющей содержания курса «Деловой иностранный язык» для магистрантов данного направления подготовки.

Кроме того, ведущие преподаватели специальных дисциплин на библиотечно-информационном факультете видят перспективные направления развития магистерской программы в активизации научно-исследовательской деятельности и академической мобильности, что подразумевает не только способность магистрантов проводить собственные научные изыскания, но и их участие в международных научно-исследовательских проектах, круглых столах и конференциях. Доступ к научному знанию, полученному учеными всего мира, позволяет магистранту узнать о международных достижениях в области изучаемой науки, определить перспективные направления развития научной мысли и наметить пути научного решения глобальных проблем, стоящих перед обществом [3]. Необходимо отметить, что академическая мобильность, связанная с интеграцией магистрантов в мировое научное сообщество, возможна только при наличии у них сформированной языковой коммуникативной компетентности, что является целью изучения дисциплины «Деловой иностранный язык» в магистратуре.

Еще одной особенностью, на которую опирается система уровневого образования, является компетентностный подход к обучению. Сущность этого подхода давно стала областью исследования ведущих педагогов и специалистов в сфере образования. Среди наиболее значимых следует выделить работы таких исследователей как А. В. Хуторской [13], А. А. Вербицкий [4], В. И. Байденко [2], Э. Ф. Зеер [6], И. А. Зимняя [7], Д. А. Иванов, К. Г. Митрофанов, О. В. Соколова [8], Н. Н. Абакумова, И. Ю. Малкова [1] и др. При этом отмечается, что компетентностный подход не является абсолютно новым для российской школы, а скорее выступает логическим результатом работы отечественных педагогов и психологов (В. В. Давыдова, Б. Д. Эльконина, И. Я. Лернера, В. В. Краевского, Н. В. Кузьминой, М. Н. Скаткина, Г. П. Щедровицкого и др.). М. В. Дубова определяет компетентностный подход как «стратегическое направление развития всех компонентов системы обучения, имеющее практико-ориентированную направленность обучения с целью формирования у учащихся ключевых компетентностей как уни-

версальных способов учебной и социальной деятельности», отмечая при этом, что он интегрирует в себе основные компоненты существующих в практике образования подходов: традиционного, культурологического, личностно-ориентированного и деятельностного [5, с. 62–63]. Компетентностный подход основывается на понятиях компетенция и компетентность. А. В. Хуторской определяет компетенцию как «заданное социальное требование к образовательной подготовке ученика, необходимой для его качественной продуктивной деятельности в определенной сфере» [цит. по: 9, с. 39]. Особенность компетенций заключается в том, что они могут демонстрироваться, а, следовательно, оцениваться. При определении «компетентности», прежде всего, выделяется ее интегративный характер, соотношенность с ценностно-смысловыми характеристиками личности, ее практико-ориентированная и деятельностная направленность. Другими словами, компетенции как планируемый результат обучения определяют цели и содержание обучения, особенности организации образовательного процесса и оценки достижений учащихся, а компетентность можно определить как степень (уровень) сформированности определенных компетенций.

Содержание общекультурной компетенции «способность свободно пользоваться иностранным языком как средством делового общения» [12], формирование которой регламентируется требованиями ФГОСа к результатам освоения основной образовательной программы магистратуры, предполагает, прежде всего, осмысление структурных компонентов указанной компетенции в рамках конкретной магистерской программы, так как именно содержание компетенции диктует содержание всех компонентов системы обучения. В целях конкретизации содержания дисциплины «Деловой иностранный язык» в магистратуре следует ограничить сферу изучения и употребления языка сферой деловой профессиональной коммуникации, а также сместить акцент с приобретения абстрактного уровня свободного владения языком на развитие когнитивной, деятельностной и мотивационной составляющих компетенции будущих магистров, а также личностных качеств – самостоятельности, целеустремленности, самодисциплины, необходимых им для «обучения в течение всей жизни». Кроме того, необходимо принимать во внимание, что выделяемая компетенция, ввиду деловой направленности, перекликается с профессиональными компетенциями в сфере организационно-управленческой и научно-исследовательской деятельности в библиотеке [12]. В связи с этим, нам представляется необходимым конкретизировать компетенцию, формирование которой обеспечивает дисциплина «Деловой иностранный язык».

Н. В. Пахаренко и И. Н. Зольникова определяют структуру компетенции как единство мотивационного, когнитивного, деятельностного и личностного компонентов [10, с. 316]. На наш взгляд, мотивационный компонент, характеризующийся стремлением овладеть компетенцией и использовать ее в процессе

обучения, и личностный компонент – осознание значимости профессионального саморазвития и личностного самосовершенствования, тесно взаимосвязаны, так как мотивация к деятельности проявляется в стремлении включаться в работу, качественно ее выполнять и взаимодействовать с участниками учебного процесса, что предполагает развитие качеств личности, таких как коммуникабельность, ответственность, проявление внимания и уважения к окружающим. Когнитивный компонент – собственно содержательный аспект компетенции направлен на формирование знания фонетической, грамматической и лексической системы языка, а также на владение способами поиска, накопления, анализа и систематизации знания, дифференциации основного и вспомогательного знания, умение применять и усваивать знания в учебных ситуациях. При этом в силу вступают познавательные процессы восприятия, мышления, внимания, памяти и речи. Деятельностный компонент, как следует из названия, реализуется за счет активного вовлечения в практические, приближенные к условиям жизни (профессионально-деловой сферы) виды деятельности, требующие постоянного выбора, употребления и ротации языковых средств в процессе коммуникации. Этот компонент имеет основополагающее значение при выборе педагогических технологий обучения, среди которых, в силу своей комплексной природы и направленности на процесс конструирования, а не передачи знания в ходе учебной деятельности, наибольшую популярность приобрела технология активного обучения, включающая в себя контекстное обучение, игровые технологии, ситуационный анализ, проектную технологию, ролевое моделирование, обучение в сотрудничестве и т. д. [14].

Если рассматривать компетенцию как цель и планируемый результат дисциплины, то значительной трансформации подвергаются основные составляющие учебного процесса. В первую очередь, исходя из прагматической направленности компетентностного подхода, необходимо определить содержание дисциплины «Деловой иностранный язык», так как деловая сфера обширна, а понимание специфики делового иностранного языка варьируется в зависимости от профессиональной области применения и должно, по сути, отражать особенности реализуемой в магистратуре программы.

В процессе практической работы с магистрантами библиотечно-информационного факультета Санкт-Петербургского государственного института культуры мы пришли к выводу, что обучение в магистратуре целесообразно выстраивать на основе блочно-модульной системы, позволяющей реализовать лично-ориентированный подход к обучению, в рамках которого становится возможным проектирование индивидуального образовательного маршрута обучающегося. Обучение деловому иностранному языку в магистратуре предлагается осуществлять в рамках трех модулей, каждый из которых имеет четко выраженную цель и ставит перед магистрантом задачи возрастающей сложности.

Общепрофессиональные навыки деловой коммуникации, необходимые на начальном этапе формирования компетенции, определяют содержание первого модуля дисциплины – «Основные аспекты деловой коммуникации». Базовыми умениями в сфере деловой коммуникации являются умение назначить / отменить / перенести встречу, вести телефонный разговор, соблюдать формы вежливости в устной и письменной коммуникации, оформлять деловое письмо, запрашивать информацию в устной и письменной форме, участвовать в совещаниях и встречах, принимать зарубежные делегации, выступать с презентацией, вести краткие записи на совещаниях, переговорах, презентациях и т. д. В том или ином объеме указанная тематика представлена в большинстве учебных пособий по деловому английскому языку.

Второй модуль – «Организационно-управленческая деятельность в библиотеках и информационных центрах» непосредственно связан с теоретическими, организационными и психологическими основами библиотечного менеджмента, так как курс обучения иностранному языку в магистратуре должен соответствовать ожиданиям выпускников, которые после окончания обучения в магистратуре займут управленческие должности в библиотечно-информационных учреждениях [3, с. 59]. Тематику модуля составляют вопросы стратегического управления развитием кадровых, финансовых, материально-технических и информационных ресурсов, развития организационной культуры и системы корпоративных коммуникаций.

Третий модуль – «Научные исследования в библиотечной сфере» ориентирован на тематику, связанную с инновационной деятельностью библиотек и предполагает знакомство с публикуемыми на иностранных языках новейшими исследованиями в области библиотечного дела, а также умение магистранта представить цели, задачи и промежуточные результаты своей научно-исследовательской работы. Если первый модуль дисциплины можно считать общим для любого курса делового иностранного языка, то два последних отражают специфику магистерской программы на библиотечно-информационном факультете, их содержание может и должно отвечать профессиональным и научным интересам магистрантов.

Подобно содержательной стороне дисциплины, организация процесса изучения иностранного языка в магистратуре также претерпевает определенные изменения. В когнитивной сфере ведущей формой приобретения знаний становится поисковая деятельность студентов. На первый план выходит деятельность по созданию собственного учебного контента и передаче приобретенных знаний, которая частично (на начальном этапе), а затем полностью заменяет восприятие информации в готовой форме и обработку материала на готовых образцах и упражнениях. В основе методов взаимодействия педагога и группы обучающихся лежат принципы активного группового обучения, взаимобучения, эффективно-го обмена знаниями и опытом.

Для организации процесса обучения магистрантов в рамках первого модуля мы предлагаем виды учебной работы, сочетающие проектную и ролевую технологии, что, на наш взгляд, позволит магистранту не только выстроить индивидуальный маршрут учебной деятельности при изучении иностранного языка, но и даст возможность выступить в роли эксперта в освоенных им областях знания. Работа над первым модулем включает в себя три этапа:

1. Установочный этап

На аудиторных занятиях магистрант знакомится с основными особенностями разных форм деловой коммуникации и выбирает для углубленного изучения один из предложенных аспектов (Деловая встреча / Совещание / Прием делегации / Собеседование / Деловая переписка / Презентация / Телефонный разговор и т. д.).

2. Подготовительный этап

Магистрант формулирует цели и задачи в форме ожидаемых результатов изучения выбранной темы; используя готовые материалы из учебных пособий по деловому иностранному языку, самостоятельно или с помощью преподавателя подбирает иллюстративный материал и языковые опоры; составляет алгоритм ролевой игры по изучаемой им теме, готовит по теме монологическое высказывание, составляет по нему вопросы для обсуждения.

3. Практический этап

Взаимообучение в форме ролевой игры «Тренинг делового общения»: на аудиторном занятии магистрант проводит тренинг (20–25 мин.) в малой группе (для 2–3 студентов), состоящий из следующих компонентов:

- объявление темы и конкретизация целей и задач тренинга;
- теоретическая часть в форме монолога-сообщения, например, о правилах ведения телефонного разговора, подготовки презентации, написания письма и т. д.;
- обратная связь в вопросно-ответной форме на понимание слушателями представленной информации;
- подготовка группы к ролевой игре (изучение образцов диалогов, речевых клише);
- знакомство с инструкцией к ролевой игре;
- проведение ролевой игры (например, «Деловая встреча», «Совещание», «Телефонный разговор» и т. д.) по предложенному алгоритму;
- групповая оценка эффективности тренинга.

В течение практического занятия тренинг может проводиться студентом несколько раз для разных групп, что дает возможность исправить допущенные ранее ошибки, более эффективно рассчитать учебное время и способ организации работы малой группы, выработать навык путем многократного повторения материала и тем самым повысить эффективность самообучения и взаимообучения.

В результате сочетания разных видов работы и ориентации на активность и самостоятельность магистранта развиваются навыки поиска, отбора, обработки и адаптации учебного материала для эффективной передачи знания, а также монологическая и диалогическая речь. Студент, активно вовлеченный в процесс учебного творчества, выступает в роли эксперта, разработчика учебного материала и модератора, поэтому более тщательно работает над фонетической и грамматической стороной высказывания, отбором необходимых средств для обучения, т. е. берет на себя функции, которые ранее выполнял только преподаватель.

Формой рубежного и промежуточного контроля (зачета) после изучения модуля может стать групповой сценарий деловой игры, которая объединит все изученные аспекты. Участие в деловой игре позволит студентам продемонстрировать навыки деловой коммуникации, а преподавателю оценить уровень сформированности компетенции на данном этапе.

При изучении второго и третьего модуля усиливается проблемная направленность обучения, а с ней поисковая и исследовательская деятельность магистрантов. Целью второго модуля «Организационно-управленческая деятельность в библиотеках и информационных центрах» является развитие умения работать с иноязычными источниками информации для решения профессионально-ориентированных практических задач в процессе деловой коммуникации. Сфера профессиональных интересов магистрантов разнообразна, поэтому в рамках второго модуля мы предоставляем магистранту возможность выбрать интересующую его тему, связанную с одним из аспектов управления деятельностью библиотеки, и выполнять учебные задания в рамках выбранной темы. Аргументированный выбор темы и качество выполненных работ служит показателем готовности обучающегося планировать свою учебную деятельность, брать на себя ответственность за принятые решения и результаты учебного труда, что значительно облегчает процесс диагностирования не только когнитивного и деятельностного, но и мотивационного компонента при оценке сформированности компетенции.

Изучив содержание ряда отечественных и зарубежных учебных пособий по вопросам организационно-управленческой деятельности в библиотечной сфере [11, 15], можно предложить магистрантам следующие темы в рамках второго модуля:

- (1) Planning information services and systems, strategic planning in a library (Вопросы планирования деятельности библиотеки);
- (2) Marketing information services (Библиотечный маркетинг);
- (3) Organisation and organisational structure in a library (Организационная структура библиотеки);
- (4) Human resource management in a library (Кадровый менеджмент в библиотеке);
- (5) Motivation (Мотивация и стимулирование персонала);
- (6) Leadership (Стили руководства);

(7) Ethics in a library (Этика библиотечного дела);

(8) Communication and conflict (Коммуникативные процессы в управлении библиотекой);

(9) Fiscal responsibility and control (Экономическая деятельность библиотеки – бюджет, финансирование, фандрейзинг);

(10) Collection development (Комплектование фондов и управление фондами);

(11) The management of change in a library (Управление процессом изменений в библиотеке) и т. д.

Комплекс обучающих заданий для второго модуля разработан таким образом, что результаты представленных работ могут быть использованы для текущего контроля успеваемости обучающихся. Предлагаемая магистрантам система учебных заданий разных уровней сложности включает в себя:

– лексико-грамматический **анализ текста** с целью выявления наиболее часто встречающихся грамматических явлений в тексте для составления списка правил, необходимых для повторения (индуктивный подход), работа с грамматическими справочниками; составление списка высокочастотной лексики (с использованием программ-утилит, предназначенных для обработки массивов текстовой информации посредством разбиения ее на лингвистические единицы для построения частотных словарей);

– подготовка **слайдов** с описанием и объяснением грамматических явлений и разработка тренировочных лексико-грамматических упражнений;

– составление **конспекта** прочитанного материала (раздела, главы, параграфа, статьи) по выбранной теме, определение круга рассматриваемых автором проблем, составление вопросов по содержанию конспекта, составление проблемных вопросов, требующих анализ и систематизацию изученного материала для аргументации ответов;

– **реферативный перевод** главы или раздела по исследуемой теме с последующим обратным переводом;

– **сравнительный анализ** освещения темы в англоязычном и отечественном источнике сходной тематики с точки зрения информативности и круга рассматриваемых вопросов, фиксирование расхождений в трактовке изучаемых понятий и явлений;

– **параллельное изучение текстов** иноязычной научной литературы, переведенной на русский язык, с целью поиска терминологических соответствий; «инвентаризация» терминов, т. е. сбор и описание терминов, относящихся к данной области знания; составление **гlossария** по изучаемой теме;

– составление **аннотированного списка литературы** (англоязычных источников) по исследуемой проблеме;

– решение **проблемных задач** в ситуациях квазипрофессиональной деятельности.

На аудиторных занятиях происходит чтение и обсуждение подготовленных студентами конспектов и реферативных переводов, работа с текстом с применением игровых методик; обмен подготовленными магистрантами глоссариями и словарями, выполнение упражнений (подстановочные лексико-грамматические упражнения, перевод предложений с высокочастотной лексикой и т. д.); объяснение студентами самостоятельно изученного грамматического материала другим обучающимися в группе с последующим выполнением разработанных ими упражнений; решение проблемных задач, обучающих ряду мыслительных операций (систематизации, классифицированию, сопоставлению, выявлению различий и сходства явлений, анализу и оценке ситуаций, выявлению проблемы, поиску и принятию решений, выработке стратегии и тактики), речевым действиям (формулированию и аргументированию мнения или решения) и коммуникативному поведению (ролевому взаимодействию в конфликтной ситуации).

Третий модуль дисциплины «Научные исследования в библиотечной сфере» представлен темами научных работ магистрантов. В рамках этого модуля магистрантам предлагается составить **аннотированный список интернет-ресурсов**, где на иностранном языке представлены результаты научных исследований ведущих университетов по библиотечной тематике и научные публикации по библиотечному делу, в **эссе** представить результаты магистерской практики, подготовить **доклад** на иностранном языке по теме научного исследования и выступить с докладом на конференции студенческого научного общества. Интерес магистрантов также вызывает задание – **имитация участия в международной научной конференции**. К примеру, на сайте высшей школы Иллинойса – Graduate School of Library and Information Science (<http://lis.illinois.edu>) в разделе Research (Научные исследования) представлены аудио, видео и мультимедийные презентации докладов на английском языке в рамках ежегодной научной конференции по проблемам библиотечно-информационной деятельности. Задание по имитации участия в международной конференции предусматривает составление плана к прослушанному докладу, постановку вопросов к докладчику, оценку информативности и актуальности доклада. Этот вид работы является важным этапом при подготовке собственного выступления на конференции СНО.

Модульная структура содержания дисциплины «Деловой иностранный язык» и предложенные методы организации учебной работы магистрантов (взаимообучение, индивидуальный маршрут обучения, проектно-ролевые технологии) нацелены на оптимизацию процесса изучения иностранного языка в магистратуре и способствуют не только формированию языковой коммуникативной компетентности студента, но и развитию целого спектра личностных качеств учащихся, что полностью отвечает требованиям федерального государственного стандарта.

В заключение необходимо отметить, что обучение деловому иностранному языку в магистратуре в рамках компетентностно-ориентированной модели,

требует не только пересмотра целей, задач, содержания дисциплины и педагогических технологий, но и активизации взаимодействия со специальными кафедрами и библиотекой для планирования пополнения библиотечного фонда изданиями на иностранных языках, отражающими современное состояние развития науки в библиотечной сфере.

Литература

1. Абакумова Н. Н., Малкова И. Ю. Компетентностный подход в образовании: организация и диагностика. Томск: Томск. гос. ун-т, 2007. 368 с.
2. Байденко В. И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: методол. и метод. вопр.: метод. пособие. 5-е изд. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. 114 с.
3. Варганова Г. В. От осмысления прошлого к настоящему: перспективные векторы развития магистратуры библиотечно-информационного факультета СПбГУКИ // Вестник СПбГУКИ. 2013. № 1 (14). С. 58–64.
4. Вербицкий А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. М.: ИЦ ПКПС. 2004. 84 с.
5. Дубова М. В. Компетентностный подход среди современных педагогических подходов в системе общего образования // Интеграция образования. 2010. Т. 58, № 1. С. 59–63.
6. Зеер Э. Ф. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход: учеб. пособие. М.: Моск. психол.-социал. ин-т, 2005.
7. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании: авт. версия. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 42 с.
8. Иванов Д. А., Митрофанов К. Г., Соколова О. В. Компетентностный подход в образовании: проблемы, понятия, инструментарий: учеб.-метод. пособие. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. 101 с.
9. Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании: хрестоматия-путеводитель / авт.-сост. А. В. Коваленко; под науч. ред. М. Г. Минина. Томск: Изд-во ТПУ, 2007. 117 с.
10. Пахаренко Н. В., Зольникова И. Н. Модель определения уровня сформированности общекультурных и профессиональных компетенций // Соврем. проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 310.
11. Сулова И. М., Ключев В. К. Менеджмент библиотечно-информационной деятельности: учеб. для вузов культуры и искусств / под общ. ред. И. М. Суловой; Моск. гос. ун-т культуры и искусств. СПб.: Профессия, 2010. 600 с.

12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки «071900 Библиотечно-информационная деятельность»: квалификация (степень) «магистр» / М-во образования и науки РФ // Российское образование: федеральный портал. М., 2010. URL: <http://edu.ru> (дата обращения: 12.12.2014).

13. Хуторской А. В. Дидактическая эвристика: теория и технология креативного обучения. М.: Изд-во МГУ, 2003. 416 с.

14. Применение инновационных методов обучения иностранным языкам в школе: учеб.-метод. пособие / И. Ю. Щемелева, Ю. С. Васильева, А. О. Наследова, И. В. Нужа. Орск: Изд-во ОГТИ, 2009. 118 с.

15. Stueart R. D., Moran B. Library and information center management. Santa Barbara: Libraries Unlimited, 2007. 520 p.

Е. В. Бурмистрова

**Проведение дней культуры Германии как мотивирующий фактор
в изучении немецкого языка: на примере дней Германии
в Санкт-Петербургском государственном институте культуры**

Статья посвящена анализу мероприятий в рамках дней Германии, проводившихся в СПбГИК в 2013 и 2014 гг., в аспекте их положительного воздействия на повышение мотивации к изучению немецкого языка в качестве первого или второго иностранного. Особенно подчеркивается необходимость формирования у студентов восприятия иностранного языка во взаимосвязи с их специализацией, с перспективами их профессионального развития.

Ключевые слова: мотивация, немецкий язык, дни культуры зарубежных стран, творческая деятельность студентов

Elizaveta V. Burmistrova

**Organizing days of German culture as motivating factor in study of German:
evidence from «Days of Germany»
at Saint Petersburg State University of Culture**

This article analyzes the activities of the «Days of Germany», held at SPbSUC in 2013 and 2014, in terms of their positive impact on increasing the motivation to study German as the first or second foreign language. Especially emphasized is the necessity of shaping the perception of a foreign language as related to students' speciality, to the prospects of their professional development.

Keywords: motivation, German, days of culture of foreign countries, creative activity of students

В современном обществе владение одним или несколькими иностранными языками является важным фактором профессиональных успехов и карьерного роста во многих сферах деятельности. Необходимо отметить, что в творческих вузах и вузах культуры курс иностранного языка не рассчитан на длительный период времени, в связи с чем у многих студентов возникает желание продолжить освоение дисциплины (в частности, в лингвистических центрах вузов). Нередко можно наблюдать у студентов и желание начать изучение второго иностранного языка с начального этапа. Однако ввиду отсутствия устойчивой мотивации к данному виду деятельности зачастую не происходит формирования потребности к освоению иностранного языка. Последнее в особенности касается изучения немецкого языка. Среди причин отказа от идеи изучать этот иностранный язык можно выделить как связанные с интенсивностью занятости студентов (насыщенный учебный график, подработка, получение дополнительного образования, посещение различных курсов), так и недостаточное знание культуры страны изучаемого языка в сочета-

нии с набором расхожих стереотипов («мифы» об особой «сложности» немецкой грамматики, о «неблагозвучности» языка, убеждение, что немецкий язык якобы «теряет популярность»). Также в этом ряду необходимо назвать и отсутствие четких представлений о дальнейшем применении немецкого языка в профессиональной деятельности и о его связи с получаемой студентом специальностью.

При организации дней Германии в СПбГИК в ноябре 2013 и 2014 гг. основной целью было повышение мотивации к изучению немецкого языка у студентов, уже изучающих данный язык в качестве иностранного, и создание положительной мотивации к началу изучения немецкого в качестве второго иностранного языка. Перед нами стояли задачи пробудить в студентах интерес не только к языку, но и к культуре Германии, привлечь максимальное число участников в рамках института, предоставить студентам возможность проявить свои профессиональные навыки и творческие способности. Необходимо было определить цикл мероприятий в рамках дней Германии, которые бы наиболее эффективно могли решить поставленные задачи. При создании концепции дней Германии мы ориентировались на особенности мотивации учебной деятельности студентов, сформулированные в исследовательской литературе. Так, в классической работе Е. П. Ильина «Мотивация и мотивы» утверждается, что ведущими учебными мотивами у студентов являются «профессиональный» (получение специальности) и мотив «личного престижа» (общесоциальный, утверждение себя в коллективе) [2, с. 265]. Цитируя Р. С. Вайсмана, исследователь подчеркивает, что для успешного обучения немаловажен мотив творческого, «формально-академического» достижения [2, с. 266]. Стремление к творческой реализации своих способностей является мощным фактором формирования мотивации к изучению той или иной дисциплины.

С учетом сказанного выше, мы предприняли попытку в рамках дней Германии, прежде всего, активизировать профессиональные знания, умения и навыки студентов-участников в контексте языка и культуры Германии, создавая, таким образом, в их сознании связь между получаемой профессией и страной изучаемого языка. Так, в 2013 г., подготовив презентацию о деятельности молодежного клуба «Югендблиц» при «Русско-немецком центре встреч» в Петербурге, студентка факультета социально-культурных технологий рассказала на немецком языке о своем опыте руководства этим молодежным клубом, о проведении образовательно-досуговых мероприятий, знакомящих детей и подростков с немецким языком и культурой, о волонтерских проектах. Таким образом, слушатели получили наглядный пример взаимосвязи изучаемой в институте специальности и иностранного языка, который становится неоценимым подспорьем в получении профессионального опыта уже в годы учебы. Три студентки факультета информационных технологий самостоятельно подготовили интеллектуальную игру «Знаешь ли ты Германию?» в виде мультимедиа-презентации. Помимо визуального материала, в нее был включен и аудиоматериал (викторина на знание немецкой музыки), и видеофрагменты

(«видеопутешествие» по красивейшим местам Германии в паузах между раундами игры). Профессионально подготовленное мультимедиа-сопровождение игры вызвало живой отклик у аудитории, а несколько студентов факультета информационных технологий выразили желание участвовать в подготовке подобных мероприятий в рамках дней Германии в следующем году. В наших планах на будущее – расширять спектр мероприятий дней Германии, чтобы дать возможность проявить себя в профессиональном плане студентам различных специализаций. Рассматривается, в частности, вопрос об организации посвященной Германии фотовыставки силами студентов кафедры кино- и фотоискусства, концерта немецкой музыки с участием студентов факультета искусств.

Не стоит забывать и о том, насколько важную роль в жизни студентов играют их личные увлечения, хобби. Одной из составляющих стремления к успеху Л. Г. Жданова называет желание «утвердить ценность своей личности» [1]. В терминологии А. Маслоу это «потребность в самоактуализации», которая находится на вершине иерархии потребностей, созданной исследователем [3]. Помимо получения положительного стимула (одобрение преподавателей-организаторов, поощрительные призы), который подкрепит у студента мотивацию к изучению немецкого языка, немаловажно и признание в коллективе, укрепление самооценки студента, что окажет благотворное влияние на его учебные достижения в целом. В рамках дней Германии в СПбГИК в 2013 г. был проведен научно-творческий семинар с участием студентов и аспирантов института. Две студентки, для которых немецкий язык является вторым иностранным, представили свои переводы стихотворений Г. Гейне (впоследствии напечатанные в газете СПбГИК), Э. Кестнера и С. Георге. Переводы были выполнены на довольно высоком художественном уровне, чему способствовал тот факт, что обе участницы пробуют свои силы в поэтическом творчестве, увлечены этим занятием, у них есть опыт публикации своих произведений на поэтических интернет-сайтах. Аспирант факультета мировой культуры СПбГИК, работающий над диссертацией об экслибрисах, подготовил доклад-презентацию, посвященный истории экслибриса в Германии, в котором информация была представлена в увлекательной форме, с личным заинтересованным отношением к материалу. В наши задачи входило вовлечь аудиторию в дискуссию, и присутствовавшие на семинаре студенты с удовольствием задавали на немецком языке вопросы, обсуждали проблемы поэтического перевода. В 2014 г. в переводческом семинаре участвовали в основном студенты-лингвисты, акцент был сделан на сравнительном анализе уже существующих переводов и поиске собственных переводческих решений.

Вернемся к моменту неоднородности состава участников дней Германии. Среди студенческой аудитории были как уже изучающие немецкий язык студенты, так и незнакомые с немецким языком участники, которые в перспективе рассматривали для себя возможность начать освоение языка в Лингвистическом центре СПбГИК. Для последней категории студентов необходимо было особенно тщатель-

но спланировать мероприятия. Среди факторов, препятствующих началу изучения иностранного языка во взрослом возрасте, присутствуют страх неудачи, боязнь ошибок, опыт неэффективных попыток освоить иностранный язык. Мы поставили себе цель в рамках дней Германии, насколько возможно, преодолеть этот барьер и вселить в участников веру в свои силы, которая станет в дальнейшем основой мотивации к изучению немецкого языка. Девизом дней Германии стала фраза «Deutsch für alle» («Немецкий для всех»). Помимо доступности большинства мероприятий для не знающих немецкого языка (даже немецкоязычные выступления на научно-творческом семинаре сопровождались слайдами презентации на русском языке), студентами факультета социально-культурных технологий была проведена игра «в ассоциации», в ходе которой участники должны были догадаться, какую русскую пословицу иллюстрирует тот или иной рисунок на выданных студентам карточках. Далее ведущие приводили аналог пословицы на немецком языке с буквальным переводом и обсуждали сходство и различие образов, лежащих в основе идиом русского и немецкого языков. Активный отклик вызвала еще одна игра: на экране демонстрировались немецкие слова, среди которых были и так называемые «ложные друзья переводчика», и участникам предлагалось отгадать их значение (например, «Apfelsine» – «апельсин», но «Schlange» – не «шланг», а «змея», причем ведущими сразу давался комментарий по поводу сходства этих объектов, которое и определило этимологию слова). Игровая форма деятельности поспособствовала снятию стресса от соприкосновения с незнакомым иностранным языком; постоянное сопоставление двух языков, немецкого и русского, создало впечатление большей близости и доступности немецкого языка, и после мероприятия несколько участников, изучающих английский язык, заявили о своем намерении пройти курсы немецкого языка для начинающих. В 2014 г. в рамках Дней Германии был проведен кинопоказ: фильм Фатиха Акина «Солнце ацтеков» демонстрировался с оригинальным звуком и с русскими субтитрами, что расширило аудиторию киновечера.

Еще одним фактором, потенциально повышающим мотивацию студентов к изучению немецкого языка, на наш взгляд, может стать выявление присутствия немецкой культуры в той среде, где находятся учащиеся (в нашем случае – в Петербурге, где расположена их alma mater). Таким образом, немецкий язык и культура перестают восприниматься как нечто чуждое и далекое, возникает желание соприкоснуться с ними в повседневной жизни. Подобную функцию в концепции дней Германии в 2013 г. выполнила презентация, подготовленная студенткой факультета социально-культурных технологий, которая активно сотрудничает с «Немецко-русским центром встреч» в Петербурге, и сама является российской (этнической) немкой. В увлекательной форме слушателям были представлены на немецком языке основные вехи истории российских немцев, краткий перечень деятелей культуры Петербурга, которые являлись немцами по происхождению, было предложено участие в различных культурно-просветительских проектах, которые регулярно проходят

в «Немецко-русском центре встреч» в здании церкви Петри кирхе (организация обеспечила разнообразный раздаточный материал – буклеты и проспекты). В наших планах на будущее – проведение экскурсий (реальных или виртуальных) по «немецкому Петербургу». Диапазон тем может быть весьма широк – от памятников архитектуры, созданных немецкими мастерами, до обзора истории династии Романовых, роднившейся с представителями немецких правящих династий. Подобная задача может быть вполне по силам студентам факультета мировой культуры СПбГИК.

Возвращаясь к роли профессионального мотива учебной деятельности в вузе, хотелось бы отметить, что и этот момент был, насколько возможно, учтен при организации дней Германии в СПбГИК, поскольку его значимость для повышения мотивации к обучению особенно подчеркивается в соответствующей исследовательской литературе. Так, Е. П. Ильин приводит в своей работе сформулированные А. И. Гебос факторы, способствующие формированию у студентов положительного мотива к обучению, особенно выделяя следующее: «осознание теоретической и практической значимости усваиваемых знаний», «профессиональная направленность учебной деятельности» [2, с. 266]. Особенно актуальны данные факторы в последнее время, когда молодежь довольно прагматично подходит к получению высшего образования. Для многих студентов важно иметь четкое представление о практическом применении получаемых ими знаний, умений и навыков, в противном случае может потеряться интерес к изучению дисциплины. В связи с этим мы считаем необходимым включение в программу дней Германии в СПбГИК встреч с представителями организаций, где выпускники СПбГИК, владеющие немецким языком, смогут в дальнейшем работать или получать дополнительную профессиональную квалификацию. В 2014 г. в рамках Дней Германии была проведена встреча с директором Санкт-Петербургской высшей школы перевода И. С. Алексеевой. Студенты СПбГИК смогли узнать о возможностях продолжения обучения после окончания института и дальнейшего трудоустройства в качестве переводчика.

Общеизвестен факт, что игровые формы работы, которые повсеместно используются в преподавании иностранных языков, зачастую оказываются крайне эффективными. При организации дней Германии мы запланировали несколько мероприятий в игровой форме. Наилучшим образом зарекомендовала себя интеллектуальная командная игра, вопросы для которой относились к области немецкого страноведения. К сожалению, приходится констатировать тот факт, что в курсе немецкого языка в нефилологических вузах очень трудно уделять время развитию у учащихся страноведческой компетенции. Весьма поверхностные, недостаточные знания в этой области демонстрируют порой даже студенты, получающие дополнительную квалификацию «переводчик», поскольку основной акцент в обучении делается на приобретение навыков перевода и реферирования текстов, устного высказывания, написания деловой корреспонденции и пр. В связи с этим, на наш

взгляд, целесообразно использовать форму интеллектуальной игры как средства повышения страноведческой эрудиции студентов. Эффект от подобной формы работы очень емко сформулирован С. В. Первухиной: «Известно, что в обучении иностранному языку необходимо использовать такие психические процессы как внимание, память, мышление и воображение. Эмоция интереса заставляет активизировать все эти процессы, а также подключает эмоциональную память, которая, как известно, является самой прочной. Гедонистические эмоции также играют свою положительную роль, когда человеку удается выиграть в каком-то состязании [4]. Эти эмоции характерны для людей всех возрастов, и по нашим наблюдениям, способствуют формированию знаний, в том числе и фундаментальных» [4]. Интеллектуальная игра «Знаешь ли ты Германию?», проведенная в рамках дней Германии в СПбГИК в 2013 г., мобилизовала страноведческие знания студентов (причем те, кто еще не изучал немецкий язык, проявили себя ничуть не хуже, чем студенты с немецким языком в качестве иностранного) и вызвала желание больше узнать о тех аспектах культуры, науки, политики, истории, повседневной жизни Германии, которые фигурировали в заданиях викторины (особенно в тех, правильный ответ на которые было трудно найти). В 2014 г. студент первого курса, обучающийся по направлению «Туризм», подготовил и провел интеллектуальную игру-квест «ГДР: граница биполярного мира», в которой приняли участие студенты факультета социально-культурных технологий.

Подводя итог сказанному, хотелось бы отметить, что проведение дней культуры стран изучаемого языка в немалой степени способствует формированию привлекательного имиджа иностранного языка и возникновению интереса к его изучению. Для студентов СПбГИК и других вузов культуры, на наш взгляд, крайне важно, чтобы образ страны изучаемого языка был интегрирован в профессиональную и общекультурную картину мира студентов. Если учащиеся будут осознавать взаимосвязь освоения иностранного языка со своей специализацией, с перспективами своего профессионального развития, то у них сформируется устойчивая внутренняя мотивация к совершенствованию навыков владения иностранным языком и к изучению дополнительного иностранного языка.

Литература

1. Жданова Л. Г. Некоторые особенности мотивации обучения студентов. URL: <http://sibac.info> (дата обращения: 20. 02. 2014).
2. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 508 с.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2011. 352 с.
4. Первухина С. В. Игра как средство повышения мотивации у студентов на уроках английского языка // Преподаватель высшей школы в XXI в.: тр. междунар. науч.-практ. интернет-конф. / ред. Т. Е. Исаева; РГУПС. Ростов н/Д, 2009. Сб. 7, ч. 1. С. 154–158.

Д. А. Громова

Интегрированный навык как эффективное средство активизации коммуникации в деловом английском языке

В статье интегрированный навык рассматривается как средство для симулирования письменной и устной деловой коммуникации. Описаны типы интегрированных навыков. Представлены примеры заданий на функционирование интегрированных навыков. Даны методические рекомендации.

Ключевые слова: интегрированный навык, функционирование интегрированного навыка, эффект синергии, бифуркация, коммуникация, коммуникативный подход, коммуникативная компетенция

Diana A. Gromova

Integrated skills as effective means of activating communication in teaching Business English

The article considers integrated skills as a means to simulate effective written and oral business communication. Types of integrated skills are described. Some illustrative examples of assignments to stimulate integrated skills are provided. Recommendations are given.

Keywords: integrated skills, synergy effect, bifurcation, communication, communicative approach, communicative competence

В настоящее время все чаще в методике обучения можно встретить понятия «интеграция знаний» как взаимосвязь знаний по нескольким предметам, «интегрирование технологий обучения» или «интегративные методы обучения» как сочетание разнообразных приемов учебной деятельности, «интегрированное обучение» как включение детей с ограниченными возможностями здоровья в среду сверстников для совместной деятельности, «интегрированная система обучения» как сочетание очных и дистанционных форм обучения, «интегрированный урок» как урок с широким использованием межпредметных связей, например, урок-конференция или урок-исследование. В МГУ внедрена образовательная программа единого стандарта «интегрированный бакалавриат» или «интегрированная магистратура», которая обеспечивает непрерывность обучения, и т. д. [1, 3–5, 7, 9].

В обучении иностранным языкам есть понятия «интегрированный подход к обучению языка» как взаимосвязанное формирование умений во всех видах речевой деятельности – аудировании, говорении, чтении и письме» и «интегрированный навык» как взаимодействие четырех комплексных умений (чтения, аудирования, говорения и письма) [6, с. 61, 166]. Признается также, что сам предмет «иностраный язык» по сути своей является тоже интегрированным, так как этот предмет изучается на учебном материале разных областей знаний [4].

Профессионалы в области преподавания все время находятся в поисках эффективных методик, как качественно и за более короткий промежуток времени закрепить необходимые навыки для успешного овладения коммуникативной компетенцией. И похоже, что такой принцип найден – «принцип взаимосвязанного обучения всем видам общения» [6, с. 62].

Действительно, интеграция в обучении – это современная инновационная тенденция, вызванная самим временем, которое требует быстро, качественно и эффективно научиться использовать коммуникацию для общественных и личных целей.

На начальных этапах изучения английского языка обучаемый овладевает отдельными навыками или компонентами навыка, которые формируются в навык. На продвинутом этапе отдельные навыки синтезируются в интегрируемый навык. На этапе изучения делового английского языка как более продвинутом этапе изучения английского языка особенно актуально формирование и функционирование интегрированных навыков, так как обучаемые должны быть погружены в симулированную профессиональную среду.

Интегрированный навык можно разделить на два типа – простой и сложный.

В простом типе интегрированных навыков задействованы умения в двух видах речевой деятельности, например, чтение и говорение, чтение и письмо, или аудирование и письмо, т. е. рецептивный и продуктивный навыки одновременно:

– прочитал текст или несколько текстов, объединенных одной темой, (чтение) – обсудил проблему, описываемую или упомянутую в тексте(ах) (говорение).

– прочитал текст(ы) (чтение) – написал документ делового характера на основе прочитанного (письмо).

– посмотрел видео фильм (аудирование)– написал документ делового характера (письмо).

В сложном типе интегрированного навыка работают умения трех видов речевой деятельности, скажем, чтение, аудирование и письмо, или всех четырех, т. е. два рецептивных навыка и один продуктивный или два рецептивных навыка и два продуктивных:

– прочитал текст(ы) (чтение) – прослушал аудио / видеозапись (аудирование) – написал документ делового характера (письмо).

– прочитал текст(ы) (чтение) – прослушал аудио / видеозапись (аудирование) – обсудил проблему с партнером (говорение) – написал документ делового характера (письмо).

При простой модели интегрированного навыка, например, «чтение – написание документа делового характера» или «просмотр видеопленки – написание документа» рецептивные навыки (чтение, аудирование) суммируются с продуктивным навыком (письмо). При этом ведущим навыком, интегрантом, является продуктивный навык.

При сложной модели интегрированного навыка рецептивные навыки (чтение, аудирование) тоже суммируются с продуктивным навыком (письмо или говорение).

Примером первого, простого, типа интегрированного навыка может служить следующее задание:

- Read the two article(s) about social responsibility.
- a. single out key information and work at mapping the information;
- b. prepare 5–7 slides to present.
- Make a 5 minute presentation on how the companies implement their CSR.

А вот пример второго, сложного, типа интегрированного навыка:

- Watch 8 parts (out of 9) of the video film «Alliance» about three companies (Trans West airlines, Air Pacifica and Omega flight services) which are negotiating an alliance with the purpose to go global.
- Write a report in 200–250 words for the Managing Director outlining
  - a. some of the problems and intentions the companies have;
  - b. the companies' achievements and performance;
  - c. benefits and opportunities derived from the alliance;
  - d. prognoses of the coming agreement.
- Watch the final part (part 9) of the film in which the characters discuss the offers they all have come to
  - a. discuss the proposals you offered in your reports and compare them with the ones offered in the film;
  - b. make an after discussion conclusion.

Поскольку отдельные навыки, составляющие интегрированный навык, уже сформированы, учащиеся сосредоточены на выполнении целей и задач по получению новых знаний и умений из нескольких источников за более короткий промежуток времени.

Преимущества использования принципа взаимосвязанного обучения очевидны:

- 1) развитие одновременно нескольких или всех четырех видов речевой деятельности;
- 2) концентрация внимания на поставленной задаче;
- 3) экономия времени для достижения поставленной учебной цели;
- 4) более глубокое усвоение аутентичного учебного материала;
- 5) способность аккумулировать информацию из разных источников;
- 6) высокая продуктивность на занятиях;
- 7) быстрое достижение результативности;

- 8) рост познавательного интереса;
- 9) развитие творческой активности студента;
- 10) симуляция реальных бизнес ситуаций;
- 11) адаптация к реалиям бизнеса и бизнес среды.

Как видим, данные характеристики полностью отражают требования коммуникативного подхода в обучении иностранному языку, в основе которого лежит «модель реального общения» и учитываются «особенности реальной коммуникации» [6, с. 47].

Полагаем, что в результате использования принципа взаимосвязанного обучения всем видам речевой деятельности достигается эффект синергии, т. е. «суммирующий эффект взаимодействия двух или более факторов, характеризующийся тем, что их действие существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы» [10].

Как известно, термин эффект синергии используется во многих областях знаний, а синергизм характерен для всех типов интеграции. Автор монографии «Синергетические эффекты в современной экономике» Мясников А. А. и автор статьи «Синергетический эффект и эффект синергии...» Юрий Долгов отмечают, что «...самые разные системы (природные, космические, биологические, физические, технические, социальные и т. д.) имеют общие закономерности развития... и единые фундаментальные законы. Синергетический эффект может проявляться в самых различных вариантах, но, несмотря на это, имеется много общего в проявлениях данного эффекта во многих системах...» [2, с. 8]. Поскольку язык – это тоже система, на обучение языку тоже могут действовать аналогичные математическим, физическим, социальным или экономическим закономерности. Поэтому считаем, что интегрированный навык дает синергетический эффект или эффект синергии, когда знания, извлеченные из разных источников, и усилия, вовлеченные в процесс коммуникативного сотрудничества, взаимно и многократно усиливаются.

В чем мы видим эффект синергии при формировании и функционировании интегрированных навыков? Это:

- комплексность (охват всех видов речевой деятельности);
- эффективность (более весомый портфолио студента);
- устойчивость (консолидация интегрированных навыков при систематическом использовании моделей интегрированных навыков);
- информационная насыщенность (способность работать с разными источниками знаний одновременно);
- привлекательность занятий (удержание интереса и внимания на занятии);
- активность студентов (стимулирование и вовлеченность всех студентов).

Задания на функционирование интегрированных навыков следует давать на промежуточный (зачет) или итоговую аттестацию (экзамен), когда подводится итог темы или модуля. Задания на интегрированный навык, с помощью которых прове-

ряется итог темы, это задания типа «Case Study», предлагаемые в учебнике Business Class или в линейке учебников Market Leader и Business Result.

Если в основе учебной программы лежит принцип освоения навыков (skills-oriented approach) и курс делится на соответствующие навыкам модули, завершить модуль, скажем, по освоению навыка «написание делового документа» можно заданием на просмотр части видеофильма с последующим заданием «написать деловой документ», например, деловое предложение для руководителя компании.

На промежуточной или итоговой аттестации задание может быть более затратным по времени. Тип интегрированного навыка и соответственно задание можно выбрать в зависимости от дизайна зачета или экзамена. Если в дизайн экзамена как итоговой аттестации заложены как устная, так и письменная речь, то можно предложить студентам задание типа «просмотр видеофильма – написание делового предложения / отчета руководителю» в рамках аспекта «Письмо». А по аспекту «Говорение» задание может быть на чтение текстового материала достаточного объема, минимум одна стандартная страница (3,200 печатных знаков), желательно из двух-трех источников, с последующим заданием подготовить презентацию на основе предложенных аутентичного/ых текстового/ых материала/ов, тех тем, которые изучались в течение семестра или учебного года.

Через интегрированный навык проверяется степень сформированности отдельных видов речевой деятельности, а также уровень овладения коммуникативной компетенцией, которая является целью в обучении иностранному языку, так как помогает эффективно выполнять конкретные задачи в процессе общения, тем самым в дальнейшем способствуя не только получению обучаемым перспективной должности, продвижению по службе, но и долгосрочному успеху в карьере.

Обучение претерпевает множество изменений. Оно идет по пути сотрудничества, сотрудничества форм, методов, приемов и подходов, по пути сотрудничества образовательных программ, сотрудничества обучающихся и обучаемых, сотрудничества умений и навыков. Эти качественные изменения – бифуркации в образовании и обучении.

Таким образом, в эру глобализации, взаимодействия и сотрудничества, синергии и многочисленных бифуркаций в разных областях знаний, когда большое значение приобретают навыки в письменной и устной деловой коммуникации, формирование и функционирование интегрированных навыков в процессе обучения становятся особенно актуальными. Демонстрируя интегрированные навыки, обучаемые удовлетворяют свои профессиональные и личностные потребности, реализуют задачу целеполагания на этапе получения высшего образования – подготовки к своей будущей профессиональной деятельности, привлекая уже накопленные знания и сформированные рецептивные и продуктивные навыки и извлекая новые знания из разных источников зрительного и слухового восприятия.

Литература

1. Мартынова, М. В. Интегрированное обучение: педагогические технологии; типы и формы интегрированных уроков: метод. рек. / Томск. гос. ун-т. Томск, 2003. URL: <http://ido.tsu.ru> (дата обращения: 12.12.2014).
2. Долгов Ю. Синергетический эффект и эффект синергии – это, как говорят в Одессе, «две большие разницы»! 2012. URL: <http://fb.ru> gii (дата обращения: 12.12.2014).
3. Екжанова Е. А., Резникова Е. В. Основы интегрированного обучения: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2008. 285 с.
4. Еремина Е. А. Интегрированный урок – одно из новшеств современной методики // Nsportal. ru: социал. сеть работников образования. Йошкар-Ола, 2012. URL: <http://nsportal.ru> (дата обращения: 12.12.2014).
5. Луканина Е. А. Интегрированный урок как средство межпредметного взаимодействия // Nsportal. ru: социал. сеть работников образования. Йошкар-Ола, 2012. URL: <http://nsportal.ru> (дата обращения: 12.12.2014).
6. Колесникова И. Л., Долгина О. А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. М.: Дрофа: Cambridge Univ. Press, 2008. 431 с.
7. Кошелева А. О., Пантюхин Г. Н., Пекин Л. В. Развитие контекстного интеллекта будущего специалиста в процессе очной и заочной форм обучения в вузе // Психология образования в поликультурном пространстве. 2010. № 4. С. 107–114. URL: <http://elsu.ru> (дата обращения: 12.12.2014).
8. Мясников, А. А. Синергетические эффекты в современной экономике: введение в проблематику. М.: Urss: Ленанд, 2011. 155 с. (Синергетика в гуманитарных науках).
9. Кто выбирает вуз: родители или дети: пресс-конференция ректора Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова В. А. Садовниченко, 30 марта 2012 г. // Пресс-центр Тихоокеанского государственного университета: сайт. Хабаровск, 2012. URL: <http://press.khstu.ru> (дата обращения: 12.12.2014).
10. Синергия // Википедия: свобод. энцикл. 2015. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 12.12.2014).

Е. А. Кольцова

**Обучение деловому английскому
с использованием аутентичных реалии-шоу**

В статье рассматриваются особенности делового английского языка и сложности, с которыми сталкиваются преподаватели в процессе обучения. Анализируются роль коммуникативной компетенции и коммуникативных навыков в сфере делового общения. Обсуждаются преимущества использования на занятиях аутентичных телевизионных шоу с участием представителей бизнеса и различных деловых кругов.

Ключевые слова: деловой английский, аутентичные материалы, коммуникативная модель, коммуникативные навыки

Elena A. Koltsova

Teaching Business English and reality TV shows

The paper discusses specific character of business English and the challenges it poses. The communicative competence and communication skills in business sphere are identified. The benefits of using reality TV business shows in business English classroom are revealed.

Keywords: business English, authentic materials, communicative model, business communication skills

Английский язык является общепринятым международным языком делового общения. Миллионы людей и тысячи компаний используют его в повседневной деловой коммуникации, как устной, так и письменной. Английский для делового общения, так называемый Business English, представляет целый пласт лексики и включает в себя термины из сферы финансов, торговли, промышленности, предоставления товаров и услуг и многих других. Английский для делового общения предполагает развитие умений убеждения, отстаивания своей точки зрения, нахождения компромиссных решений и других навыков, необходимых в сфере бизнеса.

Английский для делового общения (Business English) является своего рода общим, зонтичным термином, так как охватывает и повседневный английский язык (general everyday English), и общий английский для делового общения (general business English), и ряд специфичных сфер бизнеса (English for Specific Purposes). Английский для делового общения не ограничен языковыми средствами, присущими исключительно данному подвиду языка. Деловой дискурс изобилует разного рода метафорами и сравнениями, характерными для английского языка для общих целей (general English). В данной статье будут рассмотрены основные отличительные особенности английского для делового общения, а также сложности, которые он

представляет для обучающихся, и возможные способы сделать процесс изучения более эффективным и интересным.

Для начала определим основные отличительные характеристики делового дискурса английского языка, которые могут представлять определенные сложности для его преподавания и освоения. Прежде всего, необходимо отметить, что бизнесмены используют язык в целом ряде прагматических ситуаций: межличностном общении, прогнозировании и анализе ситуации, переговорах, деловой переписке, телефонных переговорах, в деловых поездках и командировках, а также при производстве, покупке и продаже товаров, разрешении конфликтных ситуаций и нахождении компромисса, при заключении сделок, рекламе товаров и услуг и т. д. При этом, английский для делового общения не сводится единственно к развитию языковой компетенции. Для всех вышеперечисленных ситуаций существуют специальные приемы и тактики коммуникативного поведения. Поэтому учебный процесс должен интегрировать освоение специального вокабуляра и овладение коммуникативными навыками делового общения. Данные компоненты должны идти в неразрывной связи друг с другом.

Во-вторых, было отмечено, что английский, используемый в международном деловом общении, как правило, отличается от того варианта английского, на котором говорят носители языка. Эван Френдо даже называет его *'a lingua franca'*, считая данный подвид английского языка новым типом языка, который развивается и формируется под воздействием экстралингвистических факторов, отвечая потребностям его пользователей, то есть говорящих на нем людей. Исследователь отмечает, что для многих людей, использующих английский в деловой коммуникации, этот язык не является родным. Лингвисты спорят о характере этого нового подвида языка, в частности, они задаются вопросами, является ли он более идиоматичным, какие разновидности существуют внутри данного подвида и отличается ли этот язык в синтаксическом плане. Ответов на эти вопросы пока нет [4, р. 13].

В-третьих, несмотря на большое количество информации и исследовательских данных о деловой коммуникации и взаимодействии людей, в сфере специального делового общения существует достаточно лагун, а именно коммуникативно-прагматических ситуаций, о которых нет достоверных данных. Данный факт объясняется целым рядом причин, начиная от сложностей фиксирования естественной деловой интеракции, заканчивая нежеланием представителей бизнеса участвовать в лингвистических исследованиях и экспериментах, руководствуясь, прежде всего, соображениями конфиденциальности. Одним из примеров таких ситуаций может служить так называемый *'small talk'*, социальное взаимодействие, которое играет ключевую роль в установлении и налаживании отношений. Такой вежливый светский разговор и вполне конвенциональный обмен репликами является крайне важным для изучающих деловой английский язык.

Таким образом, обучение английскому для делового общения неразрывно связано с целым рядом дисциплин, таких как лингвистика, методика преподавания иностранного языка для общих целей и обучение языку для специальных целей. Поскольку английский для делового общения включает не только языковую составляющую, но и умение грамотно использовать определенный набор языковых средств, исходя из обстоятельств, необходимо рассмотреть вопрос о коммуникативной компетенции.

Существует целый ряд эффективных коммуникативных моделей, основанных на трудах Хаймса [5], Канали и Свейна [2–3], Бахмана и Палмера [1]. Помимо этого, учащиеся должны уметь использовать язык в ситуациях реального общения. На протяжении многих лет ведутся дискуссии о коммуникативной компетенции, ее составляющих компонентах и возможности обучения студентов этим компонентам. Преподаватели английского для делового общения должны обращать особое внимание на три основных компонента, как то: лингвистическая компетенция, дискурсивная компетенция и межкультурная компетенция.

В настоящее время преподаватели используют модели, имитирующие реальную коммуникацию, и проецирование учебных ситуаций на реальное социальное взаимодействие. Особое внимание, уделяемое теоретиками самому процессу коммуникации, привело к широкому распространению коммуникативного метода обучения языку, основная цель которого заключается в развитии умения использовать выученные языковые средства. Язык больше не рассматривается как простой набор языковых средств, лексических единиц и грамматических конструкций. Он включает 'функциональный подъязык', например, выражение согласия или несогласия, прерывание собеседника. Иными словами, функциональный подход позволяет реализовать иллокутивные интенции говорящего на каждой стадии коммуникативного взаимодействия.

Еще одним показательным примером может служить процесс обучения навыкам презентации. Основной целью презентации является донесение информации до аудитории, и во многих случаях слушатели прощают выступающему языковые ошибки, если смысл и содержание понятны либо являются ценными и представляют профессиональный интерес. Преподаватели, которые во время презентации концентрируют внимание только на языковых моментах, оказывают своим студентам медвежью услугу. Помимо языкового аспекта, крайне важно акцентировать внимание на манере презентации, дикции, содержании, правильном и эффективном использовании вспомогательных средств, жестах, мимике и т. д. Многие учащиеся могут делать замечательные презентации с лингвистической точки зрения, однако, несмотря на все советы и рекомендации, говорят подчас настолько монотонно, что в реальной деловой ситуации не смогут удержать внимание целевой аудитории.

Итак, встает вопрос о привлечении дополнительных средств для обучения деловой коммуникации на иностранном языке, которые способствовали бы развитию коммуникативной компетенции в различных ситуациях делового общения. Иногда учебные заведения и сами преподаватели разрабатывают свои материалы, которые могут быть использованы как в качестве самостоятельного дополнительного материала, так и в виде дополнения к имеющемуся учебному пособию. Примерами таких дополнительных материалов, позволяющих повысить коммуникативную компетенцию, являются видео ресурсы, предлагаемые BBC, Oxford University Press и другими издательскими домами.

Данные материалы полезны и представляют большую ценность, однако они не могут заменить реальной коммуникации, и студенты часто чувствуют и указывают на искусственный, постановочный характер таких обучающих фильмов и видеосюжетов. Одним из возможных решений могут служить реалити-шоу, связанные со сферой бизнеса, например, *The Apprentice*. Это британское реалити-шоу, в котором честолюбивые молодые бизнесмены и бизнес-леди соревнуются за право получить место в компании известного британского магната Элана Шугара (Alan Sugar). *The Apprentice* очень похоже по формату на одноименное американское реалити-шоу, где ведущим является предприниматель Дональд Трамп (Donald Trump) и которое также может подойти для учебных целей.

Суть рассматриваемого реалити-шоу заключается в следующем. Кандидатов, которые прошли предварительный отбор, делят на две команды. Каждой команде дается несколько заданий, имеющих целью проверить умения продавать, реализовать товар, вести переговоры, обращаться с официальными запросами, делать презентации, а также выявить лидерские и организаторские качества и навыки работы в команде. В начале каждого эпизода, каждая команда выбирает руководителя проекта из числа участников. Иногда руководители проекта назначаются самим сэром Элано Шугаром.

Обычно после выполнения задания членов команды просят прокомментировать работу руководителя проекта и оценить его / ее вклад. Руководителям команды предлагают, в свою очередь, оценить участие всех членов команды. После каждого задания в зале заседаний сэр Элан Шугар и его помощники совместно с обеими командами анализируют выполнение поставленной задачи, успехи и неудачи. Данный аспект представляет интерес как с лингвистической точки зрения, так и с позиций ведения бизнеса. Эксперты проводят тщательный и скрупулезный анализ задания, обсуждают возможные, наиболее эффективные решения и причины постигшей команды неудачи. Все это позволяет преподавателю привнести профессиональный опыт и компетенцию, которые крайне важны на занятиях английским языком для делового общения, особенно если сам преподаватель не является экспертом в сфере бизнеса.

Кроме того, данное реалисти-шоу содержит многочисленные эпизоды, включающие переговорный процесс, разработку рекламных компаний, презентации и т. д. Показаны в них и неформальные встречи, и обсуждения за чашкой кофе, которые сопровождаются небольшими презентациями одного из членов команды и примерами мозгового штурма. Такие эпизоды неоценимы на занятии, так как несут аутентичный характер и служат наглядным примером реальной коммуникации, показывая реальных людей и жесткую конкуренцию между командами вместо искусственно созданных сценариев и фальшивой игры актеров в специальных обучающих фильмах.

Практика использования отдельных эпизодов реалисти-шоу на занятиях доказала свою эффективность. Повышается как эффективность командной работы, так и качество выполнения заданий, так называемых «бизнес кейсов», включающих компоненты презентации, переговоров, продвижения и реализации товаров и услуг на рынке. Данное реалисти-шоу, впервые вышедшее на экран в 2005, насчитывает несколько сезонов и большое количество эпизодов, которые могут служить хорошим дополнением к любой теме и подходят для тренировки любого профессионального навыка из сферы деловой коммуникации.

Среди преимуществ данного ресурса следует отметить также фактор мотивации и разнообразия, а также создание позитивной рабочей атмосферы на уроке. Мотивация, как известно, является одной из наиболее значимых составляющих успеха в учебном процессе. Преподаватели иностранных языков уже несколько десятилетий используют на занятиях фильмы, польза которых неоспорима. Разнообразные телевизионные шоу прочно вошли в жизнь современного человека, поэтому вполне разумно прибегать к их помощи для обучающих целей.

Еще одним положительным моментом использования телевизионных шоу на уроке является тот факт, что они служат аутентичным источником, содержащим разнообразные примеры использования языка (грамматических конструкций и лексических единиц) в реальной деловой коммуникации. Серии содержат эпизоды реального взаимодействия людей, от повседневных разговоров до светской беседы, *business small talk*. Все это позволяет продемонстрировать студентам фразы и выражения, используемые в естественной повседневной деловой коммуникации, дать им представление о естественном темпе речи. Для обучающихся, не живущих в англоязычных странах и не имеющих на этапе обучения тесных контактов с носителями языка, телевизионные программы, возможно, являются одним из лучших, наиболее действенных средств обучения, создавая момент «погружения» в языковую среду.

Важно подчеркнуть, что наглядный аспект имеет большую важность в процессе обучения. Визуальный характер данного источника делает его ценным инструментом обучения, позволяя учащимся понимать и интерпретировать язык в визуальном контексте в такой специфической сфере как бизнес. Развивается и

улучшается общее понимание и усвоение материала, поскольку наряду с обменом репликами, обучающиеся видят мимику и жесты носителей языка. Данные визуальные «подсказки», сопровождающие вербальную часть сообщения, очень легко позволяют дать представление о естественной коммуникации и развить эти навыки у студентов.

Более того, использование подобных ресурсов помогает привести разнообразие, дополняя и расширяя методы преподавания и ресурсную базу и позволяя студентам легче и быстрее освоить и развить навыки и умения, необходимые в деловом общении. Даже учебные пособия, являющиеся лидерами на рынке и включающие видеокomпоненты, могут быть успешно дополнены материалами подобного рода.

И наконец, группы обучающихся могут включать студентов с различным опытом в мире бизнеса. Большую часть составляют люди, не имеющие еще достаточно опыта ведения бизнеса и не знакомые с особенностями деловой коммуникации даже на родном языке (*pre-experienced learners*). Отсутствие практического опыта несколько осложняет процесс обучения, и задача преподавателя – оказать помощь не только при возникновении языковых сложностей, но и при затруднениях, связанных с содержательным аспектом того или иного задания. В группах могут присутствовать и люди, имеющие значительный опыт в сфере бизнеса, имеющие свои компании или работающие в определенных компаниях (*job-experienced learners*). Как правило, такие студенты имеют точное представление о сфере, в которой они работают, и точно знают, для каких целей им нужен иностранный язык. В отличие от первой категории обучающихся им не нужна помощь преподавателя для того, чтобы разобраться в мире бизнеса. Существует и третья категория, занимающая промежуточное положение между первыми двумя (*general business-experienced*). Сюда относятся люди, имеющие определенный опыт работы, для которых иностранный язык является одним из факторов карьерного роста, например, перехода на новую работу или продвижения по карьерной лестнице. Зачастую в группе учащихся присутствуют студенты всех трех категорий. Рассматриваемые реалии-шоу, помимо прочего, могут в значительной степени облегчить учебный процесс в таких группах, сохраняя и поддерживая на высоком уровне интерес и мотивацию всех категорий студентов.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что изучающие английский язык для целей деловой коммуникации и общения в бизнес сообществе должны осваивать и английский для общих целей, и английский для делового общения, и английский для специальных профессиональных целей, то есть более узко направленный для сферы финансов, маркетинга, рекламы и пр. Должны они знать и отличия между географическими / региональными вариантами английского языка, которые могут оказать существенное влияние при выборе языковых и экстралингвистических средств. Более того, они должны научиться использовать язык при общении с

представителями разных культур и национальностей, применяя широкий спектр разнообразных навыков и умений в различных прагматических контекстах с учетом фактора адресата. Учет фактора адресата крайне важен, поскольку это могут быть как носители языка, так и деловые партнеры, для которых английский не является языком повседневного общения, и уровень владения английским у таких людей может варьироваться значительно. Преподавателю важно понимать, что обучающимся иностранный язык необходим для ведения бизнеса, а не простого обсуждения тем из сферы делового дискурса. Привлечение аутентичных видео материалов, содержащих примеры естественной повседневной деловой коммуникации, в значительной мере способствуют достижению перечисленных выше целей.

Литература

1. Bachman L. F., Palmer A. S. *Language testing in practice: designing and developing useful language tests*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
2. Canale M. *From communicative competence to communicative language pedagogy* // *Language and communication* / ed. by J. C. Richards, R. W. Schmidt. London: Longman, 1983. P. 2–27.
3. Canale M., Swain M. *A theoretical framework for communicative competence* // *The construct validation of tests of communicative competence: including proceedings of a colloquium at TESOL'79, Boston, February 27-28, 1979* / ed. by A. Palmer, P. Groot, G. Trosper. Washington, 1981. P. 31–36.
4. Frenco E. *How to teach Business English*. Harlow: Pearson Longman, 2005.
5. Hymes D. H. *On communicative competence* // *Sociolinguistics* / ed. by J. B. Pride, J. Holmes. Baltimore: Penguin Education: Penguin Books Ltd, 1972. P. 269–293.

Н. В. Попова, А. И. Дашкина

Пособие по деловому английскому языку как средство формирования профессиональной и социальной компетенций обучающихся

Рассматривается новое авторское пособие по деловому английскому языку «Бухгалтерский учет» и оценивается возможность формирования профессиональной и социальной компетенций студентов на его основе. Дается обзор традиционных языковых и лингвокомпьютерных заданий пособия в ракурсе организации наставнической деятельности при наличии студентов разного уровня подготовки.

Ключевые слова: аутентичные и авторские пособия, переводческая компетенция, наставничество, социальная компетенция, языковые задания, лингвокомпьютерные задания

Nina V. Popova, Alexandra I. Dashkina

Business English manual as means of building professional and social learner competences

A new authorial Business English manual «Accounting» is evaluated in terms of building professional and social learner skills. An overview of the conventional linguistic and computer-assisted language learning assignments in the manual is given with the aim of peer help activity stimulation if students of different levels of English are to be taught.

Keywords: authentic and authorial manuals, translation competence, peer help, social competence, linguistic assignments, computer-assisted language learning assignments

Введение

Создание пособий по иностранному языку традиционно является важным аспектом работы вузовских преподавателей, которые стремятся поделиться своим опытом преподавания иностранного языка и реализуют в учебных пособиях свои наиболее интересные наработки. Нужно отметить, однако, что в наше время широкого применения аутентичных учебников носителей языка создание отечественных пособий является весьма проблематичным видом научно-методической деятельности. Если, например, у нас возникает желание создать учебное пособие по деловому иностранному языку (ИЯ), то нужно ответить на вопрос о том, действительно ли это необходимо. При наличии общедоступных и постоянно обновляемых пособий Market Leader, New Insights into Business, Business Advantage и т. д. стоит ли тратить время на свою разработку, если мы все равно не сможем противопоставить достойный аналог зарубежным учебникам?

Аутентичные учебники дают адекватную информацию о современном уровне изучаемого иностранного языка, они великолепно иллюстрированы, имеют много

проблемных коммуникативных заданий, позволяющих создать психологический портрет носителя языка. Эти учебники прекрасно воссоздают условия языковой среды, а также типичные для изучаемой лингвокультуры ситуации общения. Некоторые из аутентичных учебно-методических комплексов в качестве дидактического сопровождения предлагают также видеофильмы и сайты для преподавателей и студентов, например, Market Leader, который имеет постоянно обновляемый сайт.

Несмотря на то, что указанные преимущества аутентичных пособий для нас очевидны, нужно отметить, по крайней мере, один присущий им недостаток, а именно отсутствие переводческих заданий, введение которых мы считаем весьма целесообразным. Поскольку перевод профессионально-ориентированного текста включен в качестве обязательного задания в экзамены по ИЯ бакалаврского, магистерского и аспирантского уровней, мы не можем обойтись без использования русского языка при обучении профессионально-ориентированному ИЯ. Осознание необходимости формирования переводческой компетенции студентов, при том что во многие программы бакалавриата включены аутентичные учебники в качестве основной литературы, приводит к появлению адаптационных учебников и пособий, которые обеспечивают дидактическое сопровождение аутентичных учебников [6]. Следует, тем не менее, учесть то, что адаптационные учебники, как правило, строго придерживаются тематики разделов соответствующих аутентичных учебников, и авторы этих вторичных учебных продуктов ограничены в своем дидактическом творчестве.

Авторские учебники

Создание новых авторских учебников и учебных пособий по деловому иностранному языку нам представляется наиболее интересным видом учебно-методической работы по следующим основным причинам. Помимо разработки переводческого компонента учебной деятельности по избранному деловому аспекту, например, бухгалтерскому учету, авторы современного учебного пособия могут создавать по-настоящему интересные творческие задания при широком применении открытых электронных ресурсов. Это позволяет создавать учебные пособия нового поколения, что предполагает использование компьютерной обучающей среды в лингводидактическом аппарате [4] и способствует формированию информационной или лингвокомпьютерной компетенции студентов. Дисциплина «иностраный язык» как базовая дисциплина междисциплинарного синтеза становится при этом в некотором роде интегративным стержнем для формирования профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции студентов, включающей навыки использования онлайн-ресурсов [5].

Кроме этого, нам представляется важным создание пособия, формирующего не только профессионально-ориентированную языковую компетенцию с переводческой и лингвокомпьютерной составляющими, но и компетенции более общего

плана, которые, как правило, указаны в ФГОС, но фактически не формируются отдельными дисциплинами вузовской подготовки. Подобные компетенции, которые именуются метакомпетенциями и имеют надпредметный характер, должны формироваться всеми дисциплинами и, в совокупности, развивать личностные качества обучающихся, благодаря которым они смогут лучше адаптироваться во взрослой жизни. Примерами подобных метакомпетенций являются, на наш взгляд, социально ориентированные компетенции, которые входят в блок общекультурных компетенций любого ФГОС, например, компетенция ОК-7 в ФГОС 080100 Экономика, которая предполагает «готовность обучающихся к кооперации с коллегами, работе в коллективе» [8]. Если перенести данную формулировку компетенции в контекст вузовского учебного процесса, то ее можно понимать как формирование коллективизма в межличностном общении студентов на основе сотрудничества.

Каким же может быть сотрудничество при обучении ИЯ? Нам представляется, что возможными вариантами сотрудничества могут быть взаимопомощь студентов по ИЯ и оказание технической поддержки по применению и правильному выполнению лингвокомпьютерных заданий. Подобные виды сотрудничества можно считать наставничеством, под которым, по логике данной статьи, подразумевается, в основном, выполнение учебных заданий по ИЯ студентами с более низким уровнем владения языком с помощью учащихся с более продвинутым языковым уровнем. В зависимости от количественного соотношения студентов с высоким и низким уровнем языковой подготовки работа с заданиями из пособия Accounting [2], которому и будет посвящено все дальнейшее изложение, может проводиться в парах или малых группах, объединяющих студентов «на основе совместной, общественно значимой деятельности» [3, с. 268]. Наставническая деятельность, на наш взгляд, может быть определена как социально значимая, поскольку она, в конечном итоге, способствует общению в сотрудничестве, мотивирует слабых студентов и повышает уровень знаний всех ее участников.

Перейдем далее к описанию лингводидактического аппарата созданного нами авторского пособия и рассмотрим возможности формирования профессиональной коммуникативной компетенции с переводческой и лингвокомпьютерной составляющими. Постараемся также оценить те задания и дополнительные материалы, которые могут использоваться в формате сотрудничества или наставничества.

Профессионально-ориентированное пособие по иностранному языку Accounting [2] предназначено для студентов второго и третьего курсов экономического профиля. Оно может быть рекомендовано для студентов Инженерно-экономического института, поскольку лексический материал по теме «Бухгалтерский учет» часто используется в экономических текстах по другим разделам экономической специальности, таких, как, например, «Банковское дело» и «Финансы». В основу пособия легли учебники по бухучету, изданные в США, что позволяет учащимся сравнивать зарубежные бухгалтерские системы с системами, применяемыми в России.

Тексты на английском языке представляют собой введение в специальность и охватывают такие темы, как, например, принципы бухгалтерского учета, виды бухгалтерских записей, начисление заработной платы, подготовка финансовых отчетов. Пособие включает 14 текстов, средний размер которых составляет 3000 знаков и которые сопровождаются традиционными языковыми упражнениями, а также заданиями, предполагающими использование компьютерных средств, при этом переводческие задания присутствуют в как в том, так и в другом случаях.

Лингвистические задания

После каждого текста обязательно включают упражнение на перевод словосочетаний из текста с русского на английский язык, выполнение которого помогает студентам более глубоко понять содержание текста и установить четкие терминологические соответствия без использования словаря. При необходимости эти задания могут выполняться студентами до чтения текста в качестве подготовительных упражнений. При предварительном ознакомлении с терминологическими словосочетаниями, встречающимися в тексте, учащимся будет легче понять его содержание. Кроме того, нахождение русско-английских соответствий может рассматриваться как один из видов поискового чтения.

После упражнения на перевод словосочетаний следует задание на понимание текста, например, определение истинности и ложности утверждений, ответы на вопросы, охватывающие содержание или задания, в которых учащимся предлагается завершить предложения. Указанные упражнения могут выполняться студентами в процессе подготовки домашнего задания после самостоятельного ознакомления с текстом. В зависимости от цели, поставленной преподавателем, работа с текстом может проходить в формате изучающего чтения, предполагающего детальный и полный уровень понимания всего содержания текста [1], или ознакомительного чтения. На аудиторном занятии более целесообразно давать задание на ознакомительное чтение, поскольку глубокое изучение достаточно длинных текстов пособия не оставит времени для других видов учебной деятельности.

Упражнения на совмещение экономических терминов с их определениями могут рассматриваться не только как лексические задания, способствующие запоминанию бухгалтерских терминов, но и как упражнения, напрямую связанные с пониманием содержания текстов. Это объясняется тем, что профессионально-ориентированные тексты, по своей сути представляющие собой введение в бухгалтерскую специальность, как правило, основаны на объяснении терминологии. Именно поэтому умение правильно совместить термин с его определением является показателем понимания текста студентом. Как и задания на перевод терминологических словосочетаний, совмещение терминов и их определений может рассматриваться как упражнение на поисковое чтение, поскольку при его выполнении учащиеся извлекают из текста необходимую информацию.

Помимо заданий, непосредственно связанных с содержанием текста, пособие включает ряд лексических, лексико-грамматических и грамматических заданий. Лексические задания охватывают слова и словосочетания не только непосредственно связанные с бухгалтером, но и общенаучную лексику, дискурсивные маркеры и другие частотные лексические единицы. Среди них есть упражнения на словообразование, совмещение слов с их синонимами, формирование словосочетаний из имеющегося списка слов, а также задания на заполнение пробелов в предложениях лексической единицей, наиболее подходящей по смыслу и сочетаемости.

Лексические задания могут варьироваться из урока в урок, но упражнения на латинские морфемы обязательно включены после каждого текста. На наш взгляд, это необходимо, поскольку греческие и латинские морфемы являются характерной чертой специальных терминов и общенаучной лексики. Эти упражнения обязательно начинаются с небольшого списка латинских слов с их переводами на русский язык. В тексте выделены произошедшие от них англоязычные лексические единицы. Студенты должны сопоставить английские и латинские слова и проанализировать степень их близости по значению. Иногда лексическая единица может заимствоваться в английский язык, не претерпевая изменения значения. Так, например, латинское слово *frequens* и английское заимствование *frequent* означают частый. Однако в других случаях значение английской лексической единицы не эквивалентно значению латинского слова, например *salarius* означает порция соли, выдаваемая солдатам и служащим, тогда как английское слово *salary* означает зарплата. Нам представляется, что включение упражнений на латинские морфемы способствует развитию языковой догадки обучающихся и способствует повышению их переводческих навыков.

После каждого текста обязательно предлагаются грамматические задания, пояснения к которым содержатся в приложении в конце пособия. Грамматическая тема выбирается авторами на основании встречаемости того или иного грамматического явления в предшествующем тексте. Цель указанных упражнений – дополнительная практика уже знакомых студентам грамматических явлений с одновременным закреплением лексики по направлению Бухучет. В пособии рассматриваются степени сравнения прилагательных, неличные формы глаголов, страдательный залог, условные предложения, модальные глаголы, прямая и косвенная речь. Эти упражнения целесообразно выносить в качестве домашних заданий и проверять на аудиторном занятии, поскольку они могут выполняться и проверяться по ключам студентами любого уровня. Именно грамматические упражнения, сопровождаемые грамматическим комментарием, являются наиболее подходящими для организации взаимопомощи при подготовке к занятию.

Лингвокомпьютерные задания

Пособия входят во все уроки пособия в разделах «обучение языку с помощью компьютера» (computer-assisted language learning (CALL)). Для создания настоящего пособия мы остановили свой выбор на следующих открытых электронных ресурсах для организации самостоятельной работы студентов, которые будут перечислены в порядке их очередности появления в каждом уроке пособия:

- сервисы компьютера для создания схематических диаграмм;
- гиперссылки как вспомогательный ресурс для составления лексических кроссвордов;
- программа по составлению кроссвордов;
- лекции по бухучету на английском языке в видеоформате YouTube;
- программы машинного перевода Promt и Translate.

Схематические диаграммы (mind maps) представляются нам важным ресурсом активизации иноязычной речевой деятельности обучающихся. Эти диаграммы, алгоритм создания которых и пример представлены в приложении к пособию, включают не только названия разделов текста, но и ключевые слова по каждому разделу, которые являются опорой при пересказе текста или его обсуждении. Задание на составление схематической диаграммы текста позволяет студентам пошагово ознакомиться с алгоритмом составления краткого реферата текста на иностранном языке с использованием компьютера и овладеть техническими аспектами программы Microsoft Word для создания подобного реферата.

Задание по составлению кроссворда с новыми словами проходит в несколько этапов, что способствует быстрому и эффективному запоминанию слов-терминов. Используемый в учебном пособии гипертекстовый формат придает гибкость и индивидуальность учебному процессу, способствуя интерактивной работе студентов и созданию ими собственного продукта учебной деятельности, то есть кроссворда. Применение гиперссылок в учебном пособии позволяет интегрировать традиционный линейный способ подачи материала с возможностью его расширения при выполнении лингвокомпьютерного задания. Поскольку задание на составление кроссворда является многофункциональным, при его выполнении поощряется взаимопомощь и сотрудничество при работе в парах или небольших группах. Как показал начальный этап апробации данного пособия, студенты охотно приходят на помощь друг другу.

Сначала студенты переводят слова с гиперссылками, ищут им соответствия в англо-русском словаре, затем проходят по ссылке и выбирают одно из 3–4 определений слова в англо-английском толковом словаре. Разные дефиниции одного и того же термина позволяют более тщательно изучить его значение, и студент может более обоснованно выбрать нужное определение для своего кроссворда, алгоритм составления которого также представлен в приложении. При выполне-

нии творческого задания по составлению кроссворда, которое подробно описано в приложении, задействованы такие виды речевой деятельности, как чтение и говорение, когда студенты обмениваются кроссвордами на занятии и обсуждают языковые сложности. Использование видеофрагментов лекций на английском языке для аудирования способствует развитию коммуникативной компетенции обучающихся: содержание фрагментов лекций (длительностью 5–7 мин.) рекомендуется обсуждать на занятии в процессе парной работы.

Аспект машинного перевода и постредактирования как альтернативы чисто переводческой учебной деятельности является наиболее интересным в учебно-методическом плане. Практика постредактирования и исследование его как учебного ресурса позволит будущим специалистам применять его более осознанно и критично, но, тем не менее, извлекать максимальную пользу для своей научной работы. Студенты учатся редактировать русскоязычный текст, выделяя грамматические, лексические и стилистические ошибки. Постредактирование можно использовать регулярно, в качестве средства текущего индивидуального контроля, что позволит преподавателю судить о степени понимания студентом письменного текста на иностранном языке. Таким образом, студенты улучшают свою общую речевую культуру на родном языке, а преподаватель получает информацию о том, как идет обучение ИЯ, то есть осуществляет мониторинг учебного процесса. Режим рецензирования [6] позволяет успешно визуализировать процесс постредактирования.

Использование указанных нами технических средств обучения позволяет создать современную компьютерную обучающую среду как в аудитории, так и при подготовке студентов к занятию. Упражнения по постредактированию машинного перевода рекомендуется выполнять в формате аудиторной работы, а задания на аудирование лекций лучше оставлять для самостоятельной работы студентов для экономии времени на занятии. Форматы выполняемых на компьютере заданий пособия были успешно опробованы в студенческих группах. На сайте teachingwithtechnology.jimdo.com представлено также три вэб-квеста, созданных для творческой работы в небольших группах.

Организация взаимопомощи студентов

Как уже отмечалось, учебное пособие Accounting может использоваться как для самостоятельной работы, так и для обучения в формате наставничества. Так, задания по работе с текстом могут выполняться на двух этапах. На первом этапе, выносимом в качестве домашнего задания, учащиеся должны детально ознакомиться с текстом. После указанного этапа самостоятельного изучающего чтения студенты с высоким уровнем владения языком должны знать содержание текста, а также его лексические и грамматические особенности. В свою очередь студентам, владеющим ИЯ на более низком уровне, нужно подробно изучить текст, выяснить по сло-

варю значение всей незнакомой лексики, сделать попытку как можно более полно понять содержание текста и отметить те части, которые вызвали затруднения.

На аудиторном занятии студенты-наставники помогают учащимся с более низким уровнем владения ИЯ выполнить задания на понимание текста, такие, как определение истинности / ложности утверждений, ответы на вопросы и совмещение бухгалтерских терминов с их определениями. Кроме того, упражнения на нахождение в тексте английских терминологических словосочетаний, соответствующих русским эквивалентам, также могут выполняться в формате наставничества. Студенты с низким уровнем языковой подготовки получают индивидуализированные объяснения от наставников. Студенты, владеющие ИЯ на высоком уровне, в процессе наставнической деятельности закрепляют свои знания благодаря необходимости четко формулировать и многократно повторять языковой материал.

В целом пособие Accounting может быть рекомендовано для работы в формате наставничества, поскольку, помимо грамматических пояснений на русском языке, прилагаемых в конце пособия, студенты любого уровня могут воспользоваться подробными ключами к упражнениям. Ключи и подробные пояснения являются самыми важными элементами пособия, предназначенного для выполнения работы в режиме наставничества, поскольку они исключают возможные ошибки. Работая в парах или малых группах, учащиеся с более высоким уровнем владения ИЯ помогают учащимся с недостаточным языковым уровнем выполнить задания после текста и при необходимости проверяют свои ответы по ключам. Преподаватель дает необходимые объяснения, если у учащихся возникают затруднения.

Выводы

Завершая наше описание пособия по бухгалтерскому учету, которое проходит сейчас апробацию в студенческих группах, отметим, что его наставническая направленность проявляется как в отношении ИЯ, так и в отношении выполнения лингвокомпьютерных заданий. Студенты, хорошо владеющие компьютером, также имеют возможность проявить свои технические навыки и обучить сокурсников. Особенно полезным в этом отношении является многоэтапное задание на составление кроссворда, хотя задания на составление схемы текста и работу с сайтами также представляли сложности на начальном этапе, но впоследствии были преодолены благодаря практике наставничества.

Помимо нацеленности на формирование профессиональной и социальной компетенций обучающихся, пособие является, на наш взгляд, попыткой учесть намечающуюся тенденцию к укрупнению студенческих групп, которая, к сожалению, имеет место в настоящее время. Хотя причины этого явления еще предстоит исследовать, целесообразность наставнической деятельности в парах или малых группах как составляющих укрупненных групп становится еще более очевидной.

Указанный вид деятельности позволит повысить «успешность процесса обучения и эффективность социализации специалиста» [7, с. 18], его навыки коллективизма, которые вносят лепту в формирование социальной компетенции обучающихся.

Литература

1. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика: учеб. пособие для студентов лингвист. ун-тов и фак. иностр. яз. высш. пед. учеб. заведений. 3-е изд. М.: Академия, 2006. 336 с.

2. Дашкина А. И., Попова Н. В. Английский язык: практич. курс для студентов эконом. профиля: accounting; бухгалтерский учет. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та. 2014. 190 с.

3. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология: учеб. для студентов высш. учеб. заведений. 6-е изд. М.: Академия, 2006. 512 с.

4. Попова Н. В. Профессионально-ориентированный учебник по иностранному языку нового поколения: междисциплин. подход. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та. 2011. 242 с.

5. Попова Н. В. Первый иностранный язык как интегративный стержень для реализации междисциплинарных связей в подготовке лингвистов, преподавателей // Изв. Юж. федерал. ун-та. Сер. Филол. науки. 2007. № 1/2. С. 315–332.

6. Попова Н. В., Абдуллахитов Р. Ш. Формирование переводческой компетенции студентов при обучении иностранному языку посредством лингводидактической адаптации аутентичных учебников // Вопр. методики преподавания в вузе. 2014. Вып. 3 (17). С. 374–385.

7. Шаповалова И. С. Технология коллективообразования студенческих групп технического вуза: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2000. 22 с.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению 080100 «Экономика». URL: <http://mu.spbstu.ru> (дата обращения: 12.1.2.2014).

М. М. Степанова

**Обучение навыкам спонтанной речи
в курсе делового иностранного языка
в магистратуре технических направлений**

Обучение навыкам спонтанной устной речи магистрантов технических направлений должно основываться на принципе ситуативности. Спонтанная устная речь подразделяется на два вида: речь, в которой подготовлено содержание, но не подготовлена форма, и речь, в которой не подготовлены ни форма, ни содержание. Наиболее эффективным средством обучения первому виду речи является ролевая игра, второму – коммуникативный тренинг.

Ключевые слова: активные формы обучения, деловой иностранный язык, коммуникативная компетенция, магистратура, спонтанная разговорная речь

Maria M. Stepanova

**Forming spontaneous speech skills
when teaching business foreign language
for technical master students**

Teaching spontaneous speech skills in technical MA courses should be based on the situation principle. The spontaneous speech is divided into two types: with prepared contents and unprepared for, and with unprepared contents and unprepared form. The most efficient means of teaching the first type of speech is role-playing, the second type – communicative training.

Keywords: active forms of study, business foreign language, communication competence, MA courses, spontaneous colloquial speech

В настоящее время основной целью обучения иностранному языку в магистратуре технических направлений выступает формирование коммуникативной компетенции, позволяющей выпускнику использовать иностранный язык в качестве средства делового и профессионального общения. Как показывает опрос магистрантов Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, большая часть из них ориентирована на построение карьеры на производстве и в бизнесе [4, с. 63], и они заинтересованы в приобретении таких навыков в области изучаемого иностранного языка, которые помогут им этой цели достичь. В частности, высокой значимостью для магистрантов отличаются такие аспекты делового иностранного языка, как овладение навыками самопрезентации при прохождении собеседования, знание лексики делового общения и устойчивых выражений современного делового этикета [4, с. 61].

Требования работодателей к современным специалистам также включают владение иностранным языком как средством деловой коммуникации и решения практических задач. Как указывают Н. А. Качалов и Т. В. Сидоренко, требования, предъявляемые работодателями к выпускникам технических вузов, содержат навыки работы в многопрофильной команде, владение приемами эффективной аргументации (в том числе и на иностранном языке), умение осуществлять деловые переговоры [2, с. 64]. Таким образом, очевидной становится необходимость усиления практической и коммуникативной направленности обучения иностранному языку в магистратуре технических направлений. Одной из важнейших задач в этой сфере является обучение магистрантов умениям спонтанной разговорной речи в различных ситуациях деловой и профессиональной коммуникации.

Однако, как показывает анализ рабочих программ, учебников и учебных пособий по деловому иностранному языку для магистратуры технических направлений, разговорным аспектам иностранного языка внимания в них уделяется крайне мало. Практически отсутствуют задания, предусматривающие спонтанные монологические высказывания в рамках заданной ситуации, а задания, в которые включается диалогическая речь, как правило, требуют предварительной подготовки. В учебном пособии «Английский язык: практический курс для магистрантов технического профиля» [1], разработанном преподавателями кафедры Лингвистики и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, на формирование навыков разговорной речи направлены следующие виды заданий: ответы на вопросы по изучаемой теме и по прочитанному тексту, ответы на вопросы по сделанной студентом презентации или доклада, дискуссии по актуальным проблемам современной жизни, науки и практики, обсуждение коммуникативных неудач в ситуациях межкультурного делового и межличностного общения. Однако такие задания занимают незначительную долю от общего объема упражнений, предлагаемых в данном учебнике. Основная часть заданий в курсе делового английского языка задействует навыки чтения, анализа текста, перевода, письменного выполнения упражнений, составления текстов различного объема и тематики в письменном виде.

Все вышеизложенное указывает на необходимость введения в курс делового иностранного языка в магистратуре технических направлений аспектов, направленных на формирование навыков разговорной речи. Прежде всего, представляется важным обучать магистрантов навыкам спонтанной речи в рамках определенной коммуникативной ситуации.

Характерной чертой спонтанной (неподготовленной) речи, как монологической, так и диалогической, считается то, что мысль возникает у говорящего и словесно оформляется в сам момент высказывания. Спонтанная речь отличается инициативностью, неподготовленностью, естественностью темпа, свободным использованием языковых форм. Продуктом спонтанной речи является спонтанное

монологическое высказывание, под которым А. А. Савтырева понимает «речевое произведение монологического характера, объемом более одного простого предложения, порождаемое в процессе диалогического общения двух или более коммуникантов как реакция на внешний стимул или как побуждение к ответному высказыванию» [3, с. 80]. Из данного определения следует, что спонтанное речевое произведение обуславливается, прежде всего, реальной ситуацией общения и коммуникативной задачей, стоящей перед коммуникантами в этой ситуации. Такое высказывание обладает структурно-семантической целостностью, логической и языковой оформленностью, обладает всеми признаками устойчивой речевой единицы.

При обучении спонтанному высказыванию на занятиях по иностранному языку в магистратуре целесообразно использовать принцип ситуативности для организации практических упражнений. Принцип ситуативности в обучении иностранным языкам подразумевает создание такой совокупности внешних условий общения, которые побуждали бы студентов к активному выражению собственных мыслей [3, с. 80]. Ситуативные обстоятельства иноязычного общения мотивируют устную речь обучаемых, стимулируют создание высказываний. Таким образом, ситуация является опосредованным источником устной речи.

Ситуативная направленность обучения устной иноязычной речи ориентирует студентов на активную речевую коммуникацию между собой для решения определенных задач практической или теоретической деятельности. В методике обучения иностранным языкам считается, что иногда для определения содержания речевой ситуации достаточно просто назвать общее содержание деятельности (например, «Представьте, что вам необходимо подготовиться к встрече коллеги из Великобритании») или указать местонахождение коммуникантов (например, «Представьте, что вы находитесь в аэропорту»). Однако, как показывает опыт, для включения студентов технических направлений в активную речевую деятельность на иностранном языке требуется большая детализация ситуации и четкая постановка задач для каждого участника общения.

Спонтанная устная речь с точки зрения методики обучения иностранным языкам может быть подразделена на два вида: речь, в которой подготовлено содержание, но не подготовлена форма, речь, в которой не подготовлены ни форма, ни содержание.

Подготовка к обучению речи первого вида реализуется посредством предварительных подготовительных заданий, ориентированных на знакомство с лексикой и фразеологией определенной сферы, с культурными особенностями и нормами поведения людей в стандартных ситуациях делового общения.

Для обучения первому виду спонтанной речи, с подготовленным заранее содержанием, одним из наиболее эффективных средств создания коммуникативной ситуации является игра. Игровой метод обучения используется уже на протяжении

многих десятилетий, если не веков, и он хорошо зарекомендовал себя при обучении иностранному языку людей всех возрастов – от маленьких детей до взрослых. Суть коммуникативной игры на занятиях по деловому иностранному языку состоит в том, что, принимая участие в заданной игровой ситуации, студенты имитируют ту или иную реальную деятельность, решая при этом определенные коммуникативные задачи.

Игровая ситуация имеет, как правило, сложную структуру. Она включает условное место действия и ситуативные обстоятельства, роли, персонажи, совершаемые ими действия, взаимоотношения, обусловленные ролями и обстоятельствами. Основным содержанием игровой ситуации при обучении устной спонтанной речи должно быть воссоздание реальных отношений между участниками коммуникации, их возможные действия и поведение. Развитие речевой ситуации в ходе игры связано с усложнением эксплицитных и имплицитных компонентов игровой ситуации, развитием отношений участников игры между собой. Это позволяет активизировать коммуникативные умения и навыки студентов, развивает их умение ориентироваться в меняющейся ситуации и активно использовать знания и навыки в области иностранного языка.

В основе игры, предназначенной для формирования навыков спонтанной устной речи, должна лежать проблемная ситуация, которая требует использования иностранного языка. Речевая коммуникация на иностранном языке должна стать для участников игры реально необходимой, только в этом случае студенты задействуют все свои интеллектуальные и коммуникативные ресурсы, требуемые для порождения спонтанной речи на изучаемом иностранном языке. Подготовка студентов к подобным играм должна заключаться в том, чтобы обеспечить их информированность по обсуждаемой в ходе игры проблеме, по стандартным правилам поведения в подобных ситуациях, а также по их роли и индивидуальной позиции, которую занимает в игровой ситуации тот или иной персонаж. Таким образом обеспечивается подготовленность содержания спонтанной устной речи, но форма ее заранее не задается.

Для выполнения заданий, в которых не подготовлены ни форма, ни содержание спонтанной устной речи, обучаемым необходимо приложить больше интеллектуальных усилий, говорение на иностранном языке в этом случае потребует более активного использования воображения, коммуникативных навыков. Коммуникативная ситуация в этом случае описывается лишь самым общим образом, например, «Вы пришли в конференц-зал, где через несколько минут должна начаться конференция». При этом каждый участник игры знает только свою роль и свою задачу, и дальнейшее развитие ситуации ни одному из них полностью не известно. Коммуниканты должны выполнить каждый свою практическую задачу, при этом задачи разных участников игры могут противоречить друг другу. В этом случае ни содержание, ни форма речи не подготовлены заранее, они определяются непред-

сказуемым развитием коммуникативной ситуации. Роли и задачи участников игры известны только преподавателю, который руководит процессом коммуникации, направляя его в желаемое русло, не ограничивая участников общения в проявлении творчества. Такая организация учебной коммуникации характерна скорее для тренингов, чем для традиционных коммуникативных игр.

Таким образом, можно сделать вывод, что для эффективного формирования навыков спонтанной речи при обучении деловому иностранному языку магистрантов следует подбирать ситуативно обусловленные тренировочные упражнения, во время выполнения которых обучаемые должны решать практические задачи. Эффективными способами создания учебных ситуаций для спонтанного говорения на занятиях по иностранному языку в магистратуре технических направлений является организация ролевых игр и тренингов.

Литература

1. Английский язык: практ. курс для магистрантов техн. профиля / Н. И. Алмазова и др. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. 272 с.
2. Качалов Н. А., Сидоренко Т. В. Профессионально ориентированное обучение иностранному языку как основа формирования профессиональных умений студентов неязыкового вуза // Вестник Вят. гос. гуманит. ун-та. 2010. № 3, т. 3. С. 64–69.
3. Савтырева А. А. Обучение неподготовленному монологическому высказыванию на китайском языке // Университетские чтения–2011: материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. Ч. 6. С. 80–84.
4. Степанова М. М. Сравнительный анализ представлений студентов, методистов и работодателей о необходимом содержании обучения иностранному языку в магистратуре технического вуза // Науч.-техн. вед. С.-Петербур. гос. политехн. ун-та. Сер. Гуманит. и обществ. науки. 2014. № 1. С. 59–64.

С. Ю. Тюрина

**Формирование профессиональной мотивации студентов магистратуры
в техническом вузе средствами делового иностранного языка**

Изучение вопросов развития учебно-познавательной и профессиональной мотивации студентов способствует оптимизации иноязычной подготовки будущих выпускников. Условиями формирования профессионального интереса являются осознание важности иноязычного образования для саморазвития и своей будущей научной и профессиональной деятельности, а также организация учебного процесса, направленная на формирование данного интереса.

Ключевые слова: мотивация, профессиональная мотивация, внутренняя мотивация, иноязычное образование магистрантов

Svetlana Y. Tyurina

**Development of professional motivation of master degree students
in technical university in context of Foreign Business Language course**

Development of educational, cognitive and professional motivation of students enhance foreign language teaching process. Understanding of importance of foreign language learning is essential for personal development and for future scientific and professional activity. In addition, appropriate arrangement of educational process to develop professional motivation is significant.

Keywords: motivation, professional motivation, internal motivation, foreign education of Master Degree students

В последнее время преподаватели обсуждают вопросы подготовки студентов магистратуры по иностранному языку как в вузах культуры, так и в технической школе: это вопросы целей и содержания программ, методов обучения, разработки учебных материалов, УМК, вопросы развития различных навыков и умений, формирования общих и профессиональных компетенций, вопросы тестирования и оценки и другие. Одной из основных целей обучения магистрантов является подготовка студентов к эффективному межкультурному общению в сфере своей будущей деятельности. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования предусматривают поиск эффективных способов оптимизации процесса обучения различным направлениям подготовки. Эта задача и обуславливает актуальность темы данной статьи. Формировать и развивать профессиональную и учебно-познавательную мотивацию магистрантов для будущей работы необходимо путем разъяснения и предоставления возможности функционировать на иностранном языке. Обычно, как показывает опыт и данные статистики, среди лидеров предметов по которым происходят отчисления, находится

иностранный язык (помимо математики, физики) [5, с. 155–156]. Основная причина не только в трудности, которую испытывают обучаемые, изучая данные дисциплины, но и в недостаточной мотивации.

Мотивация играет значительную роль в учебной деятельности, именно поэтому отечественные исследователи формулируют принцип мотивационного обеспечения учебного процесса [1–2, 4–5 и др.]. Исследователи по-разному трактуют сущность понятия мотивация и используют различные методы для ее изучения. В отечественной психологии мотивация рассматривается как сложное многоуровневое явление, которое определяет поведение и деятельность человека. Мотивация трактуется как система мотивов и как особая сфера, включающая в себя потребности, мотивы, цели, интересы в их сложном переплетении и взаимодействии [2–3].

Учебно-познавательная мотивация студентов рассматривается как частный вид мотивации, включенной в учебную деятельность. Она зависит от определенных факторов: прежде всего, от организации процесса обучения, от индивидуальных особенностей обучающихся и преподавателя; и, конечно же, в значительной степени мотивация определяется спецификой учебного предмета. Так, студенты магистратуры Ивановского государственного энергетического университета мотивированы в изучении английского языка и с огромным интересом занимаются с преподавателем и самостоятельно.

Для учебной мотивации характерна динамичность, при этом очень важно, что с возрастом происходит изменение ведущих потребностей. Так, студенты магистратуры, в отличие от студентов бакалавриата, уже осознают свои конечные цели обучения, имеют потребность в обучении, с интересом и положительными эмоциями относятся к процессу иноязычной подготовки.

Исследователи говорят о сложной структуре учебной мотивации. Она бывает внутренняя, ориентированная на процесс и результат, и внешняя, ориентированная на награду, избегание наказания [2, с. 267].

Внешняя мотивация студентов Ивановского государственного энергетического университета поддерживается комплексом мер: прежде всего, это система РИТМ, система оценки и новый проект вуза по поддержке студенческой инициативы и созданию веб-портфолио на студенческом сайте <http://student.ispu.ru>.

Внутренняя мотивация студентов магистратуры, когда обучаемым интересен процесс изучения языка и конечный результат, является, на наш взгляд, более важной. Это можно объяснить профессиональной мотивацией к предмету учебно-познавательной деятельности. Под профессиональной мотивацией мы понимаем осознанный учебно-познавательный интерес к предметному содержанию своей научной и профессиональной деятельности с использованием иностранного языка. Для ее развития предлагаются такие активные методы обучения как: использование информационных технологий, участие в образовательных проектах, подготовка докладов на профессиональные темы и участие в конференциях. Подготовка

и проведение презентаций играют важную роль в повышении внешней и внутренней мотивации обучаемых. Как правило, ситуация «конференция» разыгрывается в искусственных аудиторных условиях. Магистранты готовятся, исходя из следующих установок кафедры. Успешная презентация имеет 4 этапа:

- планирование,
- подготовка,
- тренировка и, непосредственно,
- сама презентация

На этапе планирования студенты определяют цель презентации и изучают аудиторию, перед которой предстоит выступить.

Этап подготовки включает сбор информации по теме выступления, составление плана выступления, разработку структуры и текста презентации, подбор эффективных вербальных и невербальных средств, ознакомление с требованиями к оценке презентации по пятибалльной шкале. Эти требования разработаны и в течение последних семи лет успешно используются на кафедре интенсивного изучения английского языка в Ивановском государственном энергетическом университете:

1. Содержательность. Контент-анализ (проработанность вопроса; релевантность и глубина рассуждения, наличие фактов и примеров и / или авторитетных высказываний; аргументированность и понятность разъяснений).

2. Структура и логичность. Когезия и структурированность (продуманный текст, четко сформулированная тема, выделяемые составные части – введение, основная часть, заключение). Каждой части уделяется достаточно времени в пределах 5 – минутного лимита, логичное построение изложения с правильным использованием связующих переходов и обозначением завершения.

3. Выступление. Техника выступления: свободное и непринужденное выступление, четкая, связная речь с правильной паузацией; вариативность интонационных структур, наличие контакта со слушателями, использование аудио-визуальных средств (компьютера).

4. Владение лексикой и грамматикой. Лексическая и грамматическая грамотность речи, синтаксическая вариативность, правильное использование слов и выражений.

5. Ответы на вопросы. Проявление активности при работе с ответами на вопросы, включая трудные и не относящиеся к теме выступления; полные и четкие ответы.

Кафедра также рекомендует магистрантам следующие основные требования к подготовке оформления презентации в программе Power point:

- Для десятиминутной презентации количество слайдов – 10–12.
- На первом слайде следует указать тему, фамилию и имя докладчика, на последнем – слова благодарности слушателям.
- Каждый слайд должен иметь заголовок.
- Рекомендуется единство в цветовом решении (2 цвета).

– Рекомендуется единство в размерах шрифта (заголовок – 32–48, текст – 24–28), шрифт Times New Roman.

– Рекомендуется параллелизм грамматических конструкций.

– Слайд содержит одну идею, максимум 7 слов.

На этапе подготовки необходимо продумать средства привлечения и удержания внимания аудитории (прямой вопрос аудитории, юмор, цитата, ссылка на текущие события или пример из истории, зрительный контакт со слушателями, интонация). Магистранты разрабатывают списки гипотетических вопросов и продумываются стратегии ответа на них.

Этап тренировки презентации включает в себя просмотр презентации и репетицию. Студенты магистратуры работают над своей речью, жестами, зрительным контактом с аудиторией, готовятся к провокационным вопросам «коллег».

После подобной подготовки магистранты Ивановского энергетического университета успешно представили свои работы в Ярославле на научной молодежной конференции на иностранных языках «SCIENCE DRIVE – 2014» в секциях: математика, информационные технологии и иностранные языки. Студенты из Вологды, Костромы, Ярославля и Иванова рассказывали о своих проектах и научных достижениях на английском и немецком языках.

Участие в конференции положительно сказалось на процессе обучения. Обучаемые проанализировали, выделили сильные и слабые стороны выступлений и презентаций как своих, так и других участников. После конференции презентации на темы будущей профессиональной деятельности вошли в регулярную практику занятий. Магистранты свободно и с интересом участвуют в дискуссиях, используя изученные разговорные формулы, выражают свое мнение, соглашаются или не соглашаются, переспрашивают и ищут ответы на «каверзные» вопросы.

В заключение еще раз подчеркнем, что создание мотивации для будущей научной и профессиональной деятельности является важным условием формирования интереса магистрантов к серьезному изучению иностранного языка.

Литература

1. Божович Л. И. Избранные психологические труды / под ред. Д. И. Фельдштейна. М.: Междунар. пед. акад., 1995. 209 с.

2. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учеб. для вузов. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. 448 с.

3. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы: пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. 496 с.

4. Психология и педагогика: учеб. для вузов / под ред. П. И. Пидкасистого. М.: Юрайт: Высш. образование, 2010. 714 с.

5. Реан А. А., Бордовская Н. В., Розум С. Психология и педагогика. СПб.: Питер, 2007. 432 с.

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ SECTION 2. LANGUAGE CULTURAL STUDIES

УДК 81'271(410+73)

М. А. Благонравова

Лингвокультурные различия между британцами и американцами и их роль в деловом общении

На основе мнений и фактов из британских и американских источников в статье рассматриваются характерные различия в культуре, менталитете, особенностях поведения и восприятия британцев и американцев. Свидетельства того, как эти особенности могут отражаться на эффективности межкультурной коммуникации, приводят автора к выводу о необходимости учитывать их как в личном деловом общении, так и в деловой переписке.

Ключевые слова: язык, культура, менталитет, национальные особенности, британский, американский, деловое общение

Marina A. Blagonravova

Linguocultural differences between britons and americans and their role in business communication

Based on opinions and facts from British and American sources, the article looks into typical differences between the cultures of the two nations, their mentality, characteristic attitudes and peculiarities of behaviour. Contemplating the evidence of how these features can affect cross-cultural communication, the author comes to the conclusion that they should be taken into account both in personal business contacts and in business correspondence.

Keywords: language, culture, mentality, national peculiarities, British, American, business communication

В нынешнюю эпоху обширных международных связей полноценная коммуникативная компетенция, которая сегодня является приоритетной целью в обучении иностранному языку, требует осознания и учета межкультурных различий. В этих условиях занятия английским языком в неязыковом вузе наглядно выявляют органическую связь между языком и культурой. Студенты черпают представление о культурном многообразии современного мира из учебников делового английского языка, использующих в качестве лингводидактического материала краткие сведения о различных типах культур, примеры отдельных черт национальных характеров и традиций. Эти фрагментарные сведения помогают в изучении языка, который, в свою очередь, в дальнейшем даст возможность расширить и углубить

их настолько, насколько это будет необходимо для конкретных практических потребностей межкультурного общения.

Являясь основным средством международного общения, английский язык открывает путь не только к свободе повседневной коммуникации, но и к началу постижения любой национальной культуры. Что касается делового английского, с полным основанием можно сказать, что он является носителем и распространителем общемировой, и прежде всего западной, деловой культуры. Люди начинают естественным образом воспринимать ее основы, изучая английский на материале, необходимом для подготовки презентаций, организации собраний, ведения переговоров и многого другого. При этом они одновременно получают некоторое представление о культуре таких стран, как Великобритания и США. Насколько велики различия между британской и американской культурами и в какой мере стоит их учитывать в деловой практике? В данной статье размышления на эту тему основываются, в первую очередь, на мнениях, высказываниях и речевых образцах носителей языка из обеих стран.

Рассматривая язык как часть культуры, нельзя не упомянуть о существовании различий между британским и американским вариантами английского языка. Эти различия – фонетические, грамматические, орфографические, лексические, семантические – достаточно широко известны. Они в подробностях освещаются в книге Т. Б. Назаровой, И. А. Преснухиной «Региональное варьирование в деловом общении на английском языке» [3]. Надо сказать, что они практически не мешают пониманию, за исключением разве что тех достаточно специфических случаев, когда употребляется слово или выражение, которое невозможно понять из контекста.

В современном обиходе эти различия часто стираются, поскольку британский сдает позиции американскому варианту. Например, опускаются некоторые артикли и предлоги, из двух вариантов написания слова начинает чаще употребляться тот, в котором меньше букв (как *program* вместо *programme*), а в деловом английском при возможности выбора предпочитают выражение более краткое либо легче запоминающееся (как *IPO* или *initial public offering* вместо *floatation*). Вероятно, причина отчасти в том, что в наш динамичный век язык естественным образом становится более экономичным и энергичным. Но можно также предположить, что такого рода изменения в языке являются следствием глобализации, в которой огромную роль играют американские транснациональные компании. А может быть, глобализация вместе с неизбежно сопутствующей ей американской культурной экспансией несет угрозу национальным культурам, в частности, культуре Великобритании?

Известный британский социоантрополог Кейт Фокс убеждена, что глобализация, напротив, сопровождается усилением стремления народов сохранить свою этнокультурную самобытность. Она отмечает, что в Великобритании это стремление проявляется в каждой части страны, имеющей свои этнокультурные особенности – и в Англии, и в Шотландии, и в Уэльсе. Но при всех этих региональных разли-

циях можно говорить об основных чертах, общих для всего населения. На ее взгляд, это характерные черты английского менталитета и английской культуры. Поставив себе задачу выявить, как она выражается, «английский культурный геном», Фокс в своей книге «Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour» детально описывает и анализирует нравы, привычки и социально-психологические мотивы повседневного поведения англичан [7].

Любопытно, что на протяжении всей этой книги, заслужившей на родине автора много хвалебных отзывов, Фокс время от времени сравнивает своих соотечественников с американцами в самых разных областях жизни, начиная от публичного поведения политиков и отношения к работе до флирта и способа использования ножа за обеденным столом. В предметном указателе список страниц со ссылками на слова «Америка и американцы» длиннее всех других, опередив даже такие темы, которым в книге также отводится важное место, как классовые различия, юмор, климат и культура.

Иногда сопоставление с американцами здесь представляет собой просто объективную констатацию различий. В редких случаях можно почувствовать по отношению к тому или иному аспекту американской культуры оттенок неодобрения или иронии. Гораздо чаще ирония проявляется в сопоставлении англичан с их океанскими «родственниками» по языку и культуре, которое помогает высветить странные и труднообъяснимые для иностранцев черты английского национального характера и поведения. Например, в отличие от американцев, англичане (под которыми подразумеваются также шотландцы и уэльсцы), сталкиваясь с плохим обслуживанием или плохим качеством товара, не пишут жалоб и не подают в суд, а стоически переносят то, что считают неизбежным. В Англии (и, по-видимому, в других частях Британии) даже бизнесмены стесняются заводить разговор о деньгах и об оплате. В случае необходимости обсуждают такие вопросы исключительно в письменном виде. В итоге у нас складывается впечатление, что крупных и мелких различий в национальной культуре и менталитете достаточно много, и они ярко выражены.

Вследствие подобных различий, как указывает В. А. Маслова, даже при соблюдении всех языковых норм между участниками общения может возникнуть «культурный барьер». Она иллюстрирует эту мысль историей об английском дирижере, который, начав руководить немецким оркестром, никак не мог добиться от оркестрантов того, чего ему хотелось. Когда он спросил у своего учителя немецкого языка, как сказать по-немецки «Послушайте, мне кажется, было бы лучше, если бы мы играли так», тот посоветовал сказать прямо: «Надо играть так» [2, с. 31–32].

Невидимый, но труднопреодолимый культурный барьер, который препятствует эффективности деловой коммуникации, возможен и между британцами и американцами. Это подтверждает исследование, проведенное учеными из университета в Бристоле. Представляется, что результаты этого исследования было бы

полезно иметь в виду любому, кому предстоит работать вместе с британцами или американцами. Исходными данными здесь послужили мнения, ранее высказанные американцами, которые жили или работали в Британии, и британцами, которые жили или работали в США. Первые отмечали, что их британским коллегам свойственна склонность ходить вокруг да около и что их подход к обсуждению вопросов раздражает своей неэффективностью. Британцы же говорили, что американцы чересчур прямолинейны, а иногда грубы и бесчувственны.

Чтобы проверить правильность этих взаимно нелестных стереотипов, были проведены интервью с 13 американскими и 13 британскими менеджерами, работающими в американских компаниях в Бристоле и его окрестностях. Все они согласились, что стили общения в британской и американской культурах значительно отличаются, в частности, в том, что касается речевого поведения. При этом британцы объясняли свою склонность подходить к вопросу окольными путями и тратить на описание или объяснение больше слов, чем американцы, желанием избежать риска и неловкой ситуации. По мнению одного из британских участников опроса, американскую прямоту англичане находят отталкивающей.

Обе стороны отметили, что британцам, по сравнению с американцами, свойственен более пессимистичный взгляд на жизнь и на решение проблем. Вот характерные высказывания американцев на эту тему:

The British approach frustrates me – I don't want to hear why things can't be done... The British are inefficient – it's hard to get problems solved. It drives me crazy (Британский подход меня угнетает – я не хочу слышать, почему этого сделать нельзя... Британцы неэффективны – таким образом трудно достичь решения проблем. Это меня с ума сводит).

Британские коллеги американских менеджеров не остались в долгу:

The British find optimism, enthusiasm annoying... A large number of British feel the American approach is simplistic... At times these differences jar on people's nerves (Оптимизм, энтузиазм раздражают британцев... Многие британцы считают, что у американцев чрезмерно упрощенный подход... Временами эти различия действуют на нервы) [6, p. 394–402].

Если такое взаимное недовольство и раздражение вызывают люди при личном общении на работе, реакция на расхождения в жизненных и культурных установках при заочном контакте с незнакомым человеком, по-видимому, может быть еще более острой. Между тем, особенности национального менталитета и культуры могут проявляться не только в устном, но и в письменном общении. Пожалуй, самым наглядным образом они проявляются в сопроводительных письмах к резюме (ар-

plication letters). Собственно говоря, первоначальная идея данной статьи возникла у автора именно в результате многолетней практики обучения студентов написанию таких писем по образцам из авторитетных британских и американских учебных пособий.

Сам по себе вид этого делового письма, которое, по сути, представляет собой рекламу с целью продать самого себя, наилучшим образом соответствует американскому менталитету и в корне противоречит менталитету британскому. Британцы, какими они предстают в книге Кейт Фокс, никогда не показывают своих сильных чувств и желаний. Им свойственна сдержанность в высказываниях и привычка выражать отношение к тому или иному предмету или явлению в гораздо менее экспрессивных выражениях, чем требует ситуация. Они не только органически не приемлют хвастовства и бахвальства, но даже избегают демонстрации собственных достижений и успехов. Наконец, Фокс отмечает, что почти все англичане испытывают отвращение к безудержно напористой, агрессивной рекламе, которую они презрительно называют американской.

В качестве удачного образца application letter американское пособие «Business Writing Makeovers» предлагает следующий:

I will bring to the job:

- An excellent track record with...
- A firm grasp of the legal issues...
- A solid background in...
- Highly developed interpersonal skills... even under pressure;
- A wide network of contacts...

I hope you agree that these qualifications are an outstanding match with the criteria for the new Senior Grants Administrator... [10, p. 7]

Можно усомниться в том, что менеджер-англичанин захотел бы видеть среди своих сотрудников автора такого письма, несмотря на весь его «опыт отличной работы с..., прекрасное владение правовыми вопросами...; солидный опыт в...; высокоразвитые навыки межличностного общения» и прочие достоинства, которые «выдающимся образом соответствуют» требованиям компании.

В другом американском учебнике «Business Letters the Easy Way» говорится, что в application letter следует отразить свои честолюбие и энтузиазм, но в то же время оставаться скромным. Но будет ли, на взгляд англичанина, достаточно скромным заявление о готовности предвидеть и удовлетворить все ожидания будущих работодателей:

Thus I... believe I am prepared to anticipate and meet all your expectations?
[8, p. 98]

В британских образцах подобных писем тон гораздо сдержаннее, формулировки более обтекаемые и многословные. Они обычно содержат объективные факты об опыте работы и квалификации, без какой бы то ни было самооценки кандидата и хвалебных эпитетов применительно к себе. Общая тональность примерно такая:

As you can see from the enclosed curriculum vitae, I have selling experience in pharmaceuticals and cosmetics – a very competitive field... Your six months' training scheme should certainly help me to devote the best of my ability to your company, particularly since my educational qualifications are higher than those you require [9, p. 82].

На американского специалиста по кадрам такое письмо, наверняка, произвело бы не слишком благоприятное впечатление. Как отмечает О. А. Леонтович, по мнению американцев, коммуникативное поведение во время собеседования при приеме на работу выстраивается по принципу «хвали самого себя». Она приводит слова К. Сторти, автора работ по коммуникативному поведению и межкультурному общению в американской среде. По мнению К. Сторти, если ты сам себя не хвалишь или, по крайней мере, не указываешь на свои сильные стороны, ты или не слишком заинтересован в получении должности, на которую претендуешь, или недостаточен квалифицирован для нее [1, с. 292]. Эти рекомендации касаются, судя по всему, и писем кандидатов на вакансию, которые предшествуют собеседованию.

Чтобы заинтересованность в получении работы стала еще более очевидной, американские специалисты советуют в конце такого письма либо указать свой телефон и время, когда вам лучше всего звонить, либо предупредить, что вы позвоните сами, причем иногда даже предлагают указать конкретную дату и время этого звонка. В британских рекомендациях обычно предлагается лишь скромно написать что-нибудь вроде: «Я готов прийти на собеседование в любое удобное для вас время».

Ради успеха коммуникации знать и учитывать характерные особенности британского и американского стилей деловой корреспонденции полезно при написании любых деловых писем. Но в письмах, касающихся приема на работу, это особенно важно, поскольку игнорирование соответствующих правил может стать препятствием для начала карьеры.

Стоит иметь в виду и различия, касающиеся некоторых мелких деталей письма. Например, в британских письмах после обращения ставится запятая или вообще нет знака препинания, а в американских – двоеточие; британцы, в отличие от американцев, пишут *Mr* без точки. Если в подобных частностях или, скажем, в орфографии, не выдержан последовательно британский либо американский английский, это может быть воспринято как небрежность или как результат недостаточного знания языка. Впрочем, по мнению разных российских и зарубежных авторов, чисто лингвистические ошибки воспринимаются носителями языка гораздо снисходительнее, чем лингвокультурные.

Литература

1. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2010. 202 с.
3. Назарова Т. Б., Преснухина И. А. Региональное варьирование в деловом общении на английском языке: спецкурс: учеб. пособие. М.: Аст: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009. 254 с.
4. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 328 с.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
6. Dunkerley K. J., Robinson W. P. Similarities and differences in perceptions and evaluations of the communication styles of American and British managers // J. of language and social psychology. 2002. Vol. 21. P. 393. URL: [http // jls. sagepub](http://jls.sagepub) (дата обращения: 12.12.2014).
7. Fox K. Watching the English: the hidden rules of English behaviour. London: Hodder, 2004. 424 p.
8. Geffner A. B. Business letters: the easy way. New York: Barron's, 1998. 192 p.
9. Naterop B. J., Haberfellner E., Weiss E. Business letters for all. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. 163 p.
10. Roddick H. Business writing makeovers. М.: Аст: Астрель, 2004. 273 p.

Л. К. Гейхман, И. В. Ставцева

Межкультурная коммуникация: реальное и виртуальное

В статье рассматриваются вопросы современной межкультурной коммуникации. В фокусе внимания авторов – изменения, произошедшие в межкультурной коммуникации под влиянием ИКТ, в процессе виртуализации человеческого взаимодействия.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, виртуальная коммуникация, виртуальное взаимодействие, межкультурные барьеры

Lyubov K. Geykhman, Irina V. Stavtseva

Cross-cultural communication: real and virtual aspects

The paper deals with the issues of cross-cultural communication nowadays. The authors emphasize its changes that have occurred because of ICT and human interaction virtualization.

Keywords: cross-cultural communication, virtual communication, virtual interaction, cross-cultural barriers

Интернет и современные технологические возможности создают совершенно уникальное пространство для бизнеса и личных контактов, которое не только способствует расширению географии коммуникации, но и видоизменяет ее сущность, внося свои поправки в устоявшиеся представления о человеческом взаимодействии [1, 3]. Опираясь на привычное, традиционное, реальное общение, Интернет предлагает средства для его виртуального воплощения, стирающие границы стран и временные пояса, открывающие такие двери, о существовании которых мало кто мог подумать ранее. Что же происходит в это время с культурными границами и барьерами? Как изменилась межкультурная коммуникация под влиянием виртуального пространства?

Для ответа на эти вопросы проанализируем этимологию слова «виртуальный», которое оказалось не таким простым и однозначным.

Как правило, под виртуальным понимается нечто нереальное, эфемерное, мнимое. Однако этимологический словарь Д. Харпера [7] фиксирует английское «virtual» как образовавшееся от латинского «virtus» (ср. англ. «virtue»), что означает «превосходное качество, эффективность, добродетель, мужество». Далее с 1650-х «virtual» употреблялось в значении «существующий как сущность или факт, но не названный» («being something in essence or fact, though not in name»). И только в 1959 отмечается начало употребления данного слова в компьютерном смысле как «не существующий физически, но созданный благодаря программному обеспечению» («not physically existing but made to appear by software»). Не правда ли любопытные смысловые трансформации?

А ведь во многих аспектах виртуальное действительно можно назвать эффективным и иногда добродетельным даже в настоящее время. Стоит только подумать

о тех возможностях, которые с максимальными удобствами и минимальными затратами становятся доступными, благодаря технологиям и Интернету. Мгновенное пространство самой необходимой информации и активизация широких масс людей для общего благого дела – можно вспомнить бесконечное множество конкретных примеров, иллюстрирующих добродетельность и эффективность виртуального. А наталкивают на подобные мысли именно лингвистические выводы, которые превращают далекие друг от друга понятия в чуть ли не тождественно равные. Не замыкает ли значение слова «виртуальный» круг своего жизненного цикла, возвращаясь к своим семантическим корням?

Применительно к коммуникации 'виртуальное' также нельзя рассматривать однозначно. С одной стороны, имеет место замаскированность всего, что связано с общением в Интернете. Аватарки, ники, особые формы Интернет дискурса и Интернет коммуникации (связанные с такими средствами, как, например, блог, чат, мессенджер, социальные сети) позволяют идентифицировать себя с воображаемым, придуманным персонажем, имеющим мало общего с реальной личностью. С другой стороны, телеконференции и видеосвязь выступают почти совершенными аналогами реальной межличностной коммуникации. При этом два воплощения виртуального сосуществуют, являясь сторонами одной медали, дают право выбора (какими средствами и с какой целью пользоваться) и предупреждают о возможных заблуждениях и психологических барьерах, которые могут возникнуть между коммуникантами в силу определенной опосредованности общения.

«Эффективный», или «имеющий эффект» – данные определения вполне оправдано считать синонимичными «виртуальному» в современном информационном обществе, поскольку виртуальное способно обладать абсолютно реальными последствиями и приводит к ним. Суть данного явления заключается не только в психологических или информационных эффектах, но также и в эффектах материального мира, объектах и вещах. Проиллюстрируем: можно поехать в магазин (несколько магазинов) и выбрать нужный товар, купить его за бумажные деньги и привезти домой. А можно, не выходя из дома, найти желаемую вещь в Интернет-магазине, заплатить за нее виртуальными деньгами, и курьер доставит ее в удобное для Вас место и время. Вопрос – одинаково ли эффективны два пути, приводящие к одному результату, приобретению материальной вещи? Мы полагаем, что нет. Виртуальный путь современного мира в данной ситуации дает лучший эффект: он экономит деньги, усилия и предоставляет возможности, которых у Вас может и не оказаться в реальном мире (например, если виртуально заказать товар в другом городе или другой стране, снимается необходимость их личного посещения).

Подобное происходит и с межкультурной коммуникацией, которая оперирует не вещественными эффектами, а абстрактными конструктами. Будь то взаимодействие на уровне локальной, социальной или национальной культуры [6], результат останется реальным (совсем не мнимым или эфемерным), хотя способы получения

желаемого будут различными (что не мешает виртуальному способу, как правило, быть более эффективным). Разобраться в сущности данного явления непросто, особенно принимая во внимание сложность феномена межкультурной коммуникации, переведенного в виртуальный мир. Тем не менее, подобные противоречия, плохо поддающиеся осмыслению, являются причиной психологических трансформаций, что позволяет определить виртуальную коммуникацию как важный компонент психики человека в информационном мире.

Виртуальная коммуникация, с одной стороны, – это коммуникация без присутствия живого человека, но с человеком, обозначенным знаками и символами [2]. С другой стороны, она является фундаментом анализа больших объемов данных и выступает основной деятельностью цифрового пользователя, человека, обладающего способностями к многозадачности, к постоянной работе с электронными источниками, меняющими подходы к потреблению информации, человека, умеющего быстро переключаться между различными информационными потоками.

Интерактивное, эффективное, виртуальное приводит к обесцениванию живой, традиционной коммуникации, которая преобразуется в виртуальное общение, более доступное и удобное, требующее меньше времени и сил для организации. Одновременно сущность виртуальной коммуникации способствует появлению новых знаковых систем, в том числе, и особого языка виртуального мира. Этот язык беднее и проще, поскольку служит для передачи информации в насыщенной данными, многофункциональной среде виртуального пространства. Именно поэтому речевые формы Интернет дискурса называют устно-письменными: несмотря на визуально текстовую форму, такую речь характеризует высокий уровень имплицитности, ситуативность и неполнота.

Скорость современного мира запускает закон обратной пропорциональности в следующем контексте: чем больше информации необходимо передать, чем быстрее это надо сделать и чем с большим количеством людей за отрезок времени необходимо совершить коммуникацию, тем беднее средства, с помощью которых эта коммуникация осуществляется, тем больше страдает традиционный язык национальной культуры.

Более глубокий анализ позволяет говорить об изменении языковой личности как совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью [4]. Формирование нового, информационного общества, оказывается тесно взаимосвязанным с изменением формы и содержания языка, а, следовательно, и мышления, которое, приспособиваясь к постоянному информационному перенасыщению, становится клиповым.

Проблемы клипового мышления людей нового когнитивного склада кроются в противоречиях между: «мозаичной» и целостной картинами мира; восприятием раз-

розенных смысловых фрагментов и длительной линейной последовательности; высокой скоростью обработки небольших порций информации и глубиной проработки деталей; способностями к многозадачности и концентрации внимания. Клиповость влияет на: восприятие окружающего мира, способность к анализу информации, систему морально-этических ценностей [5], а значит, прежде всего, на культуру индивида.

Если сиюминутное взаимодействие в информационном обществе зависит от скорости обработки данных и передачи информации, что и обеспечивает клиповое мышление, то языковые трансформации, разрушающие связь с культурой через язык, намного более существенны и важны, будучи одновременно менее заметными для самого человека.

В настоящее время трудно однозначно оценить происходящие изменения, однако несомненно одно: традиционное и Интернет-общение переплетаются в коммуникации современного мира, где границы культур и государств стираются благодаря информационно-коммуникационным технологиям и возможностям виртуального взаимодействия. Реальное и виртуальное не являются противоположными, они взаимодополняют друг друга, характеризуются взаимным влиянием, трансформируют процессы коммуникации и связь личности со своей и чужими культурами. Именно информационный период развития общества ставит вопрос о сохранении культурной идентичности в ошеломляющих темпах глобального движения данных.

Литература

1. Гейхман Л. К., Белкина О. В., Галанова С. Ю., Ставцева И. В. Межкультурная коммуникация: традиции и инновации // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: сб. материалов II междунар. науч. конф. Челябинск, 4–5 апр. 2013 г. Челябинск: Энциклопедия, 2013. Т. 1. С. 269–273.
2. Гейхман Л. К. Интерактивное обучение общению: общепед. подход: дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 2003. 426 л.
3. Гейхман Л. К., Ставцева И. В. Межкультурная коммуникация XXI в. // Современные тенденции развития образования и культуры в общеевропейском контексте: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2013. С. 176–180.
4. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3–8.
5. Ставцева И. В. Принцип управляемой многозадачности при обучении чтению студентов // Наука: материалы 66-й науч. конф., 2014 / Южно-Урал. гос. ун-т. Челябинск, 2014. С. 1317–1321.
6. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межкультурной и межкульт. коммуникации. М.: Слово, 2008. 343 с.
7. Harper D. Online etymology dictionary. URL: <http://etymonline.com> (дата обращения: 12.12.2014).

Н. Н. Клеменцова

Возможности текста в формировании культурной осведомленности

Развитие межкультурной коммуникативной компетенции рассматривается как часть формирования иноязычной коммуникативной компетенции. Показателем ее сформированности является «культурная осведомленность». Достижение высокого уровня сформированности межкультурной коммуникативной компетенции связывается с расширением границ индивидуального культурного опыта посредством использования аутентичных текстов и разработки заданий, имитирующих условия аутентичного общения.

Ключевые слова: культурная осведомленность, межкультурная коммуникативная компетенция, иноязычная коммуникативная компетенция, аутентичный текст

Nadezhda N. Klementsova

Developing cultural awareness through reading texts

Development of the intercultural communicative competence is looked upon as a part of the communicative competence in foreign languages. «Cultural awareness» is presented as an indicator of the achieved level of the intercultural communicative competence formation. The latter is linked with the expanding of the boundaries of the individual cultural experience through the use of the authentic texts and the development of the tasks imitating authentic communication.

Keywords: cultural awareness, intercultural communicative competence, communicative competence in foreign languages, authentic text

«Культурная осведомленность» (cultural awareness) выступает показателем способности общения на иностранном языке, осознания влияния данной культуры на использование языка в актах коммуникации [9].

Понятие культурной осведомленности полностью соответствует переориентации современного образования со знаниецентрического на культуросообразное, способствует дифференциации ряда категорий, используемых сторонниками различных «культуросообразных» моделей обучения иностранному языку:

- культурный продукт (cultural product),
- культурная практика (cultural practice),
- культурная идентичность (cultural identity),
- культурный капитал (cultural capital) и т. д.

В процессе обучения «культурной осведомленности» выделяют несколько этапов: от полной «слепоты» (blindness) до полноценного умения (proficiency). Обучаемый при этом постепенно переходит из состояния «неосознанной неосведомленности» (unconsciously unaware) до «осознанной осведомленности» (consciously aware) [5].

В практике преподавания иностранного языка в неязыковом вузе говорят о сформированности культурной осведомленности между этими крайними понятиями. Исходя из понимания, что формирование культурной осведомленности студентов неязыкового вуза происходит осознанно, мы считаем возможным рассматривать переход с уровня чувствительности к культурологической информации на уровень компетентности в овладении этой информацией.

Возможности развития культурной осведомленности и достижения более высокого уровня сформированности межкультурной коммуникативной компетенции, очевидно, зависят от индивидуального межкультурного опыта каждого студента, получаемого благодаря включению в аутентичные ситуации межкультурного общения.

Знакомясь с содержанием текста, включающим опыт автора, в том числе и социокультурный, обучаемый привлекает свой собственный опыт в его понимание. Обучаемый обращается к системе понятий и ценностей своих «культурных координат» (cultural frame of reference [8, с. 155]). Субъективизм в понимании текста достигает своего максимума в случае восприятия литературного текста, характеризующегося наличием содержательных пробелов [6]. Поиск и интерпретация этих лакун превращает чтение литературного текста в практику активного диалога между автором и читателем.

Работа с литературным текстом – это продуктивный процесс. Задания и упражнения должны быть ориентированы на понимание текста, а именно – на поиск новой информации, связанной, в том числе, с культурной осведомленностью.

Ценность текста как единицы обучения иностранному языку заключается не только в его способности демонстрировать пути актуализации языковых единиц в речи, обнаруживать текстообразующие потенции составляющих его единиц или выступать в качестве основы для формирования иноязычных коммуникативных навыков. Он предполагает образцовость и нормативность в языковом, речевом и социокультурном планах. Текст воплощает в себе культуру, опредмечивая ее, становясь основной дидактической единицей в культуросообразной парадигме современного языкового образования [3, с. 25]. В условиях дефицита общения с носителями инокультуры использование «культурологически нагруженных» текстов оказывается единственной возможностью создания искусственной языковой социокультурной среды [4, с. 74].

Аутентичный текст выступает не только средством осуществления коммуникации между автором и читателем, но обладает способностью приблизить обучающегося к целевой языковой культуре.

Межкультурная компетенция и коммуникативная компетенция тесно взаимосвязаны, представляя культуру и язык в качестве базовых элементов способности строить отношения с представителями других культур. Межкультурную и коммуникативную компетенцию [1, с. 4] различают, считая, что формирование межкультур-

ной компетенции может осуществляться на родном языке, в то время как развитие межкультурной коммуникативной компетенции требует изучения иностранного языка [2, с. 26; 7, с. 365]. Развитие межкультурной коммуникативной компетенции оказывается естественной частью формирования иноязычной коммуникативной компетенции в целом.

Культурная осведомленность характеризует межкультурную коммуникативную компетенцию обучаемых. Межкультурная коммуникативная компетенция студентов неязыкового вуза тренируется в условиях реальной коммуникации или имитирующих таковую.

Литература

1. Гальскова Н. Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам // Иностр. яз. в шк. 2004. № 1. С. 3–8.
2. Ирисханова К. М. Межкультурная коммуникативная компетенция и учебно-методический комплекс для вузов неязыковых специальностей // Учебно-методический комплекс в системе подготовки по иностранным языкам в неязыковых вузах: теория и практика разработки. М.: Рема, 2007. С. 22–33. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 538; сер. Лингводидактика).
3. Лагунова Н. А. К вопросу об информационных социокультурных ценностях современного аутентичного текста // Текст–2000: теория и практика: междисциплинарные подходы: материалы всерос. науч. конф. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2001. Ч. 1. С. 24–26.
4. Мазунова Л. К. Текст как культурно-языковое пространство и единица обучения иностранному языку и культуре // Вестник Башкир. ун-та, 2001. № 4. С. 70–74.
5. Eslan A., Lorz A. Cultural competence and awareness training. URL: [http: // proyectoideas. Jsi. com](http://proyectoideas.Jsi.com) (дата обращения: 12.12.2014).
6. Fenner A.-B. Cultural awareness and language awareness based on dialogic interaction with texts in foreign language learning. Strasbourg: European Centre for Modern Languages, 2001. 130 p.
7. Gudykunst W., Kim Y. Communicating with strangers: an approach to intercultural communication // Bridges not walls / ed. by J. Stewart. Boston; New-York: McGraw-Hill, 1997. P. 429–442.
8. McCarthy M., Carter R. Language as discourse: perspectives for language teachers. New York: Longman, 1994. 248 p.
9. Tomalin B. Culture – the fifth language skill // Think articles. 2008, 29 Sept. URL: [http: // teachingenglish. org. uk](http://teachingenglish.org.uk) (дата обращения: 12.12.2014).

РАЗДЕЛ 3. ЛЕКСИКОГРАФИЯ SECTION 3. LEXICOGRAPHY

УДК 7/9(450).030=161.1

М. Гарзанити

Опыт лексикографической поддержки описания итальянского и флорентийского культурного наследия на русском языке

Сегодня практически отсутствуют специалисты по переводу в сфере культурного наследия. Медиация в гуманитарной области требует специальных знаний и подготовки. На сегодняшний день подобных центров подготовки нет, а существуют только институты по подготовке гидов, которые в своей работе опираются на практику, не обязательно на специальные знания и инструменты в своей работе. В статье приведено описание опыта итало-русского культурного контакта с точки зрения лингвиста и лексикографа.

Ключевые слова: перевод, культурное наследие, медиация, гуманитарная область, итало-русский культурный контакт, лексикография

Marcello Garzaniti

Lexicographical tools in communication of Italian and Florentine cultural heritage in Russian language

Competent people in cultural heritage communication today is not easy to find. Linguistic mediation in the human sciences requires adequate training and knowledge. Today there is no specialized training at universities or cultural institutions, excluding schools that prepare guides for tourists in which, however, experiential knowledge is disseminated and not necessarily supported by specialized scientific research or tools. An experience of Italian – Russian cultural contact is discussed from the point of view of the linguist and lexicographer.

Keywords: lexicography, linguistic mediation, human sciences, Italian–Russian

In the last few years the presence of many Russian-speaking tourists in Florence and Italy has new questions on linguistic communication. Until recently, those who visited a bookshop in a museum found mainly city and museum guides in English, French, German, as well as, of course, Italian. Today guides are found in other languages too, starting from Russian and Chinese. Recently, for example, during the important exhibition The Spring of Renaissance, Sculpture and the Arts in Florence, 1400–1460 (March 28 to August 18, 2013) at Palazzo Strozzi series of brochures were available in various languages, including Russian (Весна эпохи Возрождения... [3]).

I have been one of the curators of a valuable volume in Italian and Russian dedicated to the exhibition of Russian icons in Florence and paintings by Giotto in Moscow, held

in 2011 on the occasion of Russian Culture Year in Italy and Italian Culture Year in Russia (In Christo... [2]). While coordinating the work of translators and verifying as much as possible the results, I realized how many serious difficulties are encountered today in communicating Italian Cultural Heritage in Russian.

For such work institutions should consult adequately trained people who have gained extensive knowledge in linguistic mediation in the human sciences. Often, however, institutions rely on the work of native speakers who, unfortunately, have not the required skills. However, it is necessary to admit that it is not easy to find competent people in cultural heritage communication today. Today there is no specialized training at universities or cultural institutions, excluding schools that prepare guides for tourists in which, however, experiential knowledge is disseminated and not necessarily supported by adequate scientific research.

In general, translators make use of their experiences; they rely on the tools at their disposal. Even in this particular area they encounter difficulties, due to the absence of specific tools. The translator therefore mostly consults bilingual dictionaries as, for example, the Great Russian Dictionary (ed. Hoepli), the Kovalev, or Russian – Italian, Italian-Russian (ed. Zanichelli). For a quick search online s / he can visit [4] where find matches for the other major European languages (for Italian, reference is made to the New Italian-Russian Dictionary (ed. G. F. Zor'ko) can be found.

In these resources, however, wrong information can be found. Let us make an example. Imagine entering the Duomo in Florence and having to indicate the altar of the church. If we consult these dictionaries, we will find the correspondence between the Italian «altare» and Russian «altar'» (алтарь) (<http://lingvo-online.ru>) which is wrong. In Russian the word does not indicate the table for the sacred rite, but the whole space of the presbytery. To the correct definition, we have to search monolingual dictionaries or encyclopedias which requires too much effort that is often too much for a translator, for reasons of time or because s / he may not have the adequate skills to perform a complex lexicographic research.

Today we mostly find generic dictionaries and encyclopedias which, in addition to their printed form, are available online as, for example [5–6] we will focus on.

These portals provide a range of monolingual dictionaries, but also generic or specialized encyclopedias. In slovari.ru you may consult a number of dictionaries, starting from the classical dictionary of Russian of V. Dal' (1863–1866, 2nd ed. 1880–1882 with over 200,000 words) until the recent Russian Semantic Dictionary, edited by N. Ju. Švedova (1998–2007), interesting for semantic categories related to cultural heritage. This portal has the advantage of enabling simultaneously the search of a single term on all available dictionaries.

The second portal, dic.academic.ru, includes dictionaries and a set of encyclopedias there are also bilingual dictionaries Russian-Italian. In the site yandex.ru we find a useful dictionary of architectural terms (2011, edited by V. I. Plužnikov). Those wishing to

explore the history of words can browse [7] and consult a series of historical dictionaries starting from the Dictionary of the Russian Academy (1789–1794), and some important etymological dictionaries.

We would like to give another example to understand the complexity of translating into Russian. If we consider some medieval paintings that are painted on wooden boards, according to techniques that Vasari called the «Greek way», we should use the Russian term *ikonopis'* (иконопись). If we refer to a Renaissance painting on canvas we have to talk about *zhivopis'* (живопись). These are two different terms; the first is used for the painting of icons whereas the second for the naturalistic painting of western influence. In such cases it may be useful to expand our research by consulting thematic glossaries, such as the section devoted to painting in [8] or the corpora of the Russian language, now available online [9].

Within the Russian encyclopedias we still have to refer to Brokgauz-Efron Encyclopedia (1890–1907, available online at [10] or to the Great Soviet Encyclopedia, available in its latest edition (1969–1978) on the portal yandex.ru. The New Great Russian Encyclopedia (2004–) is not yet completed and it is available only in paper form. Although the old Soviet encyclopedia is still valid it, nevertheless, shows certain limits in specific areas.

These tools are particularly necessary not only to analyze in depth lexical issues, but also to solve a series of problems related to the transcription of proper names. In passing from Latin alphabet to the Cyrillic alphabet you may encounter variations in transcription, although generally the transcription follows the phonetic form and not the graphical one. For example, in some sources we find the family name Masaccio with final «io» (*Mazačcio*, *Мазаччо*). We can see these differences for example between the mentioned encyclopedias and the graphic form proposed by Wikipedia. ru

We are clearly dealing with extremely complex problems that in many cases need in-depth research. A single translator cannot carry out such work. For this reason, we need to develop tools dedicated to translators. To achieve these, though, a complex research analyzing the fundamental issues of the specialized language of cultural heritage is highly necessary. Today such work is absolutely essential when emphasis is not only put on cultural heritage communication itself but also on its preservation. For these reasons, we believe our research project Multilingual Lexicon for Cultural Heritage is important to be developed here in Florence with the collaboration of colleagues from other Italian and foreign universities [see 1]. For Russian part, we hope in the collaboration with lexicographers from that country.

References

1. Garzaniti M., Farina A. Un portale per la comunicazione e la divulgazione del patrimonio cultural: progettare un lessico multilingue dei beni culturali on-line // Strategie e Programmazione della Conservazione e Transmissibilità del Patrimonio Culturale / ed. by A. Filipovic, W. Troiano. Roma: Edizioni scientifiche Fidei Signa, 2013. P. 500–509.

2. In Christo: uno scambio di capolavori dell'arte e della fede fra Russia e Italia: Giotto e il politico di santa Reparata ala Galleria Tretyakov di Mosca: Rublèv, Dionisij e l'Odighitria di Pskov nel Battistero di Firenze, 19 dicembre 2011 – 19 marzo 2012. Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana, 2011.

3. Весна эпохи Возрождения: скульптура и искусство Флоренции, 1400–1460-е гг., Флоренция, Палаццо Строцци, 23 мар. – 18 авг. 2013 г.: буклет: на рус. яз. URL: <http://palazzostrozzi.org> (дата обращения: 12.12.2014).

4. АBBYY Lingvo: электрон. слов. URL: <http://lingvo.ru> (дата обращения: 12.12.2014).

5. Словари. ру. URL: <http://slovari.ru> (дата обращения: 12.12.2014).

6. Словари и энциклопедии на академике. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 12.12.2014).

7. Этимология и история слов русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. URL: <http://etymology.ruslang.ru> (дата обращения: 12.12.2014).

8. Глоссарий. ру. URL: <http://glossary.ru> (дата обращения: 12.12.2014).

9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.12.2014).

10. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. URL: <http://vehi.net> (дата обращения: 12.12.2014).

Е. С. Петрова

**Культурологическая лексикография
и кодификация «европейского английского»**

Так называемый «европейский английский» является специфическим социальным надэтническим диалектом современного английского языка. Кодификация этой разновидности языка в области грамматики, лексики и орфографии, проводимая Службой переводов Евросоюза, ориентирована на обеспечение эффективной межкультурной коммуникации. Принципы «европейского английского» релевантны для публикаций в области культурологической лексикографии и способствуют формированию архетипической и социально-психологической категории «свой круг».

Ключевые слова: европейский английский, кодификация, этноцентризм, культурологическая лексикография, категория свой круг

Elena S. Petrova

Cultural lexicography and codification of «European English»

The variety of present-day English described as European English is a specific supraethnic social dialect. Its grammatical, lexical and orthographic codification, aimed at effective intercultural communication, is supervised by the EU's Directorate-General for Translation. The underlying principles of European English are relevant to publications on cultural lexicography instrumental in forming the archetypical psychosocial category known as «own circle».

Keywords: European English, codification, ethnocentrism, cultural lexicography, own circle category

«Европейский английский»: фантом или реальность?

В настоящее время общепризнанным является тот факт, что в области международных контактов, особенно в деловой сфере, английский язык является *lingua franca* и при этом постоянно расширяет свою сферу за счет развития электронных средств связи. Принято считать, что превращение какого-либо языка в *lingua franca* обусловлено в первую очередь ролью стран(ы) этого языка на международной арене. Однако рискнем предположить, что английский язык обладает и рядом собственно лингвистических особенностей, которые делают его удобным инструментом международного общения. Это в первую очередь два фактора, грамматический и лексический, которые облегчают кодирование, декодирование и передачу сообщения. Грамматический строй английского языка отличается практически полным отсутствием падежной парадигмы, минимальная парадигма спряжения глагола, прозрачная морфология и фиксированный порядок слов [11]. Для словарного состава английского языка характерны значительные пласты лексики латинского, греческого и общегерманского происхождения, об-

легчающие декодирование сообщения в контексте европейского сообщества, а также большие количества коротких слов и узуальных аббревиатур, делающих сообщение компактным, удобным для передачи по электронным каналам связи.

Вместе с тем в последнее десятилетие все чаще ставится вопрос не столько об американском, британском и иных национально-территориальных вариантах английского, сколько об особой его разновидности, получившей название «европейский английский». То, что термин «европейский английский» нередко заключается в кавычки, указывает на некоторую его размытость. Наряду с ним в литературе бытуют более широкий термин «международный английский» и отражающий фрагментацию английского термин «глобальные английские языки», но рассмотрение их выходит за рамки данной статьи.

Статус «европейского английского» остается неопределенным, а его конкретные лингвистические черты находятся в процессе становления и нуждаются в дальнейшей кодификации, которая призвана обеспечить однозначную, бесперебойную воспринимаемость англоязычных сообщений представителями разных национально-языковых сообществ. Дело осложняется тем, что среди лингвистов пока нет единодушия в трактовке самого термина «европейский английский», на что указывает заключение данного термина в кавычки. Профессиональное переводческое сообщество едва ли может принять точку зрения тех авторов, которые приравнивают к «европейскому английскому» стиль речи, пренебрегающий элементарными правилами грамматики [17], даже если такой подход продиктован доброжелательным отношением к тем пользователям языка, для которых английский не является родным. Д. Кристал, в свою очередь, кратко характеризует «европейский английский» как ту разновидность английского, которую можно услышать в коридорах власти Европейского сообщества и увидеть в официальных публикациях Евросоюза [14, с. 113, 438]. Хотя такое определение не раскрывает сути данной разновидности языка, оно позволяет заключить, что «европейский английский» – это в основе своей язык институциональный и, следовательно, ограниченный официальным регистром речи. Он отражает и формирует социальную реальность Европейского сообщества и в этом смысле его роль трудно переоценить. Категория официальности – неофициальности, как указывает М. Бугайски, осознавалась уже Аристотелем, который, как известно, выделял два полюса произношения: возвышенное и низкое, а между ними ставил, говоря сегодняшним языком, немаркированное «среднее» произношение. Категория официальности – неофициальности лежит преимущественно в области социолингвистики, поскольку она характеризует и одновременно детерминирует социальную ситуацию [1, с. 172–173]. Таким образом, высказывание официального регистра можно предварительно охарактеризовать как высказывание, обработанное с учетом кодифицированной нормы, требующее от говорящего значительной коммуникативно-языковой компетенции и когнитивных усилий.

Кодификация «европейского английского»

Кодификацией «европейского английского» занимается Генеральная дирекция службы письменного перевода. Результатом этой работы является руководство «English Style Guide: A handbook for authors and translators in the European Commission» (далее – ESG), которое существует с 1982 г. [16]. Как мы отмечали в одной из предыдущих работ [9], это «живое» издание, которое развивается в режиме online и постоянно дополняется и уточняется усилиями его создателей, штатных сотрудников службы письменного перевода. Благодаря этому данное руководство является ценным и всегда современным источником языковых сведений. Обращение к нему позволяет выявить собственно лингвистические признаки «европейского английского» и языковую политику Евросоюза в области использования английского языка на международной арене.

В результате кодификации «европейского английского» в сфере использования английского языка образуется специфическая разновидность диглосии. С одной стороны, говорящие, опираясь на литературную традицию и коммуникативный опыт, сохраняют усвоенную ранее общую кодифицированную норму (без нее невозможно овладение институциональной нормой), которая выкристаллизовывается в процессе естественного функционирования языка, а с другой стороны, овладевают той разновидностью нормы, которая

- не предполагает непосредственной опоры на литературную традицию,
- ограничена официальным регистром речи,
- обслуживает институциональную область межнациональных и межэтнических контактов,
- свободна от этноцентризма,
- закрепляется оперативно в ходе осознания кодификаторами потребностей межкультурной коммуникации и зон коммуникативного и языкового дискомфорта [см.: 10, с. 158–159].

Любая нормализаторская деятельность сводится, в конечном счете, к подавлению языковой вариативности. Тем не менее, ESG признает отдельные участки орфографической и грамматической вариативности. К ним относится свободное варьирование написания отдельных топонимов (Tschernobyl – Tchernobyl – Chernobyl), посессивной формы имен с исходом на -s (правда, только для античных и библейских имен: Moses' – Moses's, Socrates' – Socrates's), отдельных плюральных форм: forum – forums / fora, referendum – referendums / referenda, symposium – symposiums / symposia и некоторых других. Для передачи имен собственных (в первую очередь топонимов), отражающих реалии тех стран, где используется письменность, отличная от латиницы, предлагается использовать форму, сочетающую элементы транскрипции и транслитерации; при этом в целях надежности передачи информации допускается дублирование за счет добавле-

ния в скобках традиционного варианта, например: Beijing (Peking), Guangzhou (Canton), Nanjing (Nanking), Xinjiang (Sinkiang) [16].

Учитывая общую стратегию ESG, можно предположить, что в ближайшие годы варьирование на этих участках также будет снято за счет отбора унифицированных вариантов. Отбор, насколько можно судить, производится с опорой на частотность конкретных форм в интернет-публикациях. В целом исследователи имплицитно сходятся в том, что «европейский английский» – это та функциональная разновидность английского языка, которая может порождаться в равной степени носителями и не-носителями английского языка и отвечает потребностям межкультурного и межэтнического общения, как не связанного, так и связанного с переводом.

Европейская культурологическая лексикография и социально-психологическая категория «свой круг»

Как отмечает О. Н. Иванищева, термин культурологический или лингвокультурологический словарь (в зарубежной традиции – cultural dictionary) может пониматься достаточно широко, хотя единства в его понимании до сих пор нет. Под словарем культуры может пониматься и энциклопедический, и страноведческий словарь [2, с. 22–23]. Наглядным примером лексикографической разработки проблем культурного наследия служат опубликованные труды Л. А. Девель по культурологической учебной лексикографии [например, 15] и собственно словари культурного наследия. Особо следует отметить большой вклад в культурологическую лексикографию проф. О. М. Карповой и ее соавторов [4, 18]. Для тех европейских организаций и отдельных исследователей, которые занимаются изучением и англоязычным документированием памятников культурного наследия, именно «европейский английский» призван стать рабочим языком.

Социальную роль культурологического словаря трудно переоценить. Останемся лишь на одном из аспектов этой роли, а именно, на социальной категории базового уровня «свой круг». Эта категория выводится из архетипического противопоставления «свое» – «чужое», которое носит аксиологический, то есть ценностный характер [5, с. 196]. Исследователи указывают, что дискурсивные приемы формирования семантики «своего круга» весьма разнообразны. В самом общем виде было предложено выделить две тактики: обозначение «чужих» и обозначение «своих» [3, с. 202]. Само появление публикаций, посвященных вопросам культурного наследия, способствует формированию и консолидации «своего круга», не разделенного профессиональными, этническими, образовательными и (естественно, в разумных пределах) возрастными барьерами. Характерно, что рассматриваемые издания ориентированы исключительно на вторую из указанных выше тактик, поскольку имплицитно обозначают «своих», апеллируя к реципиентам с аналогичными увлечениями, ко всем тем, кому небезразличны вопросы европейской и мировой культуры и ее сохранения. Эти издания

создают или укрепляют у пользователя ощущение принадлежности к «своему кругу», объединенному общими интересами и ценностями. Разумеется, для выполнения этой миссии в международном масштабе такие публикации целесообразно создавать с учетом нормативных требований, которые на данном этапе сформулированы для «европейского английского», лишенного этноцентризма, приверженного идеям эгалитарности и равно убедительного для представителей международной целевой аудитории.

С нашей точки зрения, свобода от эгоцентризма проявляется, в частности, в том, что за авторами и переводчиками, не являющимися носителями английского языка как родного, признается такое же право порождения социально значимых текстов на английском языке, как и за гражданами англоязычных стран. В теории и практике перевода не раз ставился вопрос о направленности перевода. Сегодня анахронизмом звучат заявления о том, что: «...переводить на иностранный язык нельзя... Нельзя потому, что иностранец не может постичь всех тонкостей сочетаемости и стилистических нюансов чужого языка» [6, с. 124]. Между тем в течение десятилетий требование перевода только на родной язык переводчика базировалось на документально закрепленных правилах ряда национальных и международных организаций, которые занимаются не только и не столько текстами художественной литературы. Так, «Кодекс профессиональной этики Гильдии переводчиков Великобритании» гласит: «A translator shall work only into the language... of which he has native knowledge» [цит. по: 12, с. 65]. Однако в настоящее время такая позиция вызывает обоснованные возражения, а сама идея о том, что качественный перевод возможен только на родной язык (L-1), причисляется отечественными и зарубежными исследователями к скрытым предрассудкам переводоведения [8, 13, 19 и др.].

Генеральная дирекция службы письменного перевода Евросоюза никак не оговаривает необходимость перевода исключительно на L-1. Предусматривается лишь определенный уровень профессиональной компетенции, который должен быть подкреплен университетским дипломом, специальным переводческим образованием и минимум двухгодичным опытом работы. Более того, для ревизионных корректоров (revisers) и рецензентов-редакторов (reviewers) также не оговаривается необходимость быть носителями переводящего языка. Это наглядно свидетельствует о том, что на международном уровне произошел позитивный сдвиг в оценочном отношении к переводу на неродной язык.

«Европейский английский», кодификаторы которого стремятся к преодолению этноцентризма, как нельзя лучше приспособлен для обслуживания сферы культурологической лексикографии. Интересно, что особый раздел справочника ESG предостерегает авторов и переводчиков от так называемых ложных друзей переводчика, способных, с нашей точки зрения, нарушить взаимопонимание членов «своего круга». Например, для пары языков французский – английский в числе

ложных друзей переводчика составителями ESG выделены, в числе прочих, следующие, достаточно частотные в сфере культурных контактов [16] представлены в таблице:

Французский язык	«Ложные друзья переводчика» в английском языке и их значения	Адекватное соответствие
actuel 'актуальный'	actual 'фактический, реальный'	current, topical
assister à 'участвовать'	assist 'помогать'	attend, participate in
attribuer 'назначать, распределять'	attribute to = объяснять чем-либо, приписывать кому / чему-либо, относить к	allocate to, assign to
délai 'срок завершения'	a delay 'отсрочка, задержка'	deadline, time limit
elaborer 'намечать, развивать, производить'	to elaborate 'детально разрабатывать'	draft, develop, produce
eventuel 'любой'	eventual – 'конечный, окончательный'	any

Внимание к этим и подобным парам слов не только способствует точности и однозначности выражения, а следовательно, и надежности передачи информации, но и позволяет избежать нежелательного проявления этничности говорящего или пишущего в дискурсе, ориентированном на явления, события и ценности общеевропейского и, шире, общечеловеческого масштаба. Однако для этого говорящий / пишущий с необходимостью должен применять правила и ресурсы «европейского английского».

Кодификаторы «европейского английского» также уделяют существенное внимание вопросам гендерной лингвистики. При передаче акциональных смыслов переводчикам и авторам на данном этапе рекомендуется даже не использовать гендерно-нейтральные местоимения и местоименные группы [7], а переформулировать включающие высказывания таким образом, чтобы избежать гендерных местоимений, полностью заменяя их существительными. Например, высказывания типа *The contractor has announced his decision; Any inaccuracies found in a producer's file will disqualify him or her* рекомендуется заменять, соответственно, такими структурами как *The contractor has announced its decision* (в случае институциональной отнесенности antecedenta) и *Any inaccuracies in a producer's file will disqualify the / that producer* (в случае личной отнесенности antecedenta) [16].

Заключение

«Европейский английский» является социальным надэтническим диалектом современного английского языка, сформировавшимся в последние десятилетия. Его функционирование, ограниченное рамками официального регистра институционального общения, отвечает принципам, установкам и положениям языковой политики Евросоюза. Кодификация «европейского английского» – это непрерывный, социально значимый процесс, который ведется в онлайн-режиме и чутко реагирует на потребности европейского сообщества, в частности, в сфере культурных контактов. Культурологическая лексикография, не составляющая, естественно, исключительную прерогативу стран, входящих в Евросоюз, способствует формированию и укреплению социально-психологической категории «свой круг». Для эффективного поддержания и развития данного типа «своего круга» отправителю сообщения целесообразно ориентироваться на лингвистические параметры «европейского английского», который призван служить инструментом эффективного, равноправного общения, свободного от каких-либо проявлений дискриминации и этноцентризма.

Литература

1. Бугайски М. Язык коммуникации. Харьков: Гуманит. центр, 2010. 543 с.
2. Иванищева О. Н. Лексикографирование культуры. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 133 с.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2002. 284 с.
4. Карпова О. М. Словари культурного наследия: проект словаря «Florence in the works of world famous people» // Вестник Воронеж. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 150–155.
5. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. М.: Флинта, 2013. 224 с.
6. Мирам Г. Э. Профессия: переводчик. М.: Эльга: Ника-Центр, 2006. 160 с.
7. Петрова Е. С. Концепт 3-го лица и прагматическая прономинализация // Диалектика текста: в 2 т. / отв. ред. А. И. Варшавская. СПб., 1999. Т. 1 С. 166–179.
8. Петрова Е. С. Перевод на английский язык: прикл. и теор. аспекты // Университетское переводоведение / отв. ред. В. И. Шадрин. СПб., 2005. Вып. 6. С. 271–278.
9. Петрова Е. С. Политика Евросоюза в области перевода на английский язык и аспекты грамматической вариативности // Англистика XXI в.: материалы V всерос. науч. конф. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010. С. 292–297.
10. Рефлексия и рефлексивность: грамматика и прагматика английских рефлексивов // Перцепция, рефлексия, язык / отв. ред. Е. Г. Хомякова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010. С. 144–162.
11. Петрова Е. С. Очерки сопоставительной типологии английского и русского языков: грамматическая норма и варианты. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 417 с.

12. Baker M. In other words: a coursebook on translation. 2nd ed. Routledge, 2011. 332 p.
13. Campbell S. Translation into the second language. New York: Longman, 1998. 208 p.
14. Crystal D. The Cambridge encyclopedia of the English language. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001. 489 p.
15. Devel L. Saint Petersburg heritage Russian learner's dictionary as supporting tool for ICOMOS // Heritage lexicography as supporting tool for international council for monuments and sites (ICOMOS): proceedings of the international workshop, Florence, July 21–23, 2014. Florence; Ivanovo: Ivanovo State Univ., 2014. P. 12–17.
16. European commission directorate-general for translation. English style guide: a handbook for authors and translators in the European Commission. URL: <http://twirpx.com> (дата обращения: 12.12.2014).
17. Jenkins J., Seidlhofer B. Be proud of your lingua Franca // Guardian Unlimited. 2001. April 19. URL: <https://nesicha.wordpress.com> (дата обращения: 12.12.2014).
18. Karpova O. M., Gorbunov M. V. Cultural values in a learner's dictionary: in search of a model // eLexicography in the 21st century: new challenges, new applications: proceedings of eLex 2009, Louvain-la-Neuve, 2009, Oct. 22–24 / ed. by S. Granger, M. Paquot. Louvain-la-Neuve: UCL Press Universitaires de Louvain, 2010. P. 149–157.
19. Petrova E. S. Russian-to-English translation: a method, a course, a career // SPELTA Newsletter. Saint Petersburg, 2006. № 30. P. 13–14.

Д. Тампоне

Тематический словарь архитектурной консервации

Итальянский толковый общий словарь реставрационных терминов явился первым в своем роде. В нем приводятся описание теоретической базы, основных тематических групп, главных критериев отбора словарных единиц, а также ключевые термины архитектурной консервации, реставрации, структурного укрепления, усиления материалов.

Ключевые слова: лексикография, архитектурная консервация, реставрация, структурное укрепление, усиление материала, тематический словарь

Gennaro Tampone

Thematic dictionary of architectural conservation

In the paper the author reports on the publication of a first general dictionary on the preservation of the cultural goods and of his personal experience as responsible of the Section dealing with Decay and consolidation of the building materials, Failure and strengthening of the structures. Indications for the extension and translation into other languages of the work are given. The research concerning the assessment of the thesaurus of the terms, in this case of operational kind, on architectural conservation, needs to be extended to the words that are not to be usually found in common dictionaries but are anyway related to the main subject, namely those concerning conservation theories, survey, decay of the materials, failures of the structures. The theories of conservation with their developments as well the modern trends are to be recorded together with their authors and the official acts that deal with them. Special attention should be devoted to the values carried by the monuments and their load bearing structures (made of stone, masonry, steel, timber. . .) reporting the related terms. Some ambiguous terms as «restauro» (restoration, restauration, Restaurierung) need explanation and collocation in their linguistic context. Fundamental groups of entries in a specialized dictionary of this kind are those related to the failures of the structures of various materials and to the lesions of the members in the actual condition as well repair and strengthening technology, techniques, tools; furthermore the suitable materials to be used, the materials available today. The most technical recurrent terms are application of additional devices (bars, plaques, centrings, prosthesis, cooperating slabs); diaphragms, poles, micro-poles, injections, underpinning. Some essential terms of doctrinal significance are Compatibility, Adjustability, Reversibility, Improvement of the condition of a structure, Futile care as well Criterion of the minimal intervention, Recovery of the residual strength of a structural member. The lexicography of the current practice of the architectural conservation should include the terms related to the safety of the building, vulnerability of a monument for instance, and safety of the operators on the worksite as hazard, professional risk, accident, safety measures.

Keywords: lexicography, architectural conservation, survey, failure, structural strengthening, consolidation of materials

Introduction

The publication of a first general dictionary on the restoration of the cultural goods issued in Italian language in Florence and carried out by several Experts (the author of the present paper has been responsible and writer of the Section on Decay and consolidation of the building materials, Failure and strengthening of the structures) filled up a gap in the literature on the subject [1–10].

Here are described the criteria followed in the preparation of the cited Section of this new lexicographic work with considerations about the results. In addition are reported some fundamental terms of the architectural conservation.

General criteria

When building up the first dictionary in a specific domain, certainly the main concern as well the core of the scientific activity is the research into the lexicon of the terms related to specific headings. But when a treasure of entries has been built up the authors become aware of the necessity of getting more upstream in the process, aiming at a wider and more specific definition of the object of study. One has to record all the terms that are pertinent but generally not included in other dictionaries.

A dictionary general of the conservation should contain the entries concerned with all the categories of the cultural goods, especially material, with special reference to the architectural ones, i. e. the built heritage (*patrimonio architettonico*), that, in a certain way, act as a paradigm. In fact, for the ample range of their components and the variety of the constituting materials, they include a large amount of the others.

The theoretical approach

The conservation theories and the achievement of the practice should be recorded; the leading terms in this sector are Authenticity, Integrity; besides Conservation, in antithesis with the term Restoration when the latter means reconstruction imitating the disappeared work; Architectural Conservation (*Conservazione architettonica*), Integrated conservation (a concept introduced by the Amsterdam declaration, 1975; *Conservazione reintegrativa*), Tutelage, Preservation (*Tutela*), reclamation, rescue (*Recupero*). The consideration of the contour conditions are defined by terms such as setting, urban, rural, industrial setting. Site; natural site, site transformed by man, social context.

Nevertheless the extension of the philosophy of the general conservation with the related theories to the practice of the interventions on the architectural monuments (Monument, Historic building, Landmark (am.), Vernacular architecture), that mainly concern the treatment of materials or the repair of the load bearing structural systems, is not immediate and automatic. First of all it is necessary to classify the components of a structure in members (*membrature*) with their resistant section (*sezione resistente*),

structural units, structural systems, connections or joints (unità strutturali, sistemi strutturali, collegamenti). Fundamental is the Bearing capacity (Capacità portante).

The Conservation methodology also demands for Technical criteria and Operational criteria. In order to understand this assumption, one should recall the slow course of the apprentice of the process of stone decay, lasted from the 19th up to the Eighties of the last century, and to the finalization of appropriate consolidation methodologies and products for the stone artifacts. Similarly, it is to be pointed out that up to the 18th c. the operations of removing a damaged column in a building after adequate propping and the putting in place a new one, i. e. the «replacement» of a worn fundamental member, the realization of substructures (timber poles driven in the soil, for instance) in case of soil settlement, the strengthening of a cracked wall carried out dismantling the damaged parts and rebuilding them, were considered the essence of the restoration (see for instance [16]).

At the beginning of the modern positions of the scientific approach of the discipline, in the conservation of very significant buildings of the past, the problem of the preservation of their load bearing structural system was not perceived at all as can be deduced, for instance, reading the Athens Charter on restoration (1931). In the fundamental document prevail some concepts as utilitarian role of the structure, that was considered just a functional part of the building, and the only concern for its efficiency in order to ensure the stability of the building. This approach was the consequence of the conviction that the ancient structures can be totally replaced if necessary or restored just changing the worn members with new ones no matter if of different material and technology, as steel or reinforced concrete, on condition that they are concealed so as not to spoil the artistic look of the building.

The technology

The modern theories elaborated by G. Giovannoni, C. Brandi, Piero Sanpaolesi and other eminent Authors were not directly applicable because at their times it was not yet available a technology (materials and techniques) suitable to achieve the abstract assumptions. Actually the setting of a philosophy of structural conservation containing principles of correct approach to the problem is just a recent achievement . The elaboration of technical criteria for their fulfillment, i. e. the setting up of an adequate technology, based partly on the adaptation of the current building techniques and materials and partly on the invention of new ones for specific purposes, came only later as a natural consequence. It was then understandable that the practice of replacement is not a general solution to the complex problem of strengthening a structural system. Some fundamental related terms are Criterion of the minimal intervention (Criterio del minimo intervento), Recovery of the residual strength of a structural member (Recupero delle resistenze residue di una membratura strutturale), Carrying out the strengthening of a structure without dismantling it and operating in place (Esecuzione di consolidam-

enti operando in sito senza effettuare smontaggi), Compatibility, Adjustability, Reversibility (Compatibilità, Reversibilità, Regolabilità). Futile care (Accanimento terapeutico). Repair (Riparazione), Strengthening (Consolidamento strutturale), Improvement of the condition of a structure (Miglioramento strutturale). The most recurrent terms are application of additional devices (bars, plaques, centerings, prosthesis, cooperating slabs; diaphragms, poles, micropoles, injections, underpinning (applicazione di dispositivi addizionali quali barre, lamine, centine, protesi, solette collaboranti; diaframmi, micropali, iniezioni, sottofondazioni) .

Amongst the tools a particular importance is to be attributed to drills and saws specifying the various kind available for specific uses, f. i. chain saw (sega a catena).

Today we preferably recommend and operate routine maintenance of the building and repair of the ancient structural members, of the connections and constraints, in order to conserve the authenticity of the building as well to avoid irreversible damage as decay and failure. At the same time, the functionality of the structure in a condition of safety (see further) is ensured.

It ought to be said that in a few extreme instances, due to the severe condition of the building, the strengthening of the load bearing structure is the only operational possibility for the conservator.

The values

One is forced to include in a general dictionary, in spite of some contradictory condition towards the rigorous theories that demand for the conservation of both the values of the monuments (artistic, historic, scientific, technical value) and their objective materiality, terms as replacement of the parent materials, reinforcement, retrofitting (sostituzione del materiale originario, rafforzamento, adeguamento) and similar because the operations they define were, and unfortunately they still are, extensively used even if not strictly necessary. The terms exceptional, outstanding value refer to the requisites for the insertion of a monument in the UNESCO's list.

The didactic value of the conservation activity demands for a specific phraseology such as Dialectic relations between the failure manifestations (the lesions) and the strengthening devices, (Relazione dialettica tra le manifestazioni del dissesto (le lesioni) e i dispositivi di consolidamento).

The failure

A very important term is bond (apparecchio), the way of putting in place, placing (messa in opera) in mutual connection the elements of a structural member; building process as well. Anyway in the Section treating the decay each entry concerning this subject puts forward the necessity of specifying the terms of the most recurrent building materials due to the peculiar ways of decaying depending on the characteristics of each material and structural systems, including as well entries

relative to the causes of degradation and the peculiar decay of wood, iron and steel, plaster, concrete, that often are neglected even in the specialized lexicons. In the failures of the structural systems those related to the masonry, without forgetting the timber and metallic structures, need special mention and explanation. Some essential terms are Lesions of the Members as permanent deformations, ruptures, cracks, displacements, Failures of the structural units and failures of the systems, Survey of the failures, Assessment of the frame of the cracks; Loading history, course of the failures, actual, present condition of the structure. Active or no longer active failure. Anamnesis of the structure; (Lesioni delle membrature come deformazioni permanenti, rotture, spostamenti. Dissesti delle unità strutturali, dissesti dei sistemi strutturali, Rilevazione delle lesioni e dei dissesti, Rilevazione del quadro fessurativo; storia dei carichi, decorso dei dissesti, condizioni effettive della struttura, condizioni presenti; Dissesto attivo o in quiete, Anamnesi della struttura)

Modern technology

The entries on structural repair require first the mention of the structural configuration or structural scheme, of the actions (Static, Dynamic actions; permanent loads, incidental or live loads; loading history; condition of a structure) exerted on a structural system and the explication of failures as well of other series of terms, related to the relevant characteristics of the building materials used in a given structural system.

The entries concerning the modern so called smart materials (Fibre Reinforced Polymers, Special and Stainless steels, Titanium alloys etc.) and their application in conservation should be included.

Special attention is to be paid to pre- and post- tensioning with active strengthening devices (pre- e post- tensionamento con dispositivi attivi di consolidamento) that are at the base of the modern views on strengthening interventions, as well as adjustment (regolazione).

Survey

The terms related to survey and investigations and analyses need special attention and extension due to the great importance assumed by this field in present days. The leading terms are Investigation yard, (Cantiere di studio), Documental and historic research, architectural survey (Ricerche documentarie e storiche, rilievo architettonico), Analysis (Analisi), Soundings (Prova, Sondaggi), Test, trial, loading test, (Prova, Prova di carico), Core sampling (Carotaggio), Probe (Sonda), Sampling (Raccolta di campioni, Campionamento) Grading (Determinazione delle caratteristiche fisiche e meccaniche, del legno, per es.). The final aim is the diagnosis which implies the consideration of all the data that have been collected and their critical evaluation; it allows to express a judgment on the actual condition of a structure (see before).

Trends

The principles of conservation of artifacts and structures and criteria for intervention need to be recorded with a large number of specific terms. Through these entries also the main events of the history of the strengthening techniques can receive appropriate extensive documentation as well the modern trends in conservation as, for instance, permanent propping of the structurally damaged buildings, timber to timber and others.

It is also necessary to include obsolete terms to allow the understanding of ancient texts.

A dictionary that intends also highlight the history of conservation and recognize the importance of the assumption that every restoration intervention is a different case should bring to the inclusion of a few case histories. These should be chosen amongst the examples on which the judgment concerning the legitimacy, positive or negative, has already been largely discussed and recognized. But, how to avoid reporting on a few recent successful and innovative cases as the restoration work of the Pisa Leaning Tower, probably the most important strengthening work of the past millennia? In the last cases it is necessary to limit the explanations reporting only the objective data leaving the judgment pending.

Safety

In the consideration of the fundamental, ethic importance that was assumed by the fitness for use of a building as well by the prevention of accidents in the worksite and, consequently, by the measures to plan in order to ensure fitness and safety, this theme needs extensive treatment. Architectural barriers, hazard, accident, occupational risk, assessment of the risks, Safety in the conservation worksite, safety plans, assessment of the risks, Insurance. Vulnerability (to earthquakes, to floods, for instance). (Barriere architettoniche, pericolo, incidente, rischio professionale, Sicurezza sul luogo di lavoro, piani di sicurezza, determinazione dei rischi, Assicurazione. Vulnerabilità, ai terremoti, alle alluvioni, per esempio)

Sources

The sources for the dictionary should be the available literature on the specific subjects, i. e. the scientific and technical literature, the current use of words and phrases in the plans or reports on the works, the worksite language but selecting the most appropriate expressions. Furthermore the complex of laws and norms regarding the matter in every country and the international documents on conservation, particularly the «Charters» (see references 11–26).

Conclusions

As final consideration, it should be noted that also a dictionary, that collects and records the meanings of the words, is not exempt, in the choice of the entries and in the explanation of their meanings, from personal theoretical and practical orientation of the author or of the school to which he belongs.

References

1. Gurrieri F. *Dizionario Generale del Restauro*. Firenze: Mandragora, 2013. 296 s.
2. Tampone G., Funis F. Section: Degrado dei materiali – dissesto delle strutture – opere provvisoriale – consolidamento // *Dizionario Generale del Restauro*. Firenze: Mandragora, 2013. 296 s.
3. Dezzi B. M. The discriminating value of authenticity in the debate on restoration // *Values and criteria in heritage conservation: proceedings of the international conference of ICOMOS, ICCROM and Fondazione R. del Bianco, 2–4 March 2007, Florence*. Firenze: Edizioni Polistampa, 2008. P. 195–198.
4. Macchi G. Authenticity of structural conception // *Values and criteria in heritage conservation: proceedings of the international conference of ICOMOS, ICCROM and Fondazione R. del Bianco, 2–4 March 2007, Florence*. Firenze: Edizioni Polistampa, 2008. P. 215–224.
5. Giovannoni G. *Il restauro dei monumenti*. Roma: Cremonese, 1945. 94 p.
6. *Teoria del restauro* / C. Brandi, L. Vlad Borrelli, J. Raspi Serra, G. Urbani. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1963. 158 p.
7. Sanpaolesi P. *Discorso sulla metodologia generale del restauro dei monumenti*. Firenze: Edam, 1973. 451 p.
8. Gurrieri F. *Dal restauro del monumento al restauro del territorio*. Firenze: Sansoni Studio, 1983. 391 p.
9. Mainstone R. *Developments in structural form*. Cambridge: M. I. T. Press, 1975. 350 p.
10. Tampone G., Croci G. *Rappresentazione delle lesioni negli edifici monumentali*. URL: <http://domesintheworld.com> (дата обращения: 12.12.2014).
11. Tampone G. *Riparazione, consolidamento e conservazione dei sistemi strutturali lignei antichi* // *Manuale del Geometra e del Laureato Junior: guida pratica all'esercizio della professione per le costruzioni civili* / P. Rocchi, A. Di Muzio. Bologna: Proctor Edizioni, 2009. 2049 p.
12. Tampone G. *Evoluzione dei criteri di consolidamento dei monumenti di carattere archeologico* // *Archeologia, città, paesaggio: proceedings of a conference, Naples and Paestum, 2005*. Napoli: Arte Tipografica Editrice, 2007. P. 125–135.
13. Tampone G. *Semiological values of consolidation works in monumental buildings* // *Values and criteria in heritage conservation: proceedings of the international conference of*

ICOMOS, ICCROM, Fondazione Romualdo Del Bianco, 2–4 March 2007, Florence. Firenze: Edizioni Polistampa, 2008. P. 273–286.

14. Mastrodicasa S. Dissesti statici delle strutture edilizie: diagnosi e consolidamento. Milano: Hoepli, 1948. 511 p.

15. Tampone G. Istanze ideologiche e innovazione tecnologica nella conservazione delle strutture di legno // *Metodi tradizionali ed innovativi per il restauro strutturale*. Napoli: E. S. I., 2002. P. 204–205.

16. Masi G. Teoria e pratica di architettura civile per istruzione della gioventù specialmente romana. Roma: A. Fulgoni, 1788. 270 p.

17. Castelli, e Ponti di maestro Nicola Zabaglia con alcune ingegnose pratiche, e con la descrizione del trasporto dell'Obelisco Vaticano, e di altri del Cavaliere Domenico Fontana. Roma: Nella stamperia di Niccolo e Marco Pagliarini mercanti librari e stampatori a Pasquino, 1743. 21 p.

18. Croci G. La presollecitazione nel consolidamento delle costruzioni. Venezia, 1977.

19. Diamanti L. Pali trivellati di piccolo diametro // *Atti del XIV Convegno Nazionale di Geotecnica*, Florence, 28–31 Oktober 1980. Roma, 1980. P. 153–162.

20. Trattato sul consolidamento / dir. scientifico Paolo Rocchi. Roma: Mancosu editore, 2003. Vol. 1.

21. Tampone G. La sicurezza nei cantieri di restauro architettonico // *Bollettino Ingegneri*. 2008. № 10. P. 22–24.

22. Tampone G. Safety in the conservation workplace // *ICOMOS 18th General Assembly and Scientific Symposium «Heritage and Landscape as Human Value»*, 9–14 November 2014, Florence. URL: <http://icomos.org> (дата обращения: 12,12,2014).

23. Gurrieri F. Restauro e conservazione: carte del restauro, norme, convenzioni e mozioni sul patrimonio architettonico ed artistico. Firenze: Polistampa, 1992. 210 p.

24. Linee Guida per la valutazione e riduzione del rischio sismico del patrimonio culturale: Allineamento alle nuove Norme tecniche per le costruzioni: circolare № 26, 2 dicembre 2010 / Ministero per i beni e le attività culturali, Segretariato generale. Roma: Gangemi, 2010. 431 p.

С. А. Хватов

**Лингвокультурологические проблемы межкультурной коммуникации
и двуязычный словарь**

Словарная (понятийная) эквивалентность не всегда обеспечивает эквивалентность коммуникативную (смысловую), которая невозможна без учета национальной и культурной специфики. В этом плане представляет интерес рассмотрение ряда польско-русских лексических параллелей (*publiczny* – публичный, *ołtarz* – алтарь, *uczeń* – ученик и др.) в лексикографическом и функциональном аспектах.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, словарная эквивалентность, коммуникативная эквивалентность, лексические параллели, интернациональная лексика, двуязычный словарь

Sergey A. Khvatov

**Linguistic and cultural problems in intercultural communication
and bilingual dictionary**

The lexicographic (conceptual) equivalence does not always ensure the communicative (semantic) equivalence, which is impossible without taking into account national and cultural specificity. In this regard, it is interesting to consider some Polish – Russian lexical parallels (*publiczny* – публичный, *ołtarz* – алтарь, *uczeń* – ученик etc.) in lexicographic and functional aspects.

Keywords: intercultural communication, lexicographic equivalence, communicative equivalence, lexical parallels, international words

Из многих определений человеческой коммуникации своей образностью привлекает следующее, данное И. Дзялошинским, который пишет: «Для меня коммуникация – это встреча двух сознаний, которые стремятся прорваться сквозь преграды и барьеры, чтобы слиться в удивительном и очень редком состоянии, называемом взаимопониманием» [2]. В случае коммуникации межкультурной, когда имеет место взаимопонимание участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам, достижение этой цели значительно усложняется. В решении этой проблемы очень значимую роль играет преподаватель иностранного языка, задача которого состоит в формировании коммуникативной компетенции, обеспечивающей успех в межкультурном общении, в реализации коммуникативного акта в практической деятельности.

Велика в диалоге культур и роль переводного словаря, часто именно от него зависит, насколько адекватно смыслу происходит интерпретация языкового факта. Можно сказать, что лексикографическому изданию присуща роль своеобразного «зеркала», в которое заглядывает участник межкультурного диалога в целях само-

идентификации в контексте иной культуры. Столь же велики и трудности, с которыми сталкивается коммуникант в поисках эквивалентности, а точнее языковых средств, которые эту эквивалентность обеспечивают.

Понятие эквивалентности в отношении двуязычного словаря может рассматриваться в нескольких аспектах. Во-первых, речь может идти об эквивалентности при отражении левой частью словаря действительности, представлении национальной «картины мира» в ее свернутом (в соответствии с лексическими минимумами) виде. Это определяет потенциал словаря или, образно говоря, размер и разрешающую способность «лексикографического зеркала». С другой стороны, национальная понятийная модель, представленная в левой части, отражается в иноязычной «концептуальной амальгаме» правой части. В результате такого «двойного» отражения мы имеем набор словарных эквивалентов, которые, реализуясь в процессе коммуникативного акта в эквиваленты переводные, должны обеспечивать смысловую эквивалентность между исходным и переводным текстами. Однако в силу принципиальной асимметрии языкового знака, в результате наложения имеющегося ментального лексикона пользователя на когнитивную систему, представленную левой частью, по причине известной «дырчатости» языка (термин Ю. Г. Милославского) соблюдение словарной эквивалентности как зеркальности представляется крайне затруднительным.

Следует согласиться с тем, что наличие в словаре лишь номинативной характеристики слова, раскрытие лишь его номинативного значения явно недостаточно. Необходимо определенное «руководство к действию», к использованию слова в коммуникативном акте, к выводу его, по определению Ф. де Соссюра, на уровень parole. Учет языка пользователя словарем, выявление такой лингвоспецифики – дело необычайно важное, равно как и сложное. Ловушки могут поджидать в самых неожиданных местах, а близость языков (как в случае русского и польского) отнюдь не спасает, а порой и усугубляет положение, создавая ложное впечатление эквивалентности. Сами носители такую специфику «считают само собой разумеющимся, не видя необходимости останавливать на ней внимание» [9, с. 12]. У иностранца это зачастую приводит к неправильному использованию лексемы в речи, своего рода «коммуникативной aberrации», искажению отображаемого образа мира, и переводной словарь здесь не помощник, поскольку такие лексемы, как правило, выступают в нем в качестве полных эквивалентов. Причем «национально окрашенными» оказываются слова, которые никак не могут быть отнесены к лексике безэквивалентной.

Так, например, в семантике русской лексемы подруга ('девушка, девушка или женщина, состоящая в дружеских, товарищеских отношениях с кем-л. ') имеется ряд особенностей, которые, если их не учитывать, приводят к ошибочному использованию ее в качестве эквивалента польского koleżanka – 'kobieta, która wspólnie z kimś pracuje, uczy się, razem spędza czas, towarzysza pracy, nauki, zabawy itp. ' При

семантической адекватности лексема подруга, в отличие от польского koleżanka, в своем основном значении выражает представление о дружеских отношениях между лицами женского пола, что отмечает А. Вежбицкая [1]. То есть такие часто встречающиеся в учебной практике высказывания, как Это моя подруга, Спроси у подруги и т. п. эксплицируют отмеченное значение и естественны в ситуации «женщина – женщина». При гендерной же замене смысл высказывания трансформируется, и в предложении Иван пришел с подругой актуализируется второе (переносное, эвфемическое) значение 'интимная партнерша, любовница', представленное, кстати, в польской лексеме przyjaciółka – 1) osoba płci żeńskiej połączona z kimś więzami przyjaźni; 2) kochanka. Однако, как справедливо отмечает А. Д. Шмелев [9], в случае атрибутивной конкретизации (относительного характера) подобный запрет снимается (ср. Подруга детства, Школьная подруга). Лексическая же параллель коллеги – kolega, koleżanka выглядит ослабленной в силу общего рода (гендерной универсальности) русской лексемы, ее более узкого значения (товарищ по работе), а также в связи с книжным характером и ограниченной сферой употребления.

Интересным представляется и рассмотрение лексической параллели ученик (ученица) – uczeń (uczennica), традиционно представляемой в польско-русских словарях в качестве эквивалентов. Логические компоненты семантической структуры этих пар совпадают практически полностью: 1) учащийся начального или среднего учебного заведения; 2) тот, кто обучается какой-л. профессии, проходит профессиональную выучку; 3) последователь чьих-л. общественных, научных и т. п. взглядов), однако далеко не всегда мы можем воспользоваться этим параллелизмом. В речевом употреблении для экспликации первого значения лексемы ученик необходима актуализация, выражающаяся, как правило, в прямой или косвенной конкретизации понятий: Ученик первого класса, Он лучший ученик в классе, Ученики нашей школы, «Шел из школы ученик, всем известный озорник» (С. Михалков). Высказывания же типа *Он ученик, *Она ученица, *Шел по улице ученик, часто встречающиеся в польской аудитории как следствие псевдоэквивалентности, являются с семантической точки зрения неполноценными в силу недостаточной генерализованности предиката (субъекта). В русском языке в данном случае в качестве предпочтительного синонимического конкурента должна выступать лексема школьник (школьница), где значение 'посещающий учебное заведение' представлено в более генерализованном виде.

Установление смысловой эквивалентности невозможно и без учета культурно-национальной специфики объективируемого понятия, без достижения эквивалентности культурологической. Примером этому может служить попытка передачи значения русской лексемы алтарь польским словом ołtarz (и vice versa), что опять-таки вошло в лексикографическую традицию. Причиной такой aberrации выступают прежде всего этимологическая общность этих лексем (восходящих к лат. altare, altus – высокий жертвенник), что в принципе может служить основой для общей

дефиниции, сходство их звучания в польском и русском языках и общая семантическая отнесенность к христианскому культу. Основой же для различия, традиционно не учитывающегося в двуязычных словарях, служит история христианства, в котором размежевание на западную и восточную ветви оформилось весьма давно и привело к существенным различиям в устройстве храма и, соответственно, в наименовании его частей. Алтарь – жертвенное место, жертвенный очаг, присущий и языческим культам, в раннем христианстве был первоначально столом, за которым справлялась «вечеря любви» – агапа (трапеза перед и после евхаристии в память о Тайной Вечере), и оставался до II в. поставленным в церкви столом, на котором распределялось причастие и совершались другие церковные службы. В современной католической и протестантских церквях алтарь (польск. ołtarz) – это стол, на котором совершается жертва мессы (stół ofiarny przeznaczony do odprawiania mszy), что соответствует русскому престол; жертвенник. Лексема же алтарь в соотнесенности с храмом православным имеет значение ‘приподнятая выше уровня пола восточная часть храма, огражденная иконостасом, где совершаются различные таинства, прежде всего, божественная литургия; входить в алтарь могут лишь священнослужители’. А это скорее соответствует польскому prezbiterium – ‘część kościoła w której się znajduje główny ołtarz, przeznaczona zasadniczo dla duchowieństwa’. Первоначальное же (а ныне скорее «мирское») значение сохранилось в таких фразеологизмах, как, например, алтарь отечества. Таким образом, корректным «лексикографическим отражением» русской лексемы алтарь следует признать польское prezbiterium, а польской лексемы ołtarz – русское престол, жертвенник.

Национальная концептуализация мира, представленная в соотнесенности лексемы и концепта, появляется и в случае интернационализмов, казалось бы, по определению лишенных национальной окраски. Как показывает практика, будучи инкорпорированными в инонациональный контекст, они начинают жить в нем своей собственной жизнью, приобретая свои собственные смысловые оттенки и ассоциации. В этом случае их лингвоспецифика выявляется лишь при соотнесении с «отражением в зеркале» другого языка и культуры.

В этом плане представляется интересным рассмотреть, как функционирует в современном речевом употреблении русское прилагательное публичный и то, насколько адекватным эквивалентом к польскому publiczny оно является. Слово это, как и множество иных латинизмов, было заимствовано из польского (publiczny) в начале XVIII в. и отмечается Фасмером у Прокоповича в 1704 г. [7]. Присутствуя в большинстве европейских языков (ср. англ. public, фр. public, польск. publiczny и др.) и являясь, несомненно, интернационализмом, русское прилагательное публичный обладает особой концептуальной спецификой, отражая и формируя национальный образ мышления. А это часто приводит к тому, что, выступая эквивалентами словарными, данные лексемы далеко не всегда оказываются эквивалентами пере-

водными, несмотря на, казалось бы, интернациональную семантическую универсальность.

Русские толковые словари выделяют в прилагательном публичный два основных значения:

Публичный: **1.** всенародный, оглашенный, явный, известный (говорить публично, это шулер публичный, отъявленный); **2.** для публики, общества устроенный, народный, общенародный, вселюдный || всем обывателям сообща, всей гражданской общине принадлежащий (нотариус, писец; здания, больницы, театры) [2].

Публичный: **1.** 'совершающийся в присутствии общества, публики, открытый, гласный' (доклад, выступление, скандал); **2.** 'общественный, находящийся в распоряжении общества, устроенный для общества, не частный' (устар.) (выставка, библиотека, место) [5].

Современные польские словари определяют *publiczny* следующим образом:

publiczny – 1. 'dotyczący ogółu, służący ogółowi ludzi, przeznaczony, dostępny dla wszystkich; ogólny, powszechny, społeczny, nieprywatny'; 2. 'odbywający się przy świadkach, w miejscu dostępnym dla wszystkich; oficjalny, jawny' [11].

Что касается значения 'происходящий на публике, открытый, гласный' – (первое значение в русской лексеме и второе в польской), то здесь каких-либо заметных семантических сдвигов не наблюдается. В этом случае *publiczny* и публичный выступают, как правило, в качестве переводных эквивалентов (*publiczne wystąpienie* – публичное выступление; *egzekucja publiczna* – публичная казнь; *wystawić coś na widok publiczny* – выставить на публичное обозрение; *debata publiczna* – публичная дискуссия и т. п.). Можно отметить лишь новый оттенок в таких частотных употреблениях, как публичный политик (экономист, деятель и т. п.) – т. е. тот, кто стремится всячески уменьшить дистанцию между собой и публикой.

Большой интерес представляет для нас второе словарное значение русской лексемы (первое и главное в польском языке) – 'общественный, находящийся в распоряжении общества, устроенный для общества, не частный'. В современном речевом употреблении это значение выступает в качестве основного и весьма актуального, причем в польском языке оно покрывает значительно большую часть коммуникативного пространства, чем в русском.

В русских толковых словарях второе значение 'предназначенный для публики, общества; не частный' – традиционно имеет помету 'устаревшее', а следовательно, малоактивное, что подтверждается и приводимыми иллюстрациями (публичный музей, публичная библиотека, публичный дом и с пометой 'специальное' – публичное право и публичные торги). Однако это вряд ли соответствует существующему

положению вещей в речевой действительности, поскольку в настоящее время наблюдается активная актуализация именно этого значения, связанная с социальными и экономическими преобразованиями, появлением новых реалий и переосмыслением существующих. В этом значении слово активно входит в публичную коммуникацию, прежде всего, в масс-медийную, привнося «новое дыхание» и отражая новое понимание целого ряда категорий в области политики, социологии, общественного устройства. Такие понятия, как публичная политика, публичный сектор, публичная администрация, публичная компания, демонстрируют не столько «языковой вкус эпохи», сколько определенные изменения ментального лексикона. При этом прилагательное публичный вступает в конкурентные отношения с синонимическими прилагательными, прежде всего, государственный, общественный, открытый, причем, как показывает речевая практика, выбор в пользу того или иного слова определяется скорее не четким разграничением в русском языковом сознании этих понятий, а другими причинами. Любопытно рассмотреть некоторые примеры, позволяющие проиллюстрировать вышесказанное.

Публичный сектор (экономики) – понятие в российской экономической науке новое, определяющее то, что всегда традиционно именовалось сектором государственным. Словосочетания *public sector*, *sektor publiczny*, устоявшиеся в зарубежной науке, на русский язык переводились и как публичный, и как государственный сектор, хотя эти понятия не идентичны. Как отмечает академик В. Л. Макаров, «государственный сектор (по западной терминологии публичный – англ. *public*) предназначен для того, чтобы производить публичные (общественные) блага (*public goods*, *dobra publiczne*). Это нечто, одинаково доступное всем членам общества и не требующее непосредственной оплаты. Важнейшие из них – образование, здравоохранение, борьба с преступностью и т. д. Общественные, в том числе национальные, государственные интересы также можно представить себе в виде некоего публичного блага, которое потребляют уже не отдельные индивиды, а общество в целом» [4], т. е. государственные интересы, выступая в качестве публичного блага, превращаются в общественные.

В наши дни начинает все больше проявляться различие между государственным и публичным секторами, состоящее в том, что, согласно действующей Конституции РФ, муниципальные предприятия (и общественные организации) являются не государственной собственностью, а публичной, т. е. публичный сектор включает в себя и государственные предприятия, и муниципальные предприятия, и общественные организации, в то время как к сектору не публичному относятся корпоративный и частный секторы.

В последнее время ведутся широкие дискуссии относительно понятия публичная политика (англ. *public policy*, польск. *polityka publiczna*), что отражает естественное желание исследователей лучше понять современные тенденции развития российского общества и государства. Понятие это для российской науки достаточно

новое. До недавнего времени термину публичная политика предпочитали термины общественная политика или открытая политика, которые, однако, не отражали в полной мере смысл данного понятия. Ибо за ним стоит «соответствие государственной политики общественным нуждам, взаимодействие государственных и негосударственных структур на всех стадиях принятия, реализации, контроля и оценки результатов государственных программ, проектов и решений», «легитимные и формально оформленные решения правительственных органов» [6]. Как пишет в своей работе Н. А. Шматко, «публичная политика есть симбиоз политического действия, научной рефлексии и акта масс-медийной коммуникации. По большому счету, она осуществляется в порядке интервенции в сферу политики экспертов, аналитиков, специалистов в области социальных наук, «интеллектуалов», публицистов и журналистов [8].

Такое понимание публичной политики в советской и постсоветской традиции было заменено понятием государственная политика, что подразумевает закрытость процесса принятия решений для общества, игнорирование общественного мнения в процессе принятия решения и общественного контроля в процессе его исполнения. Утверждение понятия публичная политика применительно к реалиям современной России представляется чрезвычайно актуальным, поскольку, в отличие от понятия государственная политика, оно подразумевает взаимодействие государственных и негосударственных структур на всех стадиях принятия, реализации, контроля и оценки результатов государственных программ, проектов и решений, предполагает становление гражданского общества.

Понятия *public administration*, *administracja publiczna* традиционно передаются в русском языке как государственная администрация – государственный орган для решения административных вопросов. Такие часто встречающиеся определения, как общественное управление (администрирование) или даже управление обществом, явно искажают смысл этого понятия, поскольку речь идет о государственном и муниципальном управлении, т. е. публичном, при котором власть понимается как администрация, действующая в интересах общества и под его контролем, осознающая себя как производное от общества. Сочетание публичная администрация, которое тоже встречается, используется, в основном, относительно политических институтов зарубежных стран, выступая в роли экзотизма.

Такую же картину мы наблюдаем и при сопоставлении словосочетаний:

potomoc publiczna – государственная помощь,
instytucja publiczna – государственное учреждение, государственный орган,
łużba publiczna – государственная служба,
finansy publiczne – государственные финансы,
fundusze państwowe – государственные фонды,

instytucja użyteczności publicznej – государственный орган, институт общественной пользы (редко),
szpital publiczny – государственная больница,
zamówienia publiczne – государственные заказы,
partnerstwo publiczno-prywatne – государственно-частное партнерство (Федеральный закон о государственно-частном партнерстве),
publiczna służba zdrowia – государственная служба здравоохранения и др.

Как видно, понимание публичного как государственного в большей степени, чем общественного, в русском языковом сознании оказывается явно предпочтительным, притом что синонимичность этих понятий весьма условна. Скорее, дело в другом. Может быть, здесь определенную роль играет сложившаяся традиция благодаря тому, что роль государства в России всегда была традиционно велика и именно власть определяла общественное устройство в стране. Кроме того, в советскую эпоху разделение понятий государственный и публичный оказалось ненужным с идеологической точки зрения в силу доминирующей роли государства в обществе и отсутствия понятия частное, которое могло бы противопоставляться первым двум, разграничивая их. Это могло привести к вытеснению из языкового сознания концепта публичный, к отождествлению его с концептом государственный.

И здесь мы подходим к вопросу о природе власти в ее концептуально-ментальном выражении. Понимание властной машины как производной общества есть установление ее публичности, т. е. осознанного служения публичному (общественному) интересу. Выведение же ее над социумом (как, например, Богом данная власть) порождает ее надпубличный, т. е. сугубо государственный характер. Подтверждением этому могут служить и результаты исследования Гирта Хоффстеда, который, определяя этнопсихологические особенности различных народов, обнаружил, что один из выделяемых им параметров национального менталитета, т. н. «индекс дистанции власти», оказался у русских выше, чем у западноевропейцев [10].

В своем интересном исследовании, посвященном публичной политике в контексте современной России, А. Сунгуров отмечает, что в истории русского общества традиционно выделялась государственная («государева») сфера и все то, что оставалось за ее пределами. В странах же Западной Европы раздел шел по другой линии – приватного и публичного, *private* и *public*. При этом под *public* понимались как общество, так и государственная (и муниципальная) власть, т. е. все то, что не *private* – частное, личное. Отсюда публичная сфера – это сфера общественного интереса, а раз так, она должна быть открытой и подотчетной обществу, состоящему из конкретных личностей. Сфера же «приватная» – это личное дело человека, и никто, ни власть, ни заинтересованные соседи по сообществу, не должны были в нее вторгаться без приглашения [6].

С другой стороны, может быть, здесь имеют место и более глубокие процессы, кроющиеся в особенности русского национального менталитета. Так, понимание общественного не как публичного, т. е. сферы общественного интереса, а как общинного, соборного, лежащего вне материальной плоскости, может быть, сформировало во многом то, что мы имеем сейчас. Оппозиция приватное – публичное приобретала характер личное – общинное. Кстати, перенос соборности в область интересов материальных приводил, как правило, к результатам негативным.

В том случае, когда в качестве русского эквивалента *publiczny* выступает прилагательное публичный (*spółka publiczna* – публичная компания, *finanse publiczne* – публичные финансы; *dlug publiczny* – публичный долг; *oferta publiczna* – публичная oferta; *biblioteka publiczna* – публичная библиотека и др.), такие употребления в подавляющем большинстве (разве что за исключением публичной библиотеки) относятся к новому времени. Они, безусловно, связаны с процессами социальных преобразований и, конечно же, становления гражданского общества.

В качестве эквивалента весьма активно используется и прилагательное общественный: *uzytek publiczny* – общественное пользование; *telewizja publiczna* – общественное телевидение; *publiczna toaleta* – общественный туалет; *transport publiczny* – общественный транспорт и др.

В ряде случаев в качестве русского эквивалента может выступать и прилагательное открытый, прозрачный, что наблюдалось при определении статуса экономических субъектов, в частности, открытых хозяйственных обществ (польск. *spółka publiczna*). Однако в настоящее время вступили в силу изменения в Гражданском кодексе РФ, согласно которым устраняется деление обществ на открытые и закрытые и вводится понятие публичной и непубличной компании.

Таким образом, мы видим, что в качестве словарных эквивалентов польского *publiczny* могут выступать, по крайней мере, четыре русских прилагательных: государственный, публичный, общественный, открытый. Выбирая же из них эквивалент переводный, мы руководствуемся как сложившейся традицией, так и определенным переосмыслением принципов социального устройства, предполагающим становление новых общественных моделей, сокращение «дистанции власти», открытость властных и коммерческих структур, прозрачность их функционирования в обществе.

Литература

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Яз. рус. культуры, 1999. С. 263–305.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1998. Т. 3. 658 с.
3. Дзялошинский И. М. Гражданские коммуникации. URL: <http://dzyalosh.ru> (дата обращения: 12.12.2014).

4. Макаров В. Л. Государство в российской модели общества // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 1. С. 60–66.
5. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2001. 960 с.
6. Сунгуров А. Ю. Понятие публичной политики и развитие Центров публичной политики в России. URL: [http:// strategy-spb.ru](http://strategy-spb.ru) (дата обращения: 12.12.2014).
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб.: Азбука: Терра, 1996. Т. 3. 832 с.
8. Шматко Н. А. Феномен публичной политики // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 102–116.
9. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к слов. М.: Яз. славян. культуры, 2002. 224 с.
10. Hofstede G., Hofstede G. J. Kultury i organizacje / Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne. Warszawa 2007. 408 s.
11. Uniwersalny Słownik Języka Polskiego / PWN. Warszawa, 2003. Т. 3. 1611 s.

РАЗДЕЛ 4. ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ SECTION 4. TRANSLATION STUDIES

УДК 81'253

А.-Р. Вуорикоски

Как важно быть точным

Статья основана на корпусных данных выступлений, составленных автором во время пленарных заседаний Европейского парламента весной 1997 г. Эти данные стали основой диссертационного исследования, опубликованного в 2004 г. Целью работы было выявление новых путей подхода к вечной проблеме оценки качества перевода, в частности, уточнения концепции точности перевода.

Ключевые слова: корпусные данные, качество перевода, концепция точности перевода

Anna-Riita Vuorikoski

Importance of being accurate

This paper is based on the corpus of speeches that the author compiled in the European Parliament plenary part-sessions in the spring of 1997. The corpus was complemented by the transcriptions of the same speeches, as produced by the EP services after the meetings. The aim of the Ph. D. research, published in 2004, was to find new ways of assessing the ever present issue of interpreting quality, focusing on the concept of accuracy in particular. This paper wishes to contribute to the discussion relating to the accuracy of Translation in a context that involves the use of Language for Special Purposes.

Keywords: corpus data, translation quality, concept accuracy of translation

1. Introduction

For the purposes of the present analysis, I understand the specific genre of the EU / EP discourse to be an example of a dense use of LSP, not only in the written documents, but in the spoken discourse as well. This claim is based on the fact that legal language is an essential element of the EU genre. Furthermore, legal language necessarily contains not only strictly legal terms, concepts and set phrases, but also a wide range of technical terms and concepts from any subject area that an EU directive will cover. The way the European laws are debated has features and characteristics that justify us calling the discourse a genre in its own right [see 7, p. 73–82). There are numerous examples of the use of LSP in the EU genre, eg. the budgetary debates, involving clearly defined terminology and set concepts.

Before entering a discussion of the Translation accuracy of the EP spoken discourse, it is appropriate to remind ourselves of what the European Parliament stands for. According to its home pages, the EP has three main roles:

- debating and passing European laws, with the Council;
- scrutinizing other EU institutions, particularly the Commission, to make sure they are working democratically;
- debating and adopting the EU's budget, with the Council.

Today, there are 28 Member States with one or more national languages. The number of official languages within the EP is 24. National languages are a most sensitive political issue within the European Union. Consequently, the EP has to accept the following principle:

In the European Parliament, all official languages are equally important: all parliamentary documents are published in all the official languages of the European Union (EU) and all Members of the European Parliament (MEP) have the right to speak in the official language of their choice. It also ensures everyone is able to follow and access the Parliament's.

The above principle presupposes a staff of translators and interpreters. The EU home pages provides the following statement relating to multilingualism within the EU:

With a permanent staff of around 1 750 linguists and 600 support staff, the European Commission has one of the largest translation services in the world. The Commission's interpretation service employs 600 staff interpreters, a pool of 3,000 freelance interpreters and 250 support staff.

Today it is possible to follow EP plenary debates via the internet, even live, in all the official languages, and to listen either to the original speaker or the interpreter.

2. The corpus

The research corpus was recorded in the EP plenary part-sessions while the author was working there as one of the Finnish interpreters recruited by the EP interpreting service. The Strasbourg plenary session was selected as a speech context for studying Translation accuracy in a representative setting.

A number of authors point at importance of the representativeness of a corpus [2, 3]. In designing the corpus, my aim was to collect a corpus that would illustrate some specific characteristics of the EP discourse from the point of view of Translation. Consequently, the corpus covers a wide range of topics that, according to my 'field work', I considered to be representative of the EP plenary session.

The design for collecting the corpus had the aim of following the principles of some of the leading scholars, according to which one of the main uses of a corpus is to identify what is central and typical in the language [5, p. 17, 102]; here we can add the words 'of a certain institution, such as the EP.'

The corpus consists of 122 original speeches, recorded on video tapes; the speeches were delivered in 4 languages (English, Finnish, German, Swedish) by 76 speakers (table 1).

Table 1

**The corpus: number of speeches
and their distribution across speakers and languages**

Language of the original speech	Number of speeches	Number of speakers	Number of words
English	56	35	22 113
German	45	27	16 400
Finnish	11	8	2692
Swedish	10	6	1917
Total	122	76	43122

As indicated above, the debates were selected with a view of having different types of agenda items, such as Oral Questions to the Council, a debate that is on the agenda of every EP part-session, as well as different topics, such as human rights, or antipersonnel landmines. For the distribution of the speeches in each language along the themes and topics, see table 2.

Table 2

**The corpus: number of speeches
and their distribution across the themes and speakers**

Language of the original speech	Number of speeches	Themes and topics	Number of speakers
English	56	12	35
German	45	10	27
Finnish	11	5	8
Swedish	10	6	6
Total	122	33	76

The EP plenary session agendas in 2014 are quite similar to the ones of 1997, the year when the data was compiled. During one day, Monday 14 April, the topics on the agenda cover a wide range of issues: a report on the European Investment Bank; equality between men and women in Europe; plant reproductive material law; the European System of Financial Supervision Review; report on public access

to documents; report on the activities of the Committee on Petitions; report on the future of Europe's horticulture sector; report on the eradication of torture in the world; report on Saudi Arabia, its relations with the EU and its role in the Middle East; and a report on assessing and setting priorities for EU relations with the Eastern Partnership countries.

To illustrate the nature of the EP genre, a sample speech is provided in Example 1. This speech was delivered by a UK Member of the Parliament in the plenary sitting.

Example 1

Foremost amongst our concerns are the report's proposals to merge the common foreign and security pillar into the Community pillar. **Labour believes** that the **second and third pillar** should remain intergovernmental but with greater involvement of the European Parliament. Equally, **British Labour Members do not accept** the desirability of giving the European Union a military competence, although **we support** the strengthening of the WEU. Mr. President, **the Labour Party supports** an extension of qualified majority voting but believes there is a need to retain unanimity in areas such as Treaty changes, budgetary policy, taxation, external border controls, and foreign and security issues. It should be noted that **Labour supports** co-decision for the European Parliament in all policy areas where there is qualified majority voting at Council.

The speech above illustrates the typical EP genre with its references 1) to the report that is being debated (in italics); 2) to the political party that the speaker represents (the British Labour); 3) key words of the report (Community pillar, second and third pillar, intergovernmental, military competence, qualified majority voting, co-decision).

3. Intertextuality between written and spoken texts

While the interpreters' task is to render spoken discourse in one language via the simultaneous oral translation mode into another language, it is important to bear in mind the high degree of intertextuality that is present between the written and spoken texts in the EU. Here I refer to the fact that the majority of the debates concern draft legislation, presented in the form of reports. The written background documents are present in the meetings, and the speakers refer to them either directly, by quoting the headings and codes in the document, or indirectly, by using the key words and concepts of the documents. By key concepts I mean the essential technical terms found in a document. According to one definition, 'the intellectual content of a <...> document is represented by the terminology used in the title, abstract and body of the document' [6].

The background documents, or parts of them, are produced in a number of the EU languages, and therefore they can be viewed as parallel texts that contain a high degree of equivalence between the key words, the terms and the various specific concepts and phrases in the various EU languages.

We may ask, how can an interpreter, being a non-specialist, or a non-expert, recognise the relevant elements of LSP? How do they know which are the key concepts and terms? Intertextuality in the form of the written parallel texts provides reliable support for the interpreters. Within the EP there is a clearly defined meeting routine, as well as plenty of material, including glossaries, both in printed and digital form, and in today's world, computers connected to appropriate links, all of which helps interpreters in their everyday work. Yet, even if printed agendas, printed questions to the Commission or to the Council, and printed reports are available to the interpreters, there is such a huge number of documents that an interpreter does not have the time to read and digest them properly; after all, one report may have up to 100 pages or more, and during one day, something like 10 reports may be discussed, like on Monday, 14th April, 2014. Still, the EP expects their interpreters to render the speeches accurately into their target language:

The interpreter's job is to ensure that speeches delivered in one of the official languages of the European Union are accurately rendered into the other official languages.

What exactly do they mean by 'accuracy'?

4. LSP and interpreting accuracy

Most authors on interpreting include 'accuracy' as an essential criterion of interpreting quality [4, 7, 1]. While the concept of accuracy has been discussed by a number of Translation scholars, there is no one single definition for interpreting accuracy that could be applied to all Translation situations. However, there is general agreement that the correct use of terms and concepts is one of the core elements of interpreting accuracy. This is confirmed by the customer satisfaction surveys that were carried out within the EU under the DG Interpreting in 2007. According to the response to these three surveys, terminology-related issues were clearly identified as something where improvement was needed.

4.1. One approach to interpreting accuracy

We may learn something about the 'real life accuracy' of interpreting by comparing the original speeches with the interpreters' versions in order to analyze the way interpreters render the LSP in the speech context of the European Parliament. After some preliminary pilot studies of the EP data I was convinced that rhetoric theories and argumentation theory offered an optimal tool for analysis. Starting with the classics, such as Aristotle, up to the present day European and American approaches, rhetoric analysis focuses on the sense of a message.

While classical theories of rhetoric have traditionally been used for drafting texts and speeches, today they are also used for analyzing extended texts, such as political speeches, party programmes and editorials. The analysis looks at the speech context, the audience in particular, as well as the way in which the speaker tries to persuade or convince his / her audience. His integrity, or ethos, is reflected, among other things, by his expertise, that is, his command of the topic he is discussing. This, again, is reflected in his use of LSP and the relevant concepts.

The speaker's integrity, and the way it is reflected in his choice of expressions, brings us back to the definition, quoted above, that helps us to locate the terms and key concepts of a text: 'the intellectual content of a <...> document is represented by the terminology used in the title, abstract and body of the document'. Obviously, the subject field of a speech determines the field of the terms and key concepts. Therefore it seemed necessary to pick the key words from each thematic field rather than treat the data as one large discourse entity.

4.2. Method of study

The four-language corpus has SI versions of each speech in one of the languages translated into the other three in order to avoid the problem of the singularity of interpreter performances. As each speech has been interpreted into three languages, on site, on five different dates as part of the normal EP routine, we can assume that this solution has reduced the problem of the inter-individual and intra-individual fluctuations in attentiveness, in cognitive factors, or any other specific individual competence. Furthermore, all the interpreters have passed the recruitment tests of the EP, a fact that should guarantee a standard level of competence. It was not possible to count the exact number of the interpreters that are at work in the recorded part-sessions; a rough estimate is 30 interpreters.

For the purpose of comparing the interpreters' versions with the originals, I started off by aligning the interpreters' versions below the original speech, as demonstrated in table 3.

Table 3

Example of the alignment

Original	Now	GMO legislation	poses	a particular	problem
Finnish		tämä geeniteknologia	se on	erittäin suuri	ongelma
[translation]		[this gene technology	it is	a particularly big	problem]
Swedish		det	har utgört	ett särskilt	problem
[translation]		[that	has created	a particular	problem]
German		das	ist		problematisch
[translation]		[that	poses		a problem]

It was not feasible to align each speech with the interpreters' versions in three languages – not single-handed, anyway. My solution was to transcribe each original speech, paying attention to those elements that I considered important from the point of view of first, the political rhetoric, and second, from the point of view of LSP. I listened to the interpreters and marked with a plus (+) the units that they conveyed accurately, and with a minus (-) the ones they did not convey accurately; the ones that were conveyed vaguely I marked with a dash (/).

In order to illustrate this method of analysing the accuracy of the interpreters' performances, the same text as in Example 1 has been aligned according to what was explained above (see Example 2).

Example 2

English original	De	Sv	Fi
Foremost amongst our concerns are	+	+	+
the report's proposals	+	+	+
to merge the common foreign and security pillar	+	+	+
into the Community pillar	+	+	/
Labour believes	-	vi	-
that the second and third pillar	/	-	+
should remain intergovernmental	/	+	-
but with greater involvement of the EP	+	+	+
Equally	-	+	-
British Labour Members	-	+	-

The example shows that interpreters may omit key concepts of the EU genre, as well as elements of political rhetoric that is part and parcel of the genre. The 'Community pillar' is one such key concept that is only vaguely conveyed by the Finnish interpreter. References to the political groups, obviously key concepts as well, are an important element of EP rhetoric. The speech by this MEP is clearly a statement of position of one particular political group, presenting their stance against the positions presented in the report. We can say that the speech is not rendered accurately if such elements are omitted (cf. the EP definition of interpreting).

Key concepts, terms and acronyms abound in all the debates. We may analyse a few debates for their key concepts. The debates:

– on human rights

('human rights violations', 'slave labour', 'trafficking in human beings', 'Krajina', 'cocaine seizures', 'independence', 'democracy');

– **human rights: Iran, Bhutan, Algeria**

(‘Bhutan’, ‘Nepalese’, ‘UNHCR’, ‘Nepalese-speaking [minority]’, ‘civil rights’, ‘demonstrators’);

– **antipersonnel landmines**

(‘antipersonnel mines’, ‘APMs’, ‘CCW’, ‘UN Review Conference’);

– **on topical and urgent issues: Cuba**

(‘Helms-Burton Law’, ‘Miami Connection’);

– **European programmes**

(‘RETI’, ‘Committee of the Regions’, ‘Structural Fund [programmes]’, ‘Assembly of European Regions’)

The proper names, acronyms, place names, political concepts and technical terms in the parentheses are all examples of concepts that were not rendered by the interpreters. In some cases the interpreter has not recognised the proper name, or place name, or acronym, and says something else instead; in place of the ‘Helms-Burton Law’ we hear ‘American Law’; in place of ‘Krajina’ we hear ‘Ukraine’; in place of ‘CCW’ we hear ‘WEU’. The number of interpreters’ omissions of terms, concepts, proper names, place names and acronyms in this corpus is extremely high. While omissions are the most frequent type of inaccuracy detected here, another typical solution on the part of the interpreters is to use a more generic expression instead of the specific term or concept used by the speaker.

5. Discussion

What does this tell about the accuracy of interpreting in the European Parliament? We like to try and find explanations to any phenomena that we find in our studies. Here, one of the obvious reasons for the omissions, or for not finding the correct equivalent in the target language, is the rate at which these speeches are delivered. Furthermore, many of the speeches have been written and are read out from script.

Political speech, and the EP speech culture, are genres in themselves, containing characteristics that interpreters may not always be aware of. An accurate rendering of this genre entails an understanding of the expectations of the audience, and the way specific key words, concepts, acronyms, abbreviations, proper names, etc. are related to the intellectual content and knowledge structure of the EP genre. And in the case of the European Parliament discourse, an understanding of the function of LSP will enhance the accuracy of interpreting. This is where training comes in, both in the academic institutions as well as in-house.

Having said that, we have to accept the fact that not all speeches can be delivered 100% accurately. In the EU context, there are so many elements that cannot be controlled by the interpreters. However, an awareness of the role of LSP in specific contexts will help

interpreters to carry out an on-line rhetoric analysis of the key elements of a message, and focus their attention on rendering these elements.

Why do I think this is important? Simply because I think interpreters owe it to the speaker; I think their primary task is to convey the speaker's ethos to his audience.

References

1. Dam H. V., Engberg J. Assessing accuracy in consecutive interpreting: a comparison of semantic network analyses and intuitive assessments // Text and translation theory and methodology of translation / ed. by C. Heine, K. Schubert, H. Gerzymisch-Arbogast. Tübingen: Gunter Narr, 2006. P. 215–234.
2. Gile D. Methodological aspects of interpretation (and translation) research // Target. 1991. Vol. 3, № 2. P. 153–174.
3. Kalina S. Strategische Prozesse beim Dolmetschen: theoretische Grundlagen, empirische Fallstudien, didaktische Konsequenzen. Tübingen: Gunter Narr, 1998. 304 S.
4. Pöchhacker F. Introducing Interpreting Studies. London: Routledge, 2004. 252 p.
5. Sinclair J. Corpus, concordance, collocation. Oxford: Oxford Univ. Press, 1991. 179 p.
6. Handbook of terminology management / comp. S. E. Wright, G. Budin. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 2001. Vol. 2: Application-oriented terminology management. 549 p.
7. Vuorikoski A.-R. A voice of its citizens or a modern tower of Babel? The quality of interpreting as a function of political rhetoric in the European Parliament. Tampere: Tampere Univ. Press, 2004. 281 s. (Acta Universitatis Tamperensis; 985).

Г. В. Копелева

Предпереводческий анализ учебного текста социокультурной тематики

Предпереводческий анализ социокультурного текста рассматривается в статье как многоаспектный процесс, в котором совмещено усвоение лингвистических и общекультурных явлений. Эта методика результативна для начальных уровней обучения иностранному языку в вузах культуры и искусств.

Ключевые слова: многоаспектный предпереводческий анализ, текст социокультурной тематики, обучающий перевод, начальные уровни, вузы культуры и искусств

Galina V. Kopeleva

Analysis of sociocultural educational text before translating

The analysis of the sociocultural text before translating is considered in the article as a multifaceted process that provides the combined assimilation of linguistic and general cultural phenomena. This technique is effective for beginners levels of foreign languages teaching in high schools of culture and arts.

Keywords: multifaceted analysis before translating, sociocultural text, teaching translation, beginners levels, higher schools of culture and arts

В современных условиях интенсификации обучения иностранным языкам в неязыковых вузах и ориентации на общеевропейские критерии при определении достигнутого уровня владения ими некоторые виды учебной работы незаслуженно оказываются если не забытыми, то обделенными вниманием методистов. К ним, в первую очередь, мы бы отнесли перевод текста, устный или письменный, который в данном случае не подразумевает подготовку переводчика-профессионала или специалиста, получающего дополнительную переводческую квалификацию. В учебниках иностранных специалистов, при всех их достоинствах и плюсах, обучение переводу не предусмотрено, так как общеевропейские уровневые шкалы не предполагают формирования у обучаемых переводческих компетенций. Так, весьма ценными являются наработки специалистов из Гренобля, но их пособия с многообещающим названием «Французский язык через тексты» ориентированы на чтение и не учат переводу [6, 7]. Между тем, на наш взгляд, перевод текста под руководством преподавателя представляет собой важнейший многоаспектный процесс, в ходе которого абстрактные лексико-грамматические знания не только вписываются в конкретику речи, но и дополняются страноведческими и культурологическими сведениями. Из всего этого в совокупности постепенно выстраивается вселенная другого языка, другого менталитета и другой страны.

Мы сосредоточим наше внимание на переводе небольших по объему текстов, как правило, социокультурного содержания, которые могут регулярно исполь-

зоваться на аудиторных занятиях со студентами вузов культуры и искусств, ибо именно эта тематика окажется наиболее востребованной в их будущей профессиональной среде. Такой вид перевода было бы правильно назвать обучающим, ибо он дает возможность совместить усвоение грамматики (на уровне и морфологии, и синтаксиса), лексики (словарные и контекстные соответствия), цивилизационных моментов и формирование начальных переводческих навыков. Таким образом, этот вид учебной деятельности проявляет себя как чрезвычайно плодотворный для изучения наряду с языковыми явлениями фактов истории, культуры и повседневности страны / стран соответствующего иностранного языка, формирования более широкой картины мировосприятия и подготовки к осуществлению в будущем межкультурных коммуникаций, в том числе в профессиональной среде.

Оговоримся, что собственно перевод – это завершающая фаза более или менее длительного многоэтапного процесса, «видимая» часть которого должна обязательно проходить под руководством и контролем преподавателя. Многие учащиеся современных вузов не обладают достаточно сформированными навыками работы с текстом, позволяющими сделать ее не только результативной, но и рационально организованной, интенсивной, активизирующей самые разные языковые знания и мыслительные способности. Кроме того, вузовский преподаватель иностранного языка нередко имеет дело с так называемыми «дебютантами» или «ложными дебютантами», которым трудно расстаться со школярской привычкой зазубривания, не предполагающего аналитического осмысления выученного. В такой ситуации правильно организованная работа с текстом может быстро дать ощутимые результаты.

В научной, методической и учебной литературе предпереводческий анализ текста освещен многими исследователями, однако в подавляющем большинстве они рассматривают этот вопрос применительно к переводчикам-профессионалам, часто лингвистам или филологам, конечный «продукт» которых – перевод, готовый для опубликования. В силу этого, рассуждая о начальном переводческом этапе, автор может, например, остановиться на адекватной оценке особенностей оригинала, требованиях к готовому переводу (включая оформление текста), грамотном выстраивании отношений с заказчиком – сроки, способ доставки перевода, условия оплаты и пр. [4, с. 177–179]. Для профессионала, в отличие от учащихся начальных уровней, акт перевода структурируется как последовательная триада «понимание – собственно перевод – оценка переводческого решения», где фаза «понимание» на деле подразделяется на собственно понимание и предпереводческий анализ, который в этом случае начинается с анализа культурно значимых факторов [5, с. 145–146].

В пособиях и руководствах для будущих профессионалов, чей уровень владения иностранным языком заведомо предполагается высоким, предпереводческий анализ сосредоточен на формировании специфических переводческих умений.

Поэтому, что вполне логично, акцент делается на трудные и особые случаи, и приоритетное место отводится разбору тех лексико-грамматических и страноведческих явлений, которые на уровне элементарного переводческого знания не предполагают столь подробного рассмотрения. В практическом плане, в области французского языка, авторитетным пособием по развитию навыков перевода по-прежнему остается труд В. Г. Гака – систематизированный курс двустороннего перевода публицистических текстов, предназначенный для студентов-филологов и будущих переводчиков. Комментарии по каждому тексту, которые во многом и предназначены для проведения предпереводческого анализа, касаются общих вопросов (синтаксические параллели, лексико-фразеологические явления, стилистика) и подбора эквивалентов и соответствий. В теоретическом введении автор делает упор на том, что переводу всегда предшествует «правильное понимание подлинника» и только потом следует подбор межъязыковых соответствий [2, с. 9].

В. Г. Гак не употребляет термин «предпереводческий анализ» – в развернутом виде это понятие расшифровывается у И. С. Алексеевой в контексте многоплановой аналитической деятельности переводчика при работе с текстом. По И. С. Алексеевой, анализ оригинала при подготовке к переводу включает в себя сбор внешних данных о тексте, установление его типа, назначения, определяющего его лексическую и синтаксическую стилистику, состав и плотность содержащихся в нем видов речевой информации [1, с. 99–103]. Все эти аспекты, безусловно, важны при обучении переводу как профессии, но для целей учебных языковых занятий с учащимися начальных уровней они не первостепенны.

Вычленение алгоритма действий при постоянной тренировке и неуклонном следовании выработанной схеме призвано помочь преодолеть барьер перед текстовым материалом принципиально иной языковой организации и в достаточно краткие сроки приобрести навыки грамотного восприятия несложных аутентичных текстов. Неизбежная начальная фаза осмысления или ориентирования, когда переводчик-профессионал решает, в какую речевую форму он облечет понятия смыслы [3, с. 260], присутствует и в нашем случае, но ее наполнение будет несколько иным.

Как же будет выстраиваться такой предпереводческий алгоритм? Начальный этап перевода учебного текста, наверное, было бы логично назвать этапом борьбы со стереотипами, ибо он предполагает планомерную выработку последовательности действий, прямо противоположной привычной. Как правило, получив задание перевести текст, учащийся понимает под этим этап «выписывания слов». Далее, в зависимости от индивидуальных предпочтений и наличия времени, возможны вариации: это могут быть слова из одной – нескольких фраз либо сразу из всего текста. Поэтому обучение грамотным действиям целесообразно начать с избавления от этой привычки. Первую фазу работы с текстом французские методисты часто называют «приручением». На практике это означает все то, что мы можем из него извлечь «до чтения» не как переводчики, а скорее как внимательные чита-

тели. Имеются в виду вербальные и невербальные знаки, которые уже при беглом просмотре текста дают информацию о его содержании. К невербальным знакам такого рода относится разного рода иллюстративный материал, шрифты, расположение текста. Вербальные знаки могут подразделяться на околотекстовые и внутритекстовые – и те, и другие на стадии общего ознакомления с текстом до чтения и тем более перевода информируют о его общем содержании. Околотекстовые знаки это, согласно мнению аналитиков чтения, такие традиционно выделяемые сведения, как заголовок (содержит основную информацию), подзаголовок (зачем это написано), источник, автор. Внутритекстовые знаки, во многих случаях, извлекаются из текста до прочтения в силу своей «выделенности» с помощью заглавных букв, кавычек, курсива, скобок; к ним также относятся цифры [8, с. 48].

Что касается методических рекомендаций об использовании околотекстовых знаков, они опять же с успехом применяются скорее на более продвинутых этапах обучения, либо когда мы имеем дело с классическими материалами прессы. Для наших целей учебного текста для начальных уровней они чаще применимы ограниченно и выборочно. Ниже приводится в качестве образца вариант социокультурного текста, в котором его автор, танцовщик и режиссер, рассказывает о зарождении своего интереса к балету как исследователя. На его примере мы посмотрим, как может выстраиваться предпереводческая работа.

Rêve éveillé

Ma passion pour «La Sylphide», ballet chorégraphié par Filippo Taglioni en 1832 sur la musique de Schneitzhoeffter, remonte à l'enfance. À dix ans, je suis entré à l'École de Danse de l'Opéra de Paris, située à l'époque au Palais Garnier. J'ai commencé à fréquenter la Bibliothèque de l'Opéra entre les cours et les répétitions. J'étais fasciné. J'ai découvert des documents sur Marie Taglioni, l'interprète de la Sylphide. J'ai cherché tout ce qui existait sur le livret, la musique... Plus tard, j'ai commencé à faire des recherches sur des ballets anciens, à collecter des critiques de l'époque qui décrivaient des enchaînements des pas, en donnaient les noms. J'ai trouvé des partitions annotées. J'ai rassemblé les informations que je dénichais à l'Opéra de Paris mais aussi à Londres, par exemple, où Taglioni a beaucoup dansé. La Reine Victoria a croqué la Taglioni. J'ai aussi voyagé dans d'autres pays comme l'Allemagne, l'Autriche, la Russie où j'ai eu la chance de lire les témoignages de danseurs sur sa façon de danser, de se tenir en scène... Taglioni était un phénomène et a même donné son nom à des calèches !

D'après «En scène»

На первый взгляд, может показаться, что два явно присутствующих околотекстовых знака – заглавие и ссылка на источник – дадут нам какой-то ориентир. В действительности, это касается только источника, поскольку он содержит интернационализм «scène». Логично предположить, что речь, так или иначе, пойдет о театре.

Что же касается заглавия, то с ним все не так просто, тем более что французские заглавия, особенно в прессе, часто наделены многими переносными смыслами, содержат игру слов, аллюзии, оборванные или контаминированные цитаты. Перед нами как раз один из таких непростых случаев и лучшее, что мы можем сделать – это рекомендовать студентам перевести заглавие в конце, когда перевод текста будет завершен, а значит, нам уже будет досконально известно все, о чем в нем говорится. Тем более что такова общая переводческая практика перевода заглавий.

Обратившись к внутритекстовым знакам, мы заметим, что они дают гораздо больше «подсказок». Сосредоточимся сначала на именах собственных, которыми текст насыщен. Предположим, что большинству студентов известно название балета «Сильфида» и, допустим, имя Марии Тальони; помимо нее в тексте упомянуты Филиппо Тальони, некий Schneitzhoeffter, судя по интернациональному слову «*musique*» композитор, и *La Reine Victoria*. Изыскания относительно правильного воспроизведения на русском языке фамилии Жана Шнейцхоффера студентам будет полезно выполнить, завершая перевод дома; «королева Виктория» не вызовет затруднений после обращения к словарю по поводу существительного «*la reine*». Встречающиеся в тексте географические названия – Лондон, Германия, Австрия, Россия – на этом этапе обучения обычно знакомы; подбор русских аналогов для объектов городской топонимики – *l'Opéra de Paris*, *le Palais Garnier*, *la Bibliothèque de l'Opéra*, *l'École de Danse* – также станет частью самостоятельной работы. Необходимо лишь пояснить, что «*l'Opéra*» с заглавной буквы это Оперный театр, либо Театр оперы и балета, а «*l'École de Danse*» для русского языка и данного контекста не Школа танца, а Хореографическая школа или Хореографическое училище.

Студенты, конечно, обратят внимание на то, что в тексте есть и хронологическая отсылка – 1832 г. Обсуждение этого станет хорошим переходом к основной части предпереводческого анализа, а именно к грамматическому и лексическому разбору. В ходе аудиторной работы основное время посвящается наблюдению за грамматическими явлениями, функционирующими во фразе и речи, а значит, акцент делается на синтаксисе, первоначально беспереводном анализе построения предложения и синтаксических конструкций. Цель подобной обучающей работы – кардинально изменить подход студентов к переводу текста. К выполнению перевода мы движемся не от лексики, выписанной из словаря «в отвлечении от текста», а от беспереводного изучения синтаксических конструкций, выявления грамматического ядра каждой фразы, что во французском языке подвержено строгим закономерностям, определения частей речи и членов предложения.

Итак, нам надо установить, относится ли действие данного текста к XIX в. – для этого выясним, какие глагольные времена используются в повествовании. Выполнение этого задания легко структурируется за счет пофразного вычленения подлежащего и сказуемого. Для данного текста задание облегчается тем, что рассказ ведется от первого лица, и в большинстве фраз подлежащим является местоиме-

ние « je / j' » («я») – личное приглагольное местоимение-подлежащее, то есть оно неминуемо является подлежащим и рядом с ним неминуемо будет стоять глагол. Выписав сказуемые, мы установим, что в тексте используются три времени: настоящее (présent), прошедшее сложное (passé composé) и прошедшее незавершенное (imparfait), причем во фразе с временным ориентиром 1832 употребляется настоящее время. Если вспомнить, что во французском языке, с его жесткой логикой, в повествовании о давно прошедших событиях passé composé никогда не употребляется и что для этой цели существует совсем другое время – passé simple, мы придем к выводу, что автор рассказывает о чем-то для него относительно недавнем (passé composé как раз и имеет такое грамматическое значение). Здесь также уместно напомнить студентам, что passé composé служит для выражений основных действий, тогда как imparfait описывает фон, на котором эти действия будут совершаться, добавляет подробности. Если из текста, где одновременно употребляются два эти времени, выписать фразы с passé composé, то мы получим резюмированное описание событий. Поэтому в рамках аудиторной работы возможно сосредоточиться именно на таких фразах, уделив время определению инфинитивов неправильных глаголов, морфологическому и синтаксическому анализу (выявление существительных, прилагательных, причастий, наречий; словоформ, значения которых, уже вполне осознанно, надо будет установить, обратившись к словарю).

На следующем этапе, в зависимости от наличия времени и от подготовленности группы, черновой вариант перевода, полностью или частично (смысловое ядро каждой фразы), может довольно быстро выполняться на занятии и дорабатываться дома. Одновременно, под руководством преподавателя, студенты учатся правильно пользоваться грамматическими таблицами и продуктивно работать со словарем, выбирая те значения слов, которые наиболее точно отвечают узкому и широкому контекстам («livret», например, для данного контекста, разумеется, не «книжечка», а «либретто»).

Регулярное применение предпереводческого анализа, который предполагает вышеописанное совмещение лексического, грамматического, общекультурного и переводческого аспектов, позволяет также заложить прочное основание и для развития говорения. Мы можем констатировать, что усвоение «на текстах» чужеродных языковых структур и конструкций существенно облегчает грамотное лингвистическое оформление элементарных высказываний. Последнее, без должного усвоения иноязычной синтаксической и лексико-грамматической специфики, неминуемо ведет к попыткам буквального воспроизведения фраз родного языка, а значит, к неудачам. Как показывает наш опыт, именно последовательно выстроенная предпереводческая работа, в которой анализ текста и его понимание происходят параллельно, позволяет не только быстрее приобретать «правильные» переводческие навыки, но и, одновременно, дает инструментарий, которым можно руководствоваться при формировании устных высказываний на иностранном языке.

Литература

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика: учеб. пособие по устн. и письм. пер. для переводчиков и преподавателей. СПб.: Ин-т иностр. яз., 2000. 192 с.
2. Гак В. Г., Григорьев Г. Б. Теория и практика перевода: фр. яз.: учеб. пособие. М.: Либроком, 2013. 464 с.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
4. Семенов А. Л. Теория перевода: учеб. для студентов высш. проф. образования. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2013. 224 с. (Сер. Бакалавриат).
5. Основные понятия переводоведения: отеч. опыт: термин. слов.-справ. / отв. ред. М. Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2010. 260 с. (Сер. Теория и история языкознания).
6. Barthe M., Chovelon B., Philogone A.-M. Le français par les textes 1: 45 textes de français facile avec exercices. Grenoble: Presses univ. de Grenoble, 2009. 205 p.
7. Barthe M., Chovelon B. Le français par les textes 2: 45 textes du français courant. Grenoble: Presses univ. de Grenoble, 2003. 207 p.
8. Cicurel F. Lectures interactives en langue étrangères. Paris: Hachette FLE, 1991. 155 p.

РАЗДЕЛ 5. ЛЕКСИКОЛОГИЯ, АНАЛИЗ ДИСКУРСА

SECTION 5. LEXICOLOGY, DISCOURSE ANALYSIS

УДК 81'373.612.2:811.111'24

Э. Джендрих

Метафора в деловой коммуникации

Для деловой коммуникации характерно использование фигуральных выражений. Исследование роли высокочастотных метафорических выражений в языке деловой коммуникации требует тщательного изучения. Целью данной статьи является определение наиболее частотных метафорических выражений, их классификация и описание роли в современной деловой коммуникации на примере английского языка.

Ключевые слова: деловая коммуникация, фигуральные выражения, метафоры делового языка

Elzbieta Jendrich

Metaphors in business communication

Figurative language has always been used in business communication, with metaphoric expressions being its most representative and frequent elements. A metaphor is defined as a transference of literary meaning of a word into another context, which means that one thing is described in terms of some other thing, e. g. time is money, cash cow, sleeping beauty. It is the notion of either comparison or resemblance that creates the basis for the metaphor – instead of the literal meaning of a word or expression native language users can easily produce a metaphoric expression and understand its figurative meaning. Metaphors are culture-specific and they reveal patterns of thought that are characteristic of individuals and of groups. Business English metaphors can, and indeed do, reflect the values, beliefs and norms that prevail in the language of business communication in English-speaking countries and in many global companies. Figurative expressions are frequently found to be the preferred way of conveying meaning in the language of business and business communicators tend to use metaphoric expressions both in written and spoken discourse. Therefore, the role of high-frequency metaphoric expressions in the language of business communication needs to be explored in greater detail. Analysis of these metaphoric expressions from the point of view of applied linguistics can shed some more light on the nature of business communication. The aim of the paper is to present the most popular business metaphors, suggest a classification of these expressions, to analyze their most common classes and to identify their role in today's business communication. Firstly, high-frequency business metaphors are classified (1) formally, i. e. according to the structure of a given metaphor and (2) semantically, i. e. according to the concept which underlies a given metaphor. It is hoped that these two taxonomies may help ESP specialists and language users understand the significance of metaphoric expressions in present-day business communication. The paper also gives examples of 'living' (novel) and 'dead' (standard) business metaphors excerpted from a research corpus. Then, it discusses the functions and the main characteristics of popular metaphors used in typical business situations (meetings,

negotiations, personal selling and advertising) and in the language of finance. Finally, it identifies some of the challenges in metaphor understanding and metaphor usage faced by non-native speakers of business English.

Keywords: business communication, figurative language, business metaphors

1. Introduction

Today metaphors are generally accepted in the language of business communication and they are widely used in business discourse. Metaphor means transference of a word from one context into another; metaphor is described as «a means by which one thing is described in terms of something else» [7, p. X]. It is the notion of either comparison or resemblance that creates the basis for the metaphor – instead of the literal meaning of a word or expression native language users can easily produce a metaphor and understand its figurative meaning. Metaphors add variety, imagery, spice and colour to the language. Thanks to metaphors business English users can express their views, feelings and opinions in a stronger, and sometimes more emotional way.

Lakoff and Johnson [4] are of the opinion that metaphoric expressions reflect the metaphorical nature of the concepts that structure our everyday activities. They claim that most of the ordinary conceptual system people create is metaphorical in nature and that our cognition is metaphorical. Thus the conceptual system used in thinking is reflected in the conceptual system on which communication is based. Metaphor reveals patterns of thought that are characteristic of individuals and of groups. Some popular business metaphors, e. g. advertising campaign are used in many European languages. Thornbury says that people «resort to and depend on the use of metaphor when it comes to verbalizing their experience: metaphors help them to see what is invisible, to describe what otherwise would be indescribable» [9, p. 193].

Metaphoric expressions have been extensively studied by psychologists, cognitive linguists, sociologists and philosophers but not by applied linguists. «While the role of metaphor in language has been a focus of considerable interest in linguistics and other fields since the pioneering work of Lakoff and Johnson and has been the focus of several thousand journal articles, it has received much less attention within applied linguistics» [7, p. X].

The role of high-frequency metaphoric expressions in the language of business communication needs to be explored in greater detail. Analysis of these metaphoric expressions from the point of view of applied linguistics can shed some more light on the nature of business communication. The aim of the paper is to present the most popular business metaphors, suggest a classification of these expressions, to analyze their most common classes and to identify their role in today's business communication. First the paper presents a list of selected high-frequency metaphors used in the language of business communication. The list is organized in two ways: (1) formally – according to the structure of the metaphor, and (2) semantically – according to the concept underlying a

given metaphor. These two categorizations will be followed by examples of 'novel' business metaphors excerpted from a corpus of articles published in the Wall Street Journal.

2. Examples of metaphors used in business communication

In the language of business communication metaphors reflect the way of thinking. Cameron and Low in their book *Researching and Applying Metaphor* [2] say that metaphor is fundamental to the way language systems develop over time and to the way human beings consolidate and extend their ideas about themselves, their relationships and their knowledge of the world. A classical Arabic saying that a metaphor is the bridge to reality seems to be true as metaphor «links and comprises the known and the unknown, the tangible and the less tangible, the familiar and the new» [1, p. 149].

Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics says that «metaphors are important means by which words carry both cultural and semantic meanings, and each language has its own metaphors that have been accumulated over time» [8, c. 201]. This statement helps to explain why metaphoric expressions are widely used in business communication practice.

Nowadays, people often perceive doing business as a fight in which only the strongest and the fittest can survive. In a fiercely competitive world of business companies have to fight to be better than their rivals. They have to develop marketing strategies and advertising campaigns in order to trigger sales. They need a good leader; usually it is the Chief Executive Officer, often supported by the Chief Financial Officer. A successful businessman is like a hunter, a shark or a predator that has a competitive advantage over his rivals and is able to win more orders and enter new markets. As a result of such an attitude to business dealings, the language of business communication is rich in metaphors of fight and war.

The old metaphor time is money is often used in business contexts. In the Western culture business people often perceive time is a limited resource and a valuable commodity – it should be saved and invested wisely rather than wasted. Idle money does not bring any profits. A good businessman cannot lose time on unimportant things that do not generate profits. Production managers should do their best to avoid bottlenecks and idle time. A reliable businessman should always keep his appointments and respect his partner's time.

Money is liquid, it inflows or outflows, it is in circulation. If a company wants to be solvent, it should constantly monitor its cash flow. Inflow of capital is always welcome. Free flow of capital is something which can boost economy: all EU member states can benefit from it. On the other hand, if the economic situation is difficult and an industry becomes much weaker, we can witness a financial meltdown. A flood of credit into the housing market may fuel house-price inflation. In extreme cases a company suffering from a cash-flow crisis may lose liquidity and become insolvent.

Business also means risk and profit. In business the name of the game is profit and profit is always accompanied by a certain degree of risk. In high-risk ventures one faces huge risk but hopefully can expect windfall profits. Handsome profits are likely to attract many potential investors. However, if you fail to assess risk properly, you are likely to suffer heavy losses and you may even find it impossible to recover from crisis. Even if you use creative accounting and try to cook the books, it may not help and in the worst case scenario you may even find that your company is at the edge of bankruptcy.

Sometimes a business organization is perceived as a big family in which we may have paternalistic leadership, junior and senior managers, junior and senior positions, a parent company, a mother company or a sister company. Many people think that an organization is like a living organism (head of department, new blood, fresh blood); sometimes they also attribute personality traits to a business organization (a company is open, responsible, friendly, and innovative).

Human resources are considered to be an important constituent in a successful business organization. Good employees are a valuable asset; they deserve an evergreen contract accompanied by a good pay package including many fringe benefits, and preferably a cafeteria plan. If they are high flyers they have a chance to go up the career ladder. If they are success-driven high performers they are likely to be promoted to higher positions and receive golden handcuffs. When they retire, they may receive a golden handshake.

The above examples of metaphors frequently used in the language of business show the significance of figurative expressions in real-life communication. They also demonstrate why figurative language cannot be ignored in ESP research. If we understand the role of metaphoric expressions in business communication, we can use them more skillfully in order to improve the effectiveness of communication. Business dealings can be easier if partners understand each other well.

3. Formal classes of business metaphors

Following Widdowson's principles of classification we can say that «generally speaking, things are classified in linguistics in much the same way as they are classified everywhere else: on the basis of similarity <...>. It is indeed of the very nature of language itself, as we have seen, that enables us to impose an order on things in the physical world by classifying them in conventionally convenient ways» [10, p. 30].

The examples of popular business metaphors (excerpted from the following sources: Longman Business English Dictionary, 2007, Cambridge Business English Dictionary and Thesaurus – [www: dictionary. cambridge. org / dictionary / british](http://www.dictionary.cambridge.org/dictionary/british) and Oxford Collocations Dictionary, 2008) presented below are classified alphabetically according to their structure into the following formal categories: one-word metaphors, two-word metaphors of four groups (noun + noun metaphors, adjective + noun metaphors, verb + noun metaphors, verb + adjective / adverb metaphors) and multi-word metaphors.

It is hoped that such a classification may contribute to a more detailed description of the most popular metaphors used in the language of business communication.

Category 1

– one-word metaphors:

anchor,
barometer, bubble, bundle,
canibalisation, cap, coffers, cowboy,
dilemma, dog, dormant,
entrant,
fence, fleece, float, flotation, flourish, flyer, friends,
gearing, ghost, giant, gilts,
hawk,
incubator, ink, intangibles,
jeep, jungle,
knock,
lemon, leverage, liaison, liquid, liquidity, listed, loaded,
magnate, maturity, mecca, melon, mushroom,
niche,
officer,
parachute, pet, prospect,
quotations,
recruit,
seconds, smurf, solvent, star, sweetener,
tangibles, the floor.

– compounds:

asset-stripping,
benchmark, boilerplate, bootleg, bottleneck, brainstorming, breadwinner, buzzword,
cheerleader, cherry-picking, concert party, crowdsourcing,
data-mining, down-market, down-shifter, deadhead, deadline, downtime,
fan club, featherbedding,
gatekeeper, go-slow, grapevine, greenback, greenfield, greenmail, greenwashing,
haircut, handshake, headcount, headhunter, hot-desking, hotline,
kickback, king-size, knockoff,
letterhead, lifeboat,
mailshot, money-grabbing, moneymaker, money-spinner, moonlight,
near-shoring, networking,
off-shoring, outsourcing, overshoot / undershoot,
paper-pusher, pathfinder, powerhouse, price-cutting,
redlining, rustbelt,
sandbag, shortlist, spin-off, start-up, sweatshop,

tombstone, troubleshooter,
up-market,
whistleblower, whitewashing.

Category 2

– noun + noun metaphors:

alpha shares, angel investor, asset chopping, asset stripping,
baby bond, balloon loan, bank holiday, barometer stock, bear market, bear squeeze,
bottom line, brand stretching, brain drain, bridge loan, bull market, business angel,
business park, buzz marketing,
cafeteria plan, capital flow, car pool, carbon credit, career ladder, career path, cash
cow, cash crunch, cash flow, ceiling price, chain store, comfort zone, compensation
package, corporate ladder, cost leader, cowboy builder, credit freeze, credit squeeze,
crown jewels,
daisy chain, danger money, daughter company, dawn raid, dead stock, debt
instrument, debt retirement, decision tree, discount window, distribution channel,
dole queue, dotcom company,
elevator pitch, equity kicker, escalator clause,
face value, factory floor, factory hand, field research, flagship store, flight capital,
flow production, food mountain, fringe bank, fringe benefits,
ghost worker, giveaway price, glamour stock, glass ceiling, gold mine, gold rush,
goodbye kiss, grace period, graveyard shift, gravy train,
halo effect, harvesting strategy, head office, headline inflation, helicopter picture,
highway robbery, household name, housing bubble, hush money, hygiene factor,
infant industry, insider trading, investment vehicle,
January effect, job bank, job hunting, jungle telegraph, junk bond, junk mail,
knockdown price,
lightening strike, line stretching, loan club, loan shark, lump labour, lump sum,
management guru, margin buying, market basket, market floor, market mechanism,
market niche, maturity date, media baron, media buyer, media mogul, milk round,
mission statement, money laundering, mystery shopper,
nest egg,
office park,
package holiday, paper millionaire, parent company, pathfinder prospectus, pay
freeze, pay squeeze, penetration pricing, people pill, pie chart, poison pill, preference
capital, press baron, price ceiling, price floor, price freeze, product family, product
lifecycle, product line, profit skimming, publicity stunt, push strategy,
question mark,
rat race, repayment holiday, ring road, rocket scientist,
salami slicing, sales war, Samurai bond, sandwich course, seed money, shadow
economy, shadow market, shark repellent, shoestring budget, shop floor, sin tax, sister

company, skimming pricing, street furniture, suicide pill, sunrise company, sunset sector, sunshine policy, supply chain,

tax haven, tax holiday, tax loophole, tax shelter, teaser ad, threshold effect, trade mission, turnkey contract, twilight zone,

umbrella fund, umbrella organization,

value chain,

Wall Street, wash sale, whistle blowing, windfall profit, windfall tax, window dressing, window shopping.

Category 3

– adjective + noun metaphors:

acid ratio, acid test, active market, ailing economy,

back door, bad debt, bad guy, bad title, bare bones, Beige Book, big hitter, blind test,

blue chips, boiler room, bottom line,

casual Friday, classified ad, clean hands, clean opinion, close company, cold call, congested market, creative accounting, creeping inflation, creeping takeover,

dead season, deep discount, deep pockets, dirty float, dirty money, dormant account,

Dutch action, Dutch bargain,

easy money, economic gateway, economic recovery, economic survival, economic tiger, emerging market, empty nesters, empty suit, exorbitant price,

fallen angel, flat demand, flat organization, flat tax, financial instrument, financial meltdown, financial standing, flexible hours, floor limit, friendly company, friendly merger, fresh money, frozen asset,

galloping inflation, global village,

hard asset, hard core, hard currency, hard sell, headed paper, heavy leverage, heavy selling, heavy share, heavy trading, high achiever, high flier, high performer, high season, high tech,

idle money, inflated bubble, inflationary spiral, invisible trade,

long / short position,

massive lay-offs,

naked contract, narrow market, narrow money, near money, negotiable instrument, late interest, leveraged buyout, lean organization, lean production, low season,

open cheque, open outcry, open shop, order picking,

predatory pricing, prohibitive price, pure profit,

quick buck, quick ratio,

rising / falling market,

safe haven, scrambled merchandising, silent partner, sinking fund, skyrocketing price, sleeping beauty, sleeping partner, slim majority, small print, smart card, soft currency, soft sales, sound economy, standing order, strategic decision,

Third World, tight budget, tight margin, top executives,

umbrella fund, useful life,
viral marketing, visible trade, voodoo accounting,
watered stock, weak dollar, weak economy, wet goods, wet lease, wide price.

Category 4

– verb + noun metaphors:

answer the phone,
be a steal, break the ice,
chair a meeting, change hands, cook the books, corner the market, cut costs, cut prices enter the market,
face a challenge, face a risk, fiddle the books, flood the market, fly a kite, forge an agreement,
gain a foothold, gain ground, get the axe, get the sack, go bankrupt, go downhill, go downmarket, go downscale, grease the wheels,
hammer a compromise, hammer the market, head north / south, hit the economy, hit the jackpot, hold the line,
jump ship,
keep the deadline,
launder money, lose ground,
make a fortune, make a killing, make a mint, make money, make profits,
meet a deadline, meet a debt, meet a target, meet demand, meet the specification, pave the way, penetrate the market, play the market,
quote the price,
split the difference, square the books, strike gold,
take the chair, take the floor, take the minutes, talk shop, trigger sales,
undergo a facelift,
win a market.

Category 5

– verb + adjective / adverb metaphors:

be listed, be quoted, be shortlisted, break even,
fall flat,
go bare, go broke, go bust, go downhill, go Dutch, go global, go green, go south, go private, go public, go slow, go under,
meet halfway,
nail down,
plough back,
swallow up,
turn private.

Category 6

– multi-word metaphors:

a deal on a handshake, against all odds, at the end of the day,

bargain-basement price, basket of currencies, be at arm's length, be at odds,
be at the edge of bankruptcy, be going places, be flat broke, be in the line of fire,
be in line with, be in short supply, be in the rocks, be in the saddle, be knocked
down,
be locked in a battle, be on the hook, be on the line, be open to offers, be out of
pocket,
be paid on the lump, be sitting on a goldmine, be up and running, bells and whistles,
blue-sky laws, bottom-up management, bread and butter, break-even point,
break into the market, bricks and mortar, bring home the bacon, burn your fingers,
bottom-down culture,
cap and collar, cash on tap, clean bill of lading, chain of command, clicks and
mortar, closed-end fund, cloud on title, cold hard cash, cost-push inflation, cut-throat
competition, cutting-edge technology,
dead cat bounce, dirty bill of lading,
egg-timer meeting,
factory-gate price, fall from grace, fast-moving consumer goods, fill or kill, firesale
price, first-tier shares, flight to quality, floor price, foreign currency translation, free
flow of funds, free-rein leadership style, from rags to riches, front-of-mind brand, fully-
fledged company, get in on the ground floor, go-go fund, go into liquidation, go into
partnership, go under a hammer, go with the flow, grease somebody's palm,
haemorrhage red ink, hands-on experience, hard-core unemployment, have a short
position in dollars, have sticky fingers, head of the department, hole-in-the-wall, hot-
selling product,
in high places, in private hands, in top / low gear,
jobs for the boys,
keep a tight rein on, keep your head above water, knock on / at the door,
lean and mean organization, lender of last resort, line of command, line your
pockets,
live from hand to mouth, long-tail claim, low-end product, lump-sum payment,
make ends meet, make or break, make-work job, me-too product, mom- and-pop
business, money at long, mover and shaker,
no-frills airlines,
off-the-books payment, off-the-peg product, on the house, open-door policy,
over-the-counter trading,
pay on the nail, people of independent means, peppercorn rent, play the first /
second fiddle, ploughed-back profit, put a log on, put your hands in your pockets,
race to the bottom, real-estate bubble, run into difficulties, run on a bank, run on
the dollar, rock-bottom price,
safe-haven currency, send under separate cover, shop floor worker, shortlisted
candidate, show of hands, sit on a goldmine, sky-high price, steer a middle course,

straight line method, super sinker bond, surrender an insurance policy, sushi bond, swallow price increases, tailor-made services, take over the reins, the rank and the file, throw money down the drain, top-hat pension, top-line goods, trailing spouse benefit, triple bottom line,

wage-price spiral, wheeling and dealing, white-shoe firm, widow-and-orphan stock, work long hours, work unsocial hours, worst-case scenario.

3. 1. Classification of popular business metaphors according to the underlying concept

In English for business communication we can distinguish several semantic classes of metaphors. Examples of popular high-frequency metaphors (other than those presented above but excerpted from the same source) are divided into five groups according to the criterion of the literary meaning of the concept underlying a given metaphor.

– Metaphors of war, fight and rivalry:

advertising blitz, advertising campaign, alliance, allies, attack, be on the prowl, beat the competition, bullet loan, campaign, careers officer, carpet bomb, chain of command, challenger, Chief Executive Officer, Chief Financial Officer, competitive edge, cut-throat competition, defense, defensive stock, fight, fight against pollution, fight for customers, fire, freelancer, headhunter, headhunting, headquarters, hostile takeover, industrial espionage, job hunter, Lady Macbeth strategy, line of command, meet the target, mission, mission statement, operations, operational plan, potential recruit, press officer, prey, price war, promotion campaign, recruit, recruiter, recruitment, sales target, strategic alliance, strategic goals, strategic partner, strategic target, strategy, surrender, survive, tactics, target, deal, task force, tax war, think tank, trade war, trigger sales, war chest.

– Game and sports metaphors:

blow, challenger, contender, fast tracker, front runner, game, game plan, hurdle, industry leader,

key player, knock-out,
lead the field, leader, leader price, leading-edge technology, level playing field,
lightweight entertainment, local / global player, lose sales,
management game, market leader, market follower,
outsider,
play hardball, price leader,
race, rules of the game, runner,
smooth sailing, stakeholder, stakes are high,
take a huge leap, team leader, team player,
win a new market, winner, win-win negotiations.

– **Body, health and medicine metaphors:**

baby bond, blood money, blood, sweat and tears, bloodletting, body language,
brain drain, brainstorming, brainwash,
cash injection, clean bill of health, collapse, company doctor, congested market,
cut prices to the bone,
earmark, economic growth, economic recovery, eyeballs,
face value, facelift, fresh blood,
growth stock,
haemorrhage, hands-on experience, head of the department, headed paper,
healthy economy, healthy profits,
incubator, infant industry, invisible hand of competition,
lean production, lean year,
make a recovery,
new blood,
organic growth,
poison pill, product lifecycle,
recover, recovery,
show of hands, slim majority, spin doctor, suffer losses, suicide pill, swallow up a
company, viral marketing,
weak economy, word of mouth.

– **Colour metaphors:**

be in the black, be in the red, big blue, black economy, Black Friday, black gold, black
hole, black knight, black market, black marketer, black Monday, black Thursday, blackleg,
blacklist, blackmail, Blue Book, blue chips, blue-collar workers, blue-sky laws,
blue-sky thinking, blueprint, brown goods, brownfield site,
create green jobs,
evergreen contract,
go green, golden boot, golden coffin, golden-collar workers, golden halo, golden
hammer, golden handcuffs, golden handshake, golden life jacket, golden opportunity,
golden parachute, golden scenario, golden share, green audit, green campaign,

green campaigners, green card, green currency, green energy, greenfield site, green-light, greenmail, greenshoe option, green shoots, greenwashing, grey goods, grey market, grey pound, grey power, pink-collar workers, Pink Pages, pink pound, pink sheets, pink slip, red carpet, red chip company, red-circling, red goods, red herring, red ink, red tape, silver parachute, white candlestick, white-collar crime, white-collar workers, white goods, White House, white label product, white knight, white pages, white paper, whitewash, Yellow Book, yellow knight, yellow pages, yellow sheets.

– **Animal metaphors:**

bear market, bull market, bulldog bond, cash cow, copycat product, deer market, dog, Economic Tigers, fat cat, gazelle company, gorilla, lame duck, loan shark, pet, rat race, shark, shark repellent, snail mail, stag, supercat, turkey, watchdog, wildcat, wildcat strike.

It is difficult to classify all metaphors used in the language of business communication into specific groups based on their underlying concepts. The list above, however, shows that the majority of the metaphors used in English reflect the concept that business is fight, war, battle, risk and rivalry on the market. Another popular class of business metaphors refers to business dealings perceived as game and sports. The number of body, health and medicine metaphors that refer to either a company, a market or an economy is also impressive.

The target domain we want to understand and present in a metaphorical way is either 'business' or 'business dealings' or 'business organization'. The source domain (e. g. fight, competition, game) is a way of presenting human experience accumulated over time and it tells us how difficult and competitive business has been in the Western world.

4. Selected characteristics of business metaphors

First, three important characteristics of metaphors need to be mentioned here: (1) metaphors allow for semantic compression of a given utterance, (2) some of them are good examples of universality of human thinking and (3) they are culture specific and language specific.

People generally follow the principle of economy when using language and some metaphors can indeed be used as tools of conveying compressed meaning. The principle of language economy can be exemplified by comparing the following two pairs of utterances:

In 2009 they went public.

– In 2009 they changed the legal structure of the company (transformed it from a private limited company into a public company by issuing shares and offering them to the general public for the first time in their history).

and:

– a business park

– an area of land where many companies have their buildings.

These two pairs of utterances show that by using metaphor we can compress the meaning of a phrase or even a sentence and additionally make our language more expressive, e. g. business angel, Black Friday.

The language of business communication contains numerous examples of universal metaphors that appear in many languages, e. g. those that show business as a fight or war. With figurative expressions people can convey the image of business dealings as fighting with competitors to win a market. It is interesting to learn that some military metaphors used in business English are also very popular in other languages e. g. business Polish and Russian. English military metaphors, e. g. advertising campaign, promotion campaign, long-term strategy, mission, price war, strategic alliance are also used as exactly the same metaphors in Polish, Russian and, most probably, in other European languages as well. The universality of metaphors of fight and rivalry in these languages probably results from the fact that the European and North American world of business has always been competitive and fighting with rivals is often a precondition of business success.

It needs to be stressed that metaphors are always connected with culture and mentality. There are metaphors which may be difficult to understand for non-native speakers because of different values, beliefs and a different way of thinking. If, for instance, business is believed to be more partner-oriented than transaction-oriented (as it is in e. g. Latin America, Arab countries or some Asian countries), then we may expect metaphors showing business as a long-lasting relationship and mutual trust rather than fight. Business partners will be treated as friends ready to support each other. Without knowledge of culture and traditions it is difficult to understand, learn and use some metaphors in a foreign language. If we do not share the same values and beliefs, we are not mentally ready and willing to use the metaphors whose underlying concepts are totally strange to us. This may pose a challenge to both business English teachers and learners.

Many metaphors are language specific. They can be used in one language only or in one group of languages. The fact that some metaphors are language specific supports

the idea that people think in words and make intellectual use only of words or word combinations that are accessible in their mother tongue. It is worthwhile to quote Widdowson's opinion that language «signs are arbitrary, and can therefore provide for abstraction: they enable us to set up conceptual categories to define our own world. It is this which enables human beings to be proactive rather than reactive: language does not just reflect or record reality, but creates it. Of course, the languages of different communities will represent different variants of reality, so the explanation of experience is a matter of cultural custom and linguistic convention» [10, p. 17].

One of the characteristic features of business metaphors is that many metaphors are expressed by extreme and dramatic adjectives (cut-throat, exorbitant, galloping, hard, massive, prohibitive, sky-high); there are also numerous metaphors using colours (especially black, blue, red, green, white, golden, e. g. black market, blue chips, red tape, green energy, white knight and golden handshake). The former suggests high emotional impact of metaphors, while the latter reflects the importance and symbolic value of colour when labelling things. For instance, in western Europe and North America white is the colour of innocence and black is often the colour of evil (something negative, e. g. Black Friday or illegal, e. g. black market). In the western hemisphere angels are white and the devil is black. In Japan, however, white is associated with death. In China red is the colour of good luck.

It should also be noted that metaphors nourish and stimulate our imagination. Therefore they have great commercial value and they are often used in communication between a seller and a prospective buyer, i. e. in sales pitch. Customers are persuaded to buy products that are user friendly, sophisticated, up-market, top-of-the-range, state-of-the-art, based on the latest cutting edge technology which is green, energy saving, and environmentally friendly.

For the same reason metaphors are also used in communication between a producer and a potential customer, i. e. in the language of advertising and promotion. Advertising slogans frequently use figurative expressions, e. g. LG – life's good!, Toshiba – in touch with tomorrow, Skoda – simply clever, or Rossignol – pure mountain company. This way they can better stimulate potential customers' imagination and make a greater impact on them. They can create a highly emotional attitude of a prospective customer towards a product or a brand. Additionally, they can convey more meaning than literary expressions used in advertising slogans.

Advertising slogans containing metaphors can promote a brand in a more suggestive and more powerful way. As a result, people tend to remember such advertisements more easily. A favourable brand image can be created faster provided the metaphor used in a slogan conveys additional attractive information about the advertised brand. As a result of an advertising campaign which skillfully makes use of metaphors in slogans, sales volume may increase significantly. It is therefore justified to

claim that a clever use of metaphors in advertisements may translate into better brand recognition and, ultimately, into higher profits.

5. 'Living' metaphors in business press – a corpus study

Metaphors are extremely popular in business magazines and journals. Yet, they are by no means confined to the language of journalism. They are also quite popular in many types of oral and written texts used in business communication. In very formal business texts, e. g. trade contracts, official business letters or reports, metaphors are relatively rare. Yet, one can find such popular metaphors as for instance: CEO, bad loans, leverage, targeting, product life cycle, product portfolio, strategy, mission, head office or headquarters even in extremely formal documents.

A small non-representative corpus of business articles published in the Wall Street Journal of 25 February 2012 was examined by hand and many interesting examples of figurative language were found there. The total number of metaphors found in the articles in that single issue exceeded 270 items. Some of them are well-established in the language of business communication (so called lexicalized, standard or 'dead' metaphors), while others are original and brand new (novel or 'living' metaphors). It is difficult to predict which of these new and still considered novel metaphors will be used in the future. Some will probably have an extremely short life span.

Metaphors come and go. In the language of business communication we can witness many lexicalized metaphors that have been used for years (e. g. face a challenge, cut prices, or lower prices). Today language users treat them as normal expressions forgetting that in fact the literary meaning of e. g. 'cut' has been replaced by a figurative meaning. We can witness many new metaphors that enter language every day. Only some of them are likely to be in general use for years to come, others will never be used again.

The list of 'living' metaphors excerpted from the Wall Street Journal corpus (25 February 2012), which is presented below, is by no means complete and includes only two selected conceptual categories, namely:

– **metaphors of war, fight and rivalry:**

come under fire, defeat for democracy, derail demand, enter rough political waters, EU executive arm, fight together to confront shared threats, put an economic gun to its own head, sparkle panic, standing up for the allies, triggered a diplomatic uproar, triggered a violent reaction, try similar tactics, veteran of the Obama campaign.

– **metaphors of body, health and medicine:**

backbone of the common currency, blistering report, bruising battle, flood of H1N1 flu, heal the wounds, market is being hurt, mix of insulin and sugar, options are painful, palpable anxiety, inject massive doses of stimulus, injected Nazi-era grievances, recovery room, states seem immune to, the war is the health of the state.

The list above shows that business journalists are very creative in inventing new metaphors (e. g. mix of insulin and sugar, palpable anxiety). They are also ready to experiment with old metaphors used in a new context (e. g. trigger a diplomatic uproar, derail demand). If the Wall Street Journal readers know the figurative meaning of trigger, they find it very easy to understand the meaning of a new metaphor in a new context.

Not only journalists but also politicians, scientists and celebrities create metaphors. The famous metaphor of the iron curtain was coined by Sir Winston Churchill, Iron Lady was a product of a popular Russian newspaper, and the road map metaphor was invented by the US army officers during the Gulf war. Product life cycle was introduced by the Boston Consulting Group specialists. Sometimes metaphors are created to name something new and important in a figurative way, e. g. a relatively new metaphor housing bubble is a product of the 2008 financial crisis, political tsunami appeared after the tsunami attack in Asia in 2009 while fiscal cliff is connected with the US budget deficit in 2013 (the metaphor was popularized by Ben Bernanke).

6. Discussion

Using metaphors adds authenticity to the language of business communication and enriches it. One fundamental question, however, that non-native speakers of English need to ask is what kinds of metaphors and which metaphors to use. It seems justified that only the metaphors that are well-established in the language of business communication should be used. Such well-established metaphors, which are no longer perceived as metaphors (e. g. we are open to suggestions, face a challenge, head office, make an offer, lower the price), deserve incorporation into the language of business communication. Non-native speakers are exposed to a variety of metaphoric expressions in authentic business texts. However, it seems reasonable that they should use the most popular, so called 'dead' metaphors only and try not to experiment with 'living' metaphors.

Business English users who are non-native speakers of English may sometimes find it difficult to understand and use some elements of figurative language. Many L2 users find it quite easy to recognize the figurative meaning of a metaphor, yet some are not sure about the context in which a given metaphor should be used. As a result, they refrain from using metaphoric expressions, especially multi-word ones which are more difficult to remember. They also tend to avoid those metaphors that do not resemble the metaphors used in their mother tongue.

Sometimes non-native business English speakers cannot understand a metaphor because the words in it are from a different area of ESP. For instance health metaphors used in business communication may be difficult to understand because of medical vocabulary items they contain (e. g. 'backbone', 'blister', 'bruise', 'palpable', 'recovery room' found in the Wall Street Journal corpus). These vocabulary items are perfectly well understood by all native speakers (not only by medical professionals), yet they may

be problematic for non-native business English users. It seems to suggest that poor knowledge of vocabulary may be an obstacle to understanding metaphoric expressions.

Metaphor is often treated as a peripheral rather than central part of language description. Metaphor is, however, a natural and frequent component of business communication and it deserves attention [3, 5, 6]. The paper presents over 500 most popular 'dead' business metaphors and classifies them according to (1) their formal structure and (2) the concept underlying a given metaphor. It is hoped that the presented categorization of popular metaphors may be helpful in a better description of business English. It is also hoped that the paper may contribute to increased awareness of the importance of figurative language in business communication.

References

1. Cortazzi, M., Jin L. *Researching and applying metaphor*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.
2. Cameron L., Low G. *Bridges to learning: researching and applying metaphor*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. P. 149–176.
3. Henderson W. *Metaphor, economics and ESP: some comments // English for Specific Purposes*. 2000. Vol. 19. P. 167–173.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
5. Coady J., Huckin T. *Pedagogical implications of the lexical approach: second language vocabulary acquisition*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. P. 273–290.
6. Littlemore J., Low G. *Figurative thinking and foreign language learning*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2006.
7. Cameron L., Low G. *Series editors' preface, researching and applying metaphors*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. P. X–XI.
8. Richards J., Schmidt R. *Longman Dictionary of language teaching & applied linguistics*. 3rd ed. Harlow: Longman, 2002.
9. Thornbury S. *Metaphors we work by: EFL and its metaphors // ELT Journal*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. Vol. 45, № 3. P. 193–200.
10. Widdowson H. G. *Linguistics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.

Э. Джендрих

**Терминология в учебниках по языкам для специальных целей:
квантитативный метод оценивания**

Эффективность обучения среди прочего во многом зависит от качества учебного материала, его содержания и дидактической направленности. Преподаватели языков для специальных целей выбирают учебники и дополнительный материал, руководствуясь собственной интуицией и опытом. Квантитативные исследования языка сегодня являются современным методом, который предоставляет объективные данные для выбора необходимого дидактического материала. В статье приводится терминологический индекс аутентичных деловых текстов, проводится его сопоставление с индексом текстов популярных учебников по деловому английскому языку и указывается на необходимость дальнейших исследований, результаты которых могут послужить мощным источником информации для авторов учебников и для преподавателей – пользователей учебников.

Ключевые слова: курс обучения языку для специальных целей, параметрический анализ текста, учебные материалы

Elzbieta Jendrych

**Terminology input in ESP course-books:
quantitative evaluation method**

The effectiveness of any teaching process depends, among other determinants, on the quality of input material and didactic relevance of teaching materials. ESP teachers try to select course-books and supplementary materials which can teach better than others. What criteria of selection do they use? Intuition and experience. Both may certainly be useful but they cannot give the hard evidence that quantitative language studies provide. Today, this hard evidence is needed more than ever before because the world of business is dominated by English and students' language competence translates into their employability and better career opportunities. The effectiveness of business English courses could be increased if coursebooks contained didactic texts with high exposure to core business terminology. The paper discusses the use of a parametric text analysis as a quantitative research tool measuring the teaching qualities of didactic texts. The aim of the paper is to (1) present the terminology index in authentic business texts, (2) compare it with the terminology indexes measured in several popular business English course-books, and (3) to stress the need of further studies into didactic relevance of teaching materials the results of which can be used as a powerful source of information for course-book writers and teachers. Additionally, the paper discusses the impact of high and low terminology index on lesson planning and task design.

Keywords: ESP courses, parametric text analysis, teaching materials

1. Introduction

Today business English teachers need materials that can help learners achieve good communicative competence in a shorter period of time. This holds true not only to business English courses but also to all English for Specific Purposes (ESP) courses and, more generally, to all Language for Specific Purposes (LSP) courses. Adult learners look for courses which can help them learn the language faster and they are willing to choose the courses that are more effective [see 13, p. 7]. The effectiveness of business English courses depends on many factors, with teaching materials being the factor that can be significantly improved in a relatively short period of time [3, p. 18]. In order to produce more effective teaching materials we need a better insight into the language input they actually contain. To do that we need information on how the language used by course-book writers compares to the language used in real-life business communication.

Effectiveness of ESP courses can also be improved if language teachers teach their students how to achieve not only linguistic competence but also sociolinguistic competence and pragmatic competence. It translates into teaching social skills and social language appropriateness, teaching transferable business and management skills, as well as making students aware of cultural differences and ethical issues.

The aim of the paper is to present a research tool that can help increase didactic relevance of teaching materials. The paper discusses the significance and practical implications of parametric text analysis carried out specifically for teaching purposes. Finally, it deals with the methods of increasing students' communicative competence in business English courses.

2. Research tool that can help increase didactic relevance of teaching materials

There is a quantitative research tool that can be used to evaluate and possibly increase the didactic relevance of teaching materials: a parametric text analysis [10]. This tool is reliable since it produces unbiased quantitative data and the data can easily be incorporated into the teaching practice.

We need extensive research into authentic language use in order to identify all the core language elements that appear in real-life business communication of today. We need to research authentic texts which represent the language that specialists in business, management and economics use when communicating in professional situations.

Another important issue is how to assess course-books and supplementary materials in terms of their language content. How much new professional language input can students receive using a particular course-book? The parametric text analysis is an instrument that can help teachers assess the didactic value of course-books and supplementary teaching materials [10]. This instrument can discriminate texts on the

grounds of the specialized language input they contain. Both course-book writers and teachers are encouraged to make use of the parametric text analysis as it helps to decide how much professional language to introduce at a particular stage of a course and which European Framework of Reference for Languages (CEFR) level a given course-book or supplementary materials are suitable for [1, p. 17].

Despite the fact that many language course-books published recently do provide students and teachers with the information on the CEFR level they aim at, a more in-depth analysis of their specialized lexical input seems to suggest that the choice of characteristic elements of business English is not satisfactory (at the declared CEFR level). In most cases this selection is incidental or based on experience or intuition of course-book writers rather than on quantitative studies.

Today, business English course-book writers do not make use of the parametric text analysis. If the effectiveness of business English courses is to be maximized, course-book authors and teachers need quantitative evidence on which language elements to prioritize [16; 6; 8]. Swan says that it is now becoming increasingly necessary to supplement and revise what we are teaching [15].

Therefore, it is necessary to carry out quantitative didactic text analysis on teaching texts in all ESP course-books. With the parametric text analysis, course-book writers can produce better quality teaching materials that will expose students to core business specific terms very early in the course. Teachers will be able to prioritize these elements in the teaching practice and students will be able to concentrate on things they will need most when communicating in real-life business situations.

The use of the parametric text analysis will allow course-book writers to measure the concentration of business specific language elements and to grade it according to students' language competence (CEFR level). It will also allow for controlling the number of newly introduced specialized language elements and monitoring their repetition rate. The use of this research tool in studies carried out for teaching purposes will be presented in greater detail in the next part of the paper.

3. Parametric analysis of didactic texts carried out for teaching purposes

When we talk about language for specific purposes, we feel that specialist terminology is one of the main factors that distinguish it from general language. It seems justified then to pay great attention to specialized terminology and specialized lexical items that a particular variety of ESP needs most frequently. Specialized terminology is perhaps the most important single factor that makes a quantum of difference between general language and language for specific purposes.

Since we analyze the frequency of core business terms with the aim to prioritize them in courses of business English, it seems to be a good idea to start with a definition of key terms. According to Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics, key terms are «the special lexical items which occur in a particular discipline or subject

matter» [14, p. 545]. The definition of a technical word / technical term in Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics says that it is «1 a word whose occurrence is limited to a particular field of domain and which has a specialized meaning. <...> 2 a common word that has a specialized meaning in a particular field, such as significance in statistics» [14, p. 544]. Lukszyn and Zmarzer [11] give a definition of a term as an area-specific lexical item the meaning of which can be very clearly defined and which can be used in specialized texts in professional communication. When analyzing business texts, it is evident that this quality makes terms the core elements of the language for specific purposes which students should learn.

A corpus of texts contained in business English course-book was analyzed by means of a quantitative study – the parametric text analysis developed and advocated by Lukszyn [10]. The parametric text analysis allows for the measurement of the terminology index in a specialized text or a collection of texts. Thus, it gives the teacher precise and reliable quantitative information on the text in terms of its terminology input – the quality that is crucial when assessing the didactic value of texts in business English course-books. The parametric text analysis can also be used by language teachers who wish to take the decision on what supplementary materials to include in a particular course and at what stage.

The method of measuring the terminology index (the parametric analysis of specialized texts) was applied to examine business terminology input in five popular business English course-books (B2 CEFR level) published recently. The results of the study revealed that the texts in the course-books seemed to have low terminology indexes (0.06–0.12). In authentic business texts the terminology index is relatively high and amounts to 0.25 [10]. It fluctuates slightly depending on the genre, the type of text, the subject matter, the intended audience / reader and the author, but it is, generally speaking, two to four times higher than that identified in the business English course-books.

It may suggest that students using these books will not be able to learn many business terms and that their lexical competence will not improve as much as it could if the terminology indexes were higher. Therefore, in order to enrich the terminology used in the recently published business English course-books, it seems advisable to find authentic supplementary texts with a high terminology index and include them into the course. It, however, makes the teachers' work more difficult and time-consuming.

McGrath is of the opinion that «many language learners have problems expressing themselves not because their grammar is weak but because they have a limited vocabulary» [12, p. 98]. This statement is particularly significant when designing teaching materials for ESP courses – if their terminological and lexical input is limited, learners' progress cannot be satisfactory, even if the course-books are otherwise very useful and attractive.

It seems that business English course-books with a higher terminology index could be more effective in teaching upper-intermediate and advanced students. Most likely

they will take away the additional burden of supplementation from business English teachers and will be perceived as much more effective by adult students. Higher concentration of business specific terminology will result in both greater exposure of students to new business terms and in more intensive 'recycling' of the newly acquired terms.

The study confirms that without quantitative methods it is difficult to assess which course-book can teach business terminology better than others. In a comparative study aimed at assessing the terminology index in another group of business course-books it was demonstrated that it is possible to write a course-book of business English with a higher terminology index. In two business English course-books (for B2 CERF level students) the index was found to be very close (0.24) to that in authentic business texts (0.25). It can be hoped that the effectiveness of the language learning / teaching process based on teaching materials with high terminology indexes will increase significantly. Yet, it needs to be examined and confirmed by comparative studies.

Below you can find short fragments of about 100 running words each taken from four different units of Business Topics [7, p. 9, 115, 244, 255]. These fragments show the differences between very low, low, medium and very high terminology indexes in texts targeted at B2 adult pre-experienced students (business specific terms are written in italics).

1. Very low terminology index: 0.10

Why do people need international trade? Let's start with the following statement: no country can be self-sufficient, which means that it cannot produce all the goods its citizens need because it hasn't raw materials or goods produced in other countries are cheaper or better. Because of climate bananas grow in Africa but not in Canada. Brazil can produce coffee, Norway can't. This is called absolute advantage. The next question is why many people prefer German cars to Korean cars. Probably because German cars are considered to be more reliable and safer. The Germans have a longer tradition of car manufacturing.

2. Low terminology index: 0.16

Once a trade contract has been signed, it is legally binding. A contract is a written confirmation that an order has been placed with the seller at the price quoted (together with the discounts that have been granted). If the terms and conditions of the contract are not met by one party to the contract, e. g. when the delivery dates have not been kept or when settlement has not been made in due time, we talk about a breach of contract – a violation of a valid contract. In such a situation, stipulated penalties can be used, or – in more difficult cases – legal action can be taken and the matter taken to court.

3. Medium terminology index: 0.20

There are three basic types of a national economy: free economy, controlled economy and mixed economy. Ownership and allocation of resources are the key

determinants here. If resources are owned and allocated by individuals (whose decisions are based on the market forces of supply and demand), the economic system is classified as a market economy or free economy. At the other extreme, all resources are owned and controlled by the state. This type of economy is called a centrally planned economy, controlled economy or command economy. In a state controlled economy it is the government who owns the means of production.

4. Very high terminology index: 0. 65

A contract of employment usually includes a job title and a job description. It also includes information on the rate of pay, gross pay, tax deductions, net pay and frequency of payment. The contract should also include the date of commencing work, the length of notice of leaving, disciplinary rules, and optionally also grievance procedures, holiday entitlement, medical plan, pension scheme contributions, sickness benefits and trade union subscriptions. A remuneration package may contain the following: (1) basic pay – hourly rate, flat rate, piecework, pay-for-performance; (2) bonuses and incentives, (3) fringe benefits / perks, (4) benefit schemes.

The fragment with a very low terminology index (0. 10) can easily be used with less advanced students, e. g. A2 and B1, or it can be useful as a warm up text, or when the emphasis is not on terminology but on other learning goals. Its didactic value in terms of vocabulary teaching is not appropriate for more advanced students. The fragment with a medium terminology index of 0. 20 is more appropriate for B2, while the last fragment with a very high terminology index is more suitable for C1 students or for tasks aimed at vocabulary exposure or expansion at B2 level.

An excessively high terminology index (as the one in the last fragment) can be counter-productive and can result in students' dissatisfaction and lack of motivation due to extremely condensed new vocabulary input which may be discouraging for students. Business course-book writers and teachers need to be extremely cautious: lower competence level course-books generally require lower business terminology input whereas at the higher levels students will benefit more if the terminology index is higher. It can be tentatively claimed that at B2 and C1 CEFR levels the recommended terminology index in effective business English course-books should, on the average, fluctuate at the level of 0. 20–0. 25.

Practically, comparing the fragments above we can see that the terminology index varies in from one text to another or from one lesson to another depending on how the material is gradated and what particular teaching / learning goals the text is expected to focus on. However, the fragments presented above demonstrate how important the measurements of the terminology index can be in taking the decision on which materials to incorporate in a particular ESP course.

When we examine these four fragments more carefully, we can see that the second fragment, although not very rich in business terminology, contains a lot of business collocations, e. g. a breach of contract, grant a discount, legally binding, make the

settlement, stipulated penalties, valid contract and routine phrases, e. g. in due time, keep the delivery dates, meet the terms and conditions of the contract, party to the contract, place an order with, sign a trade contract, take legal actions, take the matter to court. Hence, its didactic relevance may be higher than its terminology index suggests because students can learn many useful collocations and routine formulae. Obviously, saturation of a text with business specific terms cannot be the only criterion of measuring the didactic properties of a text. Collocations, routine language formulae and other language elements are also extremely important in teaching business English.

Another important aspect which needs to be considered when using the terminology index as an instrument of measuring the intensity of business specific terms in a given text or course-book is the proportion of term types and tokens contained in it (type – token ratio). Fragment three above contains twenty business terms: ten tokens of 'economy' used independently and in eight different word combinations, three tokens of 'resources', two tokens of 'allocate resources' and only one token of 'market forces', means of production', 'demand' and 'supply'. The number of types in fragment three is much lower than the total number of business terms and amounts to seven only. This fact will certainly have its pedagogical repercussions in the teaching practice.

When evaluating the terminology index in supplementary teaching materials, teachers do not need much time. A simple but useful method is to mark all business terms and assess them in terms of quality, quantity and repetition rate. Measuring the terminology index in a course-book is time consuming but may prove to be valuable if we wish to make our courses more effective.

Another important consideration is how this new terminology is 'recycled' in the teaching process – students who are exposed to a particular business term (type) only once or twice are not likely to memorize the term and, what is more, to use it in an active way when speaking or writing. Repeated exposure to and controlled use of each business term (i. e. the number of tokens of each type) help students memorize the term; that is why it is important that a course-book can supply students with a high number of tokens since otherwise students will find it more difficult to memorize and use the term.

Students need examples of how the term functions in language, how it collocates, in which types of business discourse it can be used, etc. Here the role of ESP teachers is paramount. They are expected to help students not only memorize business terms but also teach them how to use the terms correctly.

4. Discussion

Today, effective language teaching and learning requires teaching materials that prioritize core business terms, business lexis items and other elements that are most typical of the language of business. These highest-frequency language elements should

be included in business English course-books and other supplementary materials prepared by teachers.

Without quantitative studies carried out for ESP teaching purposes, the language content of teaching materials is often incidental or even irrelevant from the didactic point of view. As a result students do not learn the things they will need most in business communication and they complain that courses are not effective and fail to meet their expectations.

Business English students and future business people «need English to do business, not just to talk about business» [4, p. 8]. For them, doing business in the increasingly global and fiercely competitive business environment of today is practically impossible without a good command of English. When teaching business English, we need to cater for the needs of both those who do / will do business (e. g. business people, entrepreneurs, managers, sales people, advertisers, investors) and those who talk / will talk about business, (e. g. pre-experienced business students, economists, market analysts or management consultants).

Effective use of business English is a difficult and complex goal for non-native speakers. It includes many elements: good linguistic competence, use of job-related terminology and phraseology, as well as social skills, interpersonal skills and communication skills, use of proper structures, style, tone and body language. Business and management skills are also essential in successful business dealings. It does not, however, suggest that the role of core professional vocabulary and phraseology is becoming less important. On the contrary, it seems that more and more students and teachers understand the crucial role of core professional terminology and phraseology in second language acquisition. This view is supported by many linguists who recognize and emphasize the crucial role of lexis and terminology in the development of linguistic competence [2; 5; 9].

Summing up, quantitative language studies can significantly improve the quality of teaching materials by providing course-book authors with solid evidence of what to teach. The parametric text analysis (the terminology index measurement) can be a useful instrument in material gradation and course-book selection. Teachers can also incorporate task-based learning and non-linguistic language components into their courses to make them more adjusted to the future needs of their learners. Since English is the lingua franca in today's globalized world, business people understand that they cannot do business without good communicative competence in English and they want teachers to maximize the effectiveness of language courses.

The suggested new teaching materials with a higher terminology index are expected to satisfy students' needs better and faster than traditional materials with a low terminology index. To prove that, however, new research comparing the effectiveness of the traditional materials with the new teaching materials is needed.

References

1. Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. 260 p.
2. Donna S. Teach Business English. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. 370 s.
3. Simpson-Vlach N. R., Ellis N., Maynard C. Formulaic language in native and second language speakers: psycholinguistics, corpus linguistics, and TESOL // TESOL Quarterly. 2008. Vol. 42, № 3. P. 375–396.
4. Frenco E. How to teach Business English. 3rd ed. Harlow: Longman, 2007. 162 p.
5. Grucza S. O konieczności tworzenia korpusów tekstów specjalistycznych // Podstawy technolingwistyki. Warszawa: Wyd. EuroEdukacja, 2008. P. 197–224.
6. Harmer J. The practice of English language teaching. 3rd ed. Harlow: Longman, 2003. 370 p.
7. Jendrych E., Wiśniewska H. Business Topics. Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008. 271 s.
8. Johnson K. An introduction to foreign language learning and teaching. 2nd ed. Harlow: Longman, 2008. 378 p.
9. Komorowska H. Metodyka nauczania języków obcych. Warszawa: Fraszka Edukacyjna, 2005. 272 s.
10. Lukszyn J. Parametry analizy tekstów specjalistycznych // Podstawy technolingwistyki. Warszawa: Wyd. EuroEdukacja, 2008. P. 182–196.
11. Lukszyn J., Zmarzer W. Teoretyczne podstawy terminologii. 2nd ed. Warszawa: KJS UW, 2006. 189 s.
12. McGrath A. Materials evaluation and design for language teaching. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2002. 328 p.
13. Problemy współczesnej dydaktyki języków obcych / pod red. M. Pawłaka, M. Derenowskiego, B. Wolskiego. Poznań: Uniw. im. Adama Mickiewicza; Kalisz: Wydział Pedagogiczno-Artystyczny UAM, 2009. 445 s.
14. Richards J. C. Longman Dictionary of language teaching and applied linguistics. 2nd ed. Harlow: Longman, 1996. 423 p.
15. Swan M. What is happening in English? // English teaching professional. 2005. Vol. 40. P. 4–6.
16. Thornbury S. How to teach vocabulary. Harlow: Pearson Education: Longman, 2002. 185 p.
17. Widdowson H. G. Linguistics. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. 134 p.
18. Zmarzer W. Dydaktyczne aspekty badań terminologicznych // Podstawy technolingwistyki. Warszawa: Wyd. EuroEdukacja, 2008. P. 183–187.

Е. Ю. Хрисонопуло

**Особенности употребления служебных слов
в официально-деловом дискурсе Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО:
на материале Конвенции об охране всемирного культурного
и природного наследия 15 мая 2015 г.**

В работе исследуются функциональные свойства служебных слов в официально-деловом дискурсе Комитета всемирного наследия, в частности, факторы контрастивного употребления английских предлогов в составе именных словосочетаний и входящих в них синтаксем. Анализ языковых данных свидетельствует в пользу того, что выбор того или иного предлога при оформлении объектных и субъектных синтаксем мотивируется характером когнитивно-дискурсивной категоризации референтов знаменательных слов, входящих в словосочетание, а также указанием на определенную когнитивную операцию, обусловленную конкретным контекстом осуществления дискурсивной деятельности.

Ключевые слова: официально-деловой дискурс, служебное слово, предлог, синтаксема, категоризация

Ekaterina Y. Khrisonopulo

**Properties of function words in business discourse
of UNESCO World Heritage Committee:
with focus on Convention Concerning Protection of World Cultural
and Natural Heritage May 15, 2015**

The proposed paper aims to reveal the properties of function words in business discourse of the World Heritage Committee, in particular, motivations for contrastive uses of English prepositions as parts of nominal phrases and their embedded syntaxemes. As evidenced by linguistic data, the choice of a particular preposition intended to introduce objective and subjective syntaxemes in a phrase is motivated by the nature of the cognitive-discursive categorization of the referents of notional words that constitute a phrase and by pointing to a particular cognitive operation which is anchored in the context of a discursive activity.

Keywords: business discourse, function word, preposition, syntaxeme, categorization

Особенности текстов, принадлежащих к различным функциональным стилям или типам дискурса, являются традиционным объектом исследования в функциональной стилистике, теории текста и дискурса. Тексты, которые представляют официально-деловой дискурс, не составляют в этом плане исключения. В частности, на материале английского языка основные языковые характеристики официально-делового дискурса освещаются в работах И. Р. Гальперина [2, с. 312–319], Ю. М. Скребнева [7, с. 183–194], В. В. Гуревича [3, с. 17–19] и других авторов. Вместе с тем, в контексте достаточной изученности функциональных свойств лексических

единиц в официально-деловом дискурсе, а также разработанности тематики, связанной со стилистическими характеристиками деловых текстов, недостаточно исследованными остаются закономерности употребления в подобного рода текстах служебных слов, которые, в свою очередь, играют немаловажную роль в семантико-синтаксической организации высказывания [см., например: 1, с. 67] и, следовательно, выполняют значительную нагрузку в плане формального и смыслового структурирования дискурса в целом. Служебные слова, как правило, исследуются на примере отдельных высказываний, безотносительно к типу дискурсивной деятельности, в которой они используются (см., напр., сборник [6] по исследованию семантики предлогов на материале различных языков).

Учитывая недостаточную изученность функциональных свойств служебных слов в официально-деловом дискурсе, в настоящей работе ставится цель выявить особенности употребления языковых единиц, принадлежащих к служебным частям речи, на примере документации Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО (World Heritage Committee), ссылка на которую будет в дальнейшем даваться в сокращении WHC. Следует отметить, что официальными языками Комитета являются английский и французский. В центре внимания настоящей работы будет находиться документ на английском языке «Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage» («Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия»), утвержденный 15 мая 2015 г. в Париже [10]. В целом, объем документа достаточно большой и составляет 168 страниц. В структурном отношении документ включает в себя две основные части, содержащие информацию о состоянии сохранности объектов природного и культурного наследия. Каждая часть, в свою очередь, состоит из разделов, выделяемых по принципу местонахождения и государственной принадлежности культурных и природных объектов. В рамках конкретных разделов по природным (в первой части) и культурным (во второй части) объектам содержится три типа документации: (а) общая характеристика объекта природного или культурного наследия; (б) анализ состояния сохранности объекта; (в) проект резолюции Комитета всемирного наследия по проведенным и предстоящим работам на объекте. Языковые особенности официально-делового дискурса в наибольшей степени проявляются в третьей части каждого раздела, т. е. в текстах резолюций по объектам всемирного наследия. Это выражается, в частности, в регулярном использовании клишированных синтаксических конструкций, с помощью которых оформляются, главным образом, ассертивные и директивные речевые акты, как в примерах (1) и (2), соответственно:

(1) Notes the progress made with controlling illegal constructions, the maintenance and conservation works <...> [WHC, p. 127].

(2) Requests furthermore the State Party to submit to the World Heritage Centre <...> an updated report, including a 1-page executive summary, on the state of conservation of the property <...> [WHC, p. 128].

В связи со специализированным характером дискурса, представленного в текстах резолюций, в дальнейшем будут анализироваться служебные слова, употребляемые именно в этом типе текстов, в частности, в резолюциях по объектам культурного наследия, находящихся в странах Европы и Северной Америки [10, с. 127–156].

Поскольку тексты резолюций в целом сходны в структурно-семантическом и стилистическом отношении, представляется целесообразным сделать краткий обзор использования служебных слов на примере одной резолюции, которая была принята на основании состояния сохранности Московского Кремля и Красной площади [10, с. 144–145]. В целом, в резолюции содержится 410 слов, третья часть которых (общей суммой 153 единицы) представлена служебными словами. Среди служебных слов, используемых в тексте резолюции, наибольшим количеством словоупотреблений отличаются артикли (58) и предлоги (52). Наименьшее количество употреблений приходится на служебные глаголы, которые используются два раза. Средней частотностью использования в синтаксических структурах характеризуются союзы (25) и частицы (17). С точки зрения функциональных характеристик, большинство упомянутых служебных слов, а именно, артикли, союзы и частицы не обнаруживают каких-либо особенностей, которые бы существенно отличали их использование в анализируемом типе дискурса от употребления в текстах, представляющих другие функциональные стили. Вместе с тем, функционирование предлогов отличается не только высокой частотностью, но и широким диапазоном вариативности в составе синтаксиса.

По определению Г. А. Золотовой, синтаксемой называется «минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических конструкций, характеризующаяся, следовательно, определенным набором синтаксических функций» [4, с. 4]. Как показано в работе А. М. Мухина [5], в английских предложениях синтаксемы, как правило, оформляются в виде сочетаний предлогов с последующим существительным либо именной группой. В анализируемых текстах резолюций наиболее частотно употребляемым предлогом является предлог *of*. Высокая частотность его использования в составе словосочетаний и включенных в них синтаксис вполне объяснима, если учитывать обобщенность передаваемого им значения, которое, по мнению Р. Лангакера [11], реализуется в указании на наличие «внутренней взаимосвязи» (*intrinsic relationship*) между референтами соединяемых с помощью предлога именных групп. Отличительной особенностью предлога *of* при его употреблении в анализируемых

текстах является его корреляция с другими предложениями в составе словосочетаний при оформлении объектных и (реже) субъектных синтаксем. Речь идет о корреляциях типа *inform of / on the development of the project, details of / on / for the project, a plan of / for the property, deterioration of / to historic buildings, evaluation of / by the committee*. Рассмотрим факторы вариативного использования синтаксем с предлогом *of* в представленном порядке.

Одним из случаев наиболее сходного, на первый взгляд, употребления предлогов *of* и *on* является их использование в составе объектных синтаксем в контексте предиката *keep informed*. Например:

(3) Requests the State Party to keep the World Heritage Centre informed **of** the state of conservation of the property <...> [WHC, p. 133].

(4) <...> requests the State Party to keep the World Heritage Centre informed **on** the development of the project [WHC, p. 156].

Несмотря на явное сходство семантико-синтаксической дистрибуции предлогов *of* и *on*, а именно, тождественности левосторонней сочетаемости и тематической близости правосторонних номинаций (речь идет об информировании по поводу состояния объекта и разработки документа по сохранению объекта), общий контекст требования информировать Комитет всемирного наследия в двух рассмотренных случаях не вполне совпадает. Так, использование с предикатом *keep informed* предлога *of* имеет место в контексте положительного отзыва о культурном объекте, в то время как употреблению с этим же предикатом предлога *on* предшествует выражение озабоченности по поводу обсуждаемого положения дел. Кроме того, предлог *on* употребляется в контексте требования дважды, вследствие чего возникает импликация **направления внимания адресата на** (*focus on*) те моменты, о которых идет речь:

(5) Also notes with serious concern that no reconsideration has been made **on** the Elizabeth House development scheme <...> and requests the State Party to keep the World Heritage Centre informed **on** the development of the project [WHC, p. 156].

Смысл «направление внимания» возникает у предлога *on* в контексте глагола *inform* отнюдь не случайно. Данный глагол содержит в своем значении указание на включенный актант, т. е. на содержание, которое передается при информировании. В лексикографических источниках, в частности, в электронных словарях *Collins English Dictionary (CED)* [9], *Cambridge Dictionaries Online (CDO)* [8], *Merriam-Webster Dictionary (MWD)* [13], *Macmillan Dictionary (MD)* [12] смысл «содержание» передается в дефинициях глагола *inform* такими словами, как *information, facts, essential quality*, сравним:

(6) <...> to give **information** to <...> (CED); to tell someone about particular **facts** (CDO); to give **information** to (someone); to be or provide the **essential quality** of (something) (MWD); to officially tell someone something, or to give them **information** about something (MD).

Как следует из приведенных дефиниций, ключевым словом в экспликации смысла «содержание» является существительное *information*, которое, в свою очередь, имеет собственную объектную валентность, выражаемую в ряде случаев с помощью предлога *on*. Об этом свидетельствуют данные таких словарей, как *Oxford Learner's Dictionaries (OLD)* [14], а также *CDO* [8] и *MWD* [13]:

(7) For further information **on** the diet, write to us at this address (OLD); Do you have any information about / **on** train times? (CDO: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/information>); The pamphlet provides a lot of information **on** recent changes to the tax laws (MWD).

Сказанное выше подводит к предположению о том, что предлог *on* в сочетании с предикатом *keep informed*, с одной стороны, эксплицирует объектную валентность включенного актанта глагола, а именно, сосредоточенность передаваемой информации на определенном содержании (*information on*), с другой стороны, – непосредственно указывает на это содержание в рамках сочетания предиката с объектной синтаксемой. Указание сосредоточить внимание на определенном содержании (*keep informed on*) звучит вполне уместно в контексте выражения озабоченности и настоятельного требования. Напротив, при выражении похвалы в примере (3), где объектная синтаксема предиката *keep informed* вводится предлогом *of*, осуществляется указание на отмеченную Р. Лангакером внутреннюю взаимосвязь между двумя сущностями, в данном случае – между передаваемой информацией (*keep informed of*) и состоянием сохранности объекта (*the state of conservation of the property*). Иначе говоря, предлог *of* имплицитно указывает, что передаваемая информация предназначена быть **эмпирически доступной** совокупностью данных об обсуждаемом в документе объекте.

Предлоги *of* и *on* дифференцируются аналогичным образом в именных словосочетаниях с существительным *details*. Следует отметить, что в анализируемых текстах данное существительное сочетается с объектной синтаксемой при употреблении предлога *of* пять раз, в то время как сочетаемость с предлогом *on* встречается только один раз. Приводимые ниже два предложения могут служить иллюстративным примером контрастивного употребления предлогов:

(8) Further requests the State Party to <...> provide details **of** the project <...> [WHC, p. 127].

(9) Also requests the State Party to provide information **on** the Nelbock Viaduct Rainerstrasse / Bahnhofsvorplatz project as well as details **on** the Residential Building Priesterhausgarten <...> [WHC, p. 130].

Употребление предлога *of* в примере (8) способствует интерпретации существительного *details* как совокупности информационных данных, которые призваны составить эмпирически доступную область из (*of*) общего представления о проекте реставрации культурного объекта. Напротив, предлог *on* в примере (9) сигнализирует, что информационные данные (*details*) трактуются в высказывании в качестве материала, который фиксирует внимание на (*on*) статично осмысляемых характеристиках культурного объекта (в данном случае здания). Смысл «статичность», который в данном примере естественным образом ассоциируется с номинациями объектов, отнюдь не означает, что предлог *on* накладывает ограничение на сочетаемость с событийными наименованиями. Так, в примерах (4) и (6) этот предлог имплицитно сосредоточенность внимания на таких событиях, как разработка (*development*), время прибытия и отправления поездов (*train times*), изменения (*changes*). Вместе с тем, предлог *on* в каждом случае имплицитно, что последующее слово представляет обозначаемый предмет либо событие как относительно **статичный объект направленной на него перцептивной и / или мыслительной деятельности**, в данном случае концентрации внимания. Предлог *of*, в отличие от *on*, фиксирует не объект внимания, а некоторую предметную или событийную область, внутренне связанную с предметом либо явлением, которые представляют эту область в эмпирически данной реальности. Поскольку информационная совокупность данных, именуемая в английском языке словом *details*, в деловом дискурсе в большей степени связывается именно с эмпирическим объектом, относящимся к определенной информационной области, то и более высокая степень частотности сочетаемости этого слова с предлогом *of* (по сравнению с *on*) является вполне объяснимой. В анализируемых текстах существительное *details* сочетается с объектной синтаксемой, вводимой предлогом *of*, в составе выражений *details of the project* (два раза), *details of measures* (два раза), *details of developments* (один раз). С другой стороны, в тех случаях, когда в качестве главного слова в словосочетании выступает лексическая единица, обозначающая результат определенной целенаправленной деятельности, объектная синтаксема вводится с помощью предлога *on*. Весьма распространенными в анализируемых текстах являются такие сочетания, как *a report on the state of conservation*, *a regulation on the conservation of the historic centre*, *information on the project*, *guidelines on the project*, *a study on the stability of the buildings*. Фактически все тексты резолюций завершаются требованием представить доклад о (*report on*) состоянии сохранности культурных объектов, как в следующем примере:

(10) Finally requests the State Party to submit an updated report <...> **on** the state of conservation of the property <...> [WHC, p. 145].

В одном из восемнадцати случаев употребления предлога *on* как маркера объектной синтаксемы данный предлог коррелирует с предлогом *for*:

(11) The World Heritage Committee <...> encourages the State Party to proceed with the timely adoption and implementation of <...> the new Regulation **on** the protection, conservation and management of the historic centre of Gjirokastra and its buffer zone [WHC, p. 127].

(12) The World Heritage Committee <...> requests the State Party to <...> maintain the moratorium on any new constructions <...> until the approval of the new Regulation **for** the protection, conservation and integrated management of the historic centre of Gjirokastra and its buffer zone [WHC, p. 127].

В приведенных примерах семантико-синтаксическая дистрибуция предлогов является идентичной: *regulation on / for the protection*. Семантическое сходство объектных синтаксем здесь заключается в том, что в обоих случаях предлог вводит номинацию содержания нового закрепленного в документе положения (*regulation on / for*). Вместе с тем, при использовании предлога *on* происходит имплицитная категоризация референта существительного *regulation* как документа, содержание которого сосредоточено на (*on*) определенной тематике. Иначе говоря, интерпретацию словосочетания *regulation on the protection, conservation and management* можно представить в виде толкования «официальное положение, содержание которого сосредоточено на защите, сохранении и менеджменте». Предлог *for*, в свою очередь, задает иную интерпретацию документа, обозначаемого словом *regulation*. Документ, описываемый сочетанием *regulation for*, осмысливается как **предметная сущность, предназначенная для (for)** того, чтобы событие, называемое словами, которые следуют за предлогом, имело место, состоялось. Следовательно, выражение *regulation for the protection, conservation and management* трактуется как «официальное положение, которое предназначено для осуществления защиты, сохранения и менеджмента».

Наиболее частотным противопоставлением предлогов в сочетаниях, обозначающих документ и его содержание, является контрастивное употребление предлогов *of* и *for*, например:

(13) Requests the State Party to finalize, as soon as possible, the Management Plan **of** the property <...> [WHC, p. 137].

(14) Commends the State Party for the actions it has undertaken <...> to complete the New Municipal Urban Development Plan **for** the property <...> [WHC, p. 142].

В приведенных примерах наблюдается противопоставление предлогов *of* и *for* в сочетании *plan of / for the property*. Исходя из сказанного по поводу обоих предлогов ранее, в рассматриваемом случае имеет место **различная категоризация референтов знаменательных слов** в словосочетании. Если употребление предлога *of* предполагает осмысление соответствующих референтов как определенной эмпирической данности (*plan*) и той предметной области, которую эта данность представляет (*property*), то использование предлога *for* предполагает установление взаимосвязи между предметной сущностью (*plan*) и событием либо действием, в том числе включающим определенный объект (*property*), для которого эта сущность предназначена. Таким образом, сочетание *plan of the property* можно интерпретировать как дающее отсылку к документу (*plan*), относящемуся к (*of*) культурному объекту (*property*) как той предметной области, к которой этот документ приложим. Напротив, сочетание *plan for the property* предполагает, что этот же документ (*plan*) предназначен для (*for*) включения культурного объекта (*property*) в определенное событие, в данном случае – разработку проектов сохранности культурного наследия. Дифференцированная категоризация референтов пары *plan – property* происходит именно в дискурсе при оформлении словосочетания с использованием различных предлогов. При этом сами по себе предлоги выступают в качестве словесных знаков, указывающих на различные **когнитивные операции**, а именно, **операцию связывания** (эмпирического объекта и его предметной области) в случае употребления *of* и **операцию проецирования** (предметной сущности на определенное событие) в случае использования предлога *for*. Поскольку для деловой документации директивного характера, каковыми являются анализируемые тексты резолюций, характерно именно проецирование различного рода информационных объектов либо данных на те или иные мероприятия по охране культурного наследия, то частотность сочетания соответствующих существительных с предлогом *for* выше по сравнению с предлогом *of*. Количественный анализ именных сочетаний с главными словами *program*, *details* и *plan* показывает следующую статистику употреблений для каждого из названных существительных: *a program of* – 1, *a program for* – 2; *details of* – 5, *details for* – 6; *a plan of* – 4, *a plan for* – 9.

Следует отметить, что при характеристике культурного объекта по параметру «улучшение – ухудшение» встречается только две объектные синтаксемы с предлогом *of*, которые используются в контексте существительного *deterioration*:

(15) Welcomes the efforts made by the State Party <...> and encourages it <...> to ensure that no <...> deterioration **of** historic buildings <...> occur in the property and its buffer zone [WHC, p. 137].

(16) Welcomes the efforts made by the State Party <...> and requests it to <...> adopt regulatory regimes thus ensuring that no <...> deterioration **of** the heritage buildings <...> will take place [WHC, p. 147].

С другой стороны, в анализируемых текстах имеется один случай сочетания существительного *deterioration* с объектной синтаксемой при использовании предлога *to*:

(17) Welcomes the efforts made by the State Party <...> and encourages it <...> to ensure no <...> deterioration **to** the heritage buildings which could constitute a threat to the property and its buffer zone [WHC, p. 145].

В свою очередь, существительное *improvement*, которое употребляется в анализируемых текстах три раза, сочетается с последующим знаменательным словом только с помощью предлога *to*, как в следующем примере:

(18) <...> further urges the State Party <...> to use their infrastructure programs in order to <...> support technical improvements **to** train tracks and tunnels [WHC, p. 135].

В собственно количественном отношении при обозначении ситуаций улучшения и ухудшения состояния культурного объекта более частотно используются словосочетания с предлогом *to* (четыре раза) по сравнению с их аналогами, включающими предлог *of* (два раза). Об ином соотношении в плане предложной сочетаемости с существительными *improvement* и *deterioration* свидетельствуют данные Британского национального корпуса [15]. В корпусе содержится 468 случаев употребления *improvement of* и только 86 примеров использования *improvement to*, а также собраны примеры употребления *deterioration of* общим количеством 161, в то время как количество употреблений *deterioration to* сводится к двум. Не исключено, что предпочтительное употребление предлога *to* (по сравнению с *of*) в анализируемых словосочетаниях при их использовании в текстах резолюций (в отличие от менее специализированных текстов Британского национального корпуса) обусловлено особенностями категоризации знаменательных слов, обозначающих культурный объект. Выше отмечалось, что предлог *of* сигнализирует о категоризации референта последующего знаменательного слова как определенной предметной области, к которой относится эмпирически данное явление, обозначаемое главным словом в словосочетании. Таким образом, в словосочетании *deterioration of historic buildings*, используемом в двух приведенных выше примерах, предлог *of* задает интерпретацию исторических зданий (*historic buildings*) как образующих своего рода предметную область, которую может затронуть процесс ухудшения (*deterioration*). Употребление предлога *to* в словосочетании *deterioration to historic buildings*, очевидно, обусловлено иным осмыслением референтов знаменательных слов. Следует отметить, что предлог *to* является в первую очередь направлятельным, о чем свидетельствует наличие компонента *direction* в его словарных толкованиях:

(19) in the **direction** of something (OLD); used to indicate the **direction** of something (MWD); used for saying in which **direction** someone or something is facing or pointing (MD).

Компонент «направление», содержащийся в семантике предлога *to*, способствует дискурсивной категоризации референта главного слова в словосочетании *deterioration to historic buildings* как процесса, имеющего определенную направленность, что позволяет толковать сочетание *deterioration to* как обозначение процесса ухудшения, направленного на определенный объект. Поскольку воздействию определенного процесса подвергается не просто абстрактно мыслимый объект, а те или иные его свойства в определенный момент времени, то логично допустить, что референт именной группы *historic buildings* осмысливается с точки зрения его текущего состояния или статуса. Следовательно, интерпретацию словосочетания *deterioration to historic buildings* можно представить в виде толкования «процесс ухудшения, воздействие которого (может быть) направлено на текущее состояние исторических зданий». Поскольку в дискурсе Комитета всемирного наследия охраняемые культурные объекты зачастую рассматриваются именно в плане их текущего состояния, а также возможного изменения этого состояния, то вполне объяснимой является более частотная сочетаемость существительных типа *improvement* и *deterioration* с предлогом *to* по сравнению с предлогом *of*.

Хотя предлог *of* наиболее частотно употребляется в составе объектных синтаксисов, в анализируемых текстах имеются случаи использования этого предлога как средства указания на субъект определенного действия. В качестве служебного слова, оформляющего субъектные синтаксисы, предлог *of* соотносим в ряде случаев с предлогом *by*, например:

(20) Welcomes the efforts undertaken <...> to respond to the recommendations **of** the Committee and those **of** the ICOMOS Reactive Monitoring mission <...> [WHC, p. 127].

(21) Also encourages the State Party to continue to provide to the World Heritage Centre any development proposals <...> for review **by** the Advisory Bodies [WHC, p. 127].

Противопоставления предлогов *of* и *by* в словосочетаниях *recommendations of the committee / mission* и *review by the advisory bodies* можно считать вполне объяснимым. Если при употреблении предлога *of* осуществляется синтаксическая взаимосвязь имени речевого произведения (*recommendations*) и номинации области-источника (*committee / mission*), то использование предлога *by* способствует установлению взаимосвязи между непосредственной номинацией действия (*review*) и его исполнителя (*advisory bodies*). В целом, в анализируемых текстах резюмируется одиннадцать аналогичных противопоставлений субъектных

синтаксем в составе предложных сочетаний. Вместе с тем, в одной из резолюций предлоги *of* и *by* имеют максимально сходную дистрибуцию и оформляют субъектную синтаксему после существительного, обозначающего действие, ср.:

(22) <...> also regrets that the completed structure has been found to have a negative impact on the Outstanding Universal Value (OUV) of the property, according to <...> the evaluation **of** the State Party itself [WHC, p. 153].

(23) Finally requests the State Party to submit to the World Heritage Centre <...> an updated report <...> for examination **by** the World Heritage Committee at its 41st session in 2017 [WHC, p. 153].

На первый взгляд, словосочетания *the evaluation of the State Party* и *examination by the World Heritage Committee* в приведенных выше примерах описывают весьма сходные отношения между действием и его исполнителем или субъектом. Вместе с тем, при использовании предлога *by* ситуация рассмотрения документа (*examination*) категоризуется именно как действие, осуществляемое определенным субъектом (*the World Heritage Committee*), что подтверждается включением в состав предложения обстоятельства, фиксирующего время осуществления этого действия (*at its 41st session in 2017*). В свою очередь, при использовании предлога *of* ситуация оценки (*evaluation*) представлена только в плане ее конкретных результатов или письменно зафиксированных данных, у которых имеется свой источник (*the State Party*). Предметность осмысления ситуации в данном случае подтверждается фактом употребления определенного артикля с существительным *evaluation*, а также включенностью сочетания с этим существительным в матричную предложную конструкцию, вводимую предлогом *according to*. Таким образом, предлог *of* можно считать сходным с его коррелятом *by* как средством введения субъектной синтаксемы лишь в плане указания на когнитивную операцию связывания референтов сочетающихся знаменательных слов. В то же время предлоги задают различную дискурсивную категоризацию данных референтов. Если предлог *by* в рассматриваемом случае указывает на связывание действия в его динамике с субъектом осуществления этого действия, то предлог *of*, как и во всех рассмотренных ранее случаях, сигнализирует об установлении взаимосвязи между эмпирической данностью, воплощающей результаты действия, и предметной областью (в данном случае источником результатов), к которой эти эмпирические данные относятся.

Проведенный анализ языкового материала свидетельствует в пользу того, что служебные слова, в частности, предлоги играют немаловажную роль в формальном и содержательном структурировании официально-делового дискурса. Особенности употребления предлогов в проанализированных текстах резолюций Комитета всемирного наследия является их дифференцированное использование в составе содержательно сходных синтаксем в зависимости от

дискурсивной категоризации референтов знаменательных слов, входящих в словосочетание, а также характера когнитивных операций, которые способствуют установлению смысловой взаимосвязи между определенным образом категоризованными референтами.

Литература

1. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2000. 160 с.
2. Гальперин И. Р. Стилистика: на англ. яз.: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1977. 332 с.
3. Гуревич В. В. Стилистика английского языка: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 2007. 72 с.
4. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
5. Мухин А. М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. Л.: Наука, 1980. 304 с.
6. Исследования по семантике предлогов: сб. ст. М.: Рус. слов., 2000. 376 с.
7. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка. 2-е изд., испр. М.: Астрель; Аст, 2003. 221 с.
8. Cambridge dictionaries online. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 12.12.2014).
9. Collins English dictionary. URL: <http://collinsdictionary.com> (дата обращения: 12.12.2014).
10. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. Paris, 2015. 168 p. URL: <http://whc.unesco.org> (дата обращения: 12.12.2014).
11. Langacker R. W. The meaning of of // Grammar and conceptualization. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 73–90.
12. Macmillan English dictionary. URL: <http://macmillandictionary.com> (дата обращения: 12.12.2014).
13. Merriam-Webster dictionary. URL: <http://merriam-webster.com> (дата обращения: 12.12.2014).
14. Oxford Learner's dictionaries. URL: <http://oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 12.12.2014).
15. The British National Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu> (дата обращения: 12.12.2014).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ • INFORMATION ABOUT THE AUTHOURS

Балашова Татьяна Александровна
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
кандидат филологических наук, доцент
кафедра иностранных языков лингвистики

Balashova Tatiana Alexandrovna
Saint Petersburg State University of Culture
PhD in philology, associate professor
Department of foreign languages and linguistics
3003088@mail.ru

Благодравова Марина Александровна
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва
старший преподаватель
кафедра иностранных языков № 1

Blagonravova Marina Alexandrovna
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow
senior lecturer
Department of foreign languages №1
ms.mb1938@mail.ru

Бурмистрова Елизавета Валерьевна
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
кандидат филологических наук, доцент
кафедра иностранных языков лингвистики

Burmistrova Elizaveta Valerievna
Saint Petersburg State University of Culture
PhD in philology, associate professor
Department of foreign languages and linguistics
burmel11@gmail.com

Вуорикоски Анна-Риита
Ассоциация переводчиков Финляндии, Тампере
доктор философских наук

Vuorikoski Anna-Riita
Finish Tanslators Association, Tampere, PhD
anna-riitta.vuorikoski@elisanet.fi

Гарзанити Марчелло
Флорентийский университет, Италия
профессор

Garzaniti Marcello
Florentine University, Italy
professor
marcello.garzaniti@unifi.it

Гейхман Любовь Кимовна
Пермский национальный исследовательский университет
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
доктор педагогических наук, профессор
кафедра иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации

Geykhman Lyubov Kimovna
Perm National Research Polytechnic University
honored figure in Higher Professional Education of Russian Federation,
doctor in pedagogics, professor
Department of foreign languages, linguistics and cross-cultural communication
glk@pstu.ru

Громова Диана Алексеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент
кафедра делового иностранного языка

Gromova Diana Alexeevna
Saint Petersburg State University
PhD in philology, associate professor
Department of business foreign languages
gromovadiana@gmail.com

Дашкина Александра Игоревна
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
кандидат педагогических наук, доцент

Dashkina Alexandra Igorevna
Saint Petersburg State Polytechnic University
PhD in pedagogics, associate professor
wildroverprodigy@yandex.ru

Девель Людмила Александровна
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
кандидат филологических наук, доцент
кафедра иностранных языков лингвистики

Devel Liudmila Alexandrovna
Saint Petersburg State University of Culture
PhD in philology, associate professor
Department of foreign languages and linguistics
miladevel@gmail.com

Джендрих Элжбета
Козминский университет, Варшава, Польша
доктор философских наук, директор
лингвистический центр

Jendrich Elzbieta
Kozminsky University, Warsaw, Poland
PhD, director
Language centre
jendrych@kozminski.edu.pl

Клеменцова Надежда Николаевна
Калининградский государственный технический университет
кандидат филологических наук, доцент

Klementsova Nadezhda Nikolaevna
Kaliningrad State Technical University
PhD in philology, associate professor
nadiaklem@list.ru

Кольцова Елена Александровна
Ивановский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент

Koltsova Elena Alexandrovna
Ivanovo State University
PhD in philology, associate professor
koltsovalena@mail.ru

Копелева Галина Викторовна

**Санкт-Петербургский государственный институт культуры
кандидат филологических наук, доцент
кафедра иностранных языков лингвистики**

Kopeleva Galina Victorovna
Saint Petersburg State University of Culture
PhD in philology, associate professor
Department of foreign languages and linguistics
gallia777kopeleff@yandex.ru

Петрова Елена Серафимовна

**Санкт-Петербургский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент
кафедра переводоведения филологического факультета**

Petrova Elena Serafimovna
Saint Petersburg State University
PhD in philology, associate professor
Translation studies department, PhilologicaI faculty
petelena@mail.ru

Попова Нина Васильевна

**Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора
Институт прикладной лингвистики**

Popova Nina Vasilievna
Saint Petersburg State Polytechnic University
honored figure in Higher Professional Education of Russian Federation,
doctor in pedagogics, professor, deputy director
Institute of applied linguistics
ninasvaspo@mail.ru

Ставцева Ирина Вячеславовна

**Южно-Уральский государственный университет, Челябинск
старший преподаватель
кафедра иностранных языков**

Stavtseva Irina Vyacheslavovna
South Ural State University, Chelyabinsk
senior lecturer
Department of foreign languages
i.v.stavtseva@gmail.com

Степанова Мария Михайловна

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

кандидат педагогических наук, доцент

кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации

института прикладной лингвистики

Stepanova Maria Michailovna

Saint Petersburg State Polytechnic University

PhD in pedagogics, associate professor

Linguistics and intercultural communication department, Institute of applied linguistics

info@terralinguistica.ru

Тампоне Дженнаро

Флорентийский университет, Италия

профессор

Tampone Gennaro

Florentine University, Italy

professor

g.tampone@tin.it

Тюрина Светлана Юрьевна

Ивановский государственный энергетический университет

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой

кафедра интенсивного обучения английскому языку

Tyurina Svetlana Yurievna

Ivanovo State Energy University

PhD in pedagogics, associate professor, head of department

Department of intensive English language training

tsu1999@mail.ru

Хватов Сергей Александрович

Варшавский университет, Польша

кандидат филологических наук, доцент

институт русистики

Khvatov Sergey Alexandrovich

Warsaw University, Poland

PhD in philology, associate professor

Russian studies institute

skhvatov@uw.edu.pl

Хрисонопуло Екатерина Юрьевна
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
кандидат филологических наук, доцент
кафедра иностранных языков лингвистики

Khrisonopulo Ekaterina Yurievna
Saint Petersburg State University of Culture
PhD in philology, associate professor
Department of foreign languages and linguistics
hrisonopulo@mail.ru